

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С ПРАЗДНИКОМ,
ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!

Александра Пахмутова.

Фото Риммы Лихач.

ПИСЬМО НА УСТЬ-ИЛИМ

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Музыка А. ПАХМУТОВОЙ.

Слова С. ГРЕБЕННИКОВА и Н. ДОБРОНРАВОВА.

Над Москвой незнакомые ветры поют,
Над Москвой облака, словно письма, плывут...
Я по карте слежу за маршрутом твоим,
Это странное слово ищу — Усть-Илим...

Усть-Илим на далекой таежной реке,
Усть-Илим от огней городских вдалеке,
Пахнут хвоей зеленые звезды тайги,
И вполголоса сосны читают стихи...

Позови — я пройду сквозь глухую тайгу,
Позови — я приду сквозь метель и пургу,
Оглянись — неприметной таежной сосной
Уж давно я стою за твоею спиной.

Усть-Илим, над Москвой твои ветры поют,
Усть-Илим, твои ветры в дорогу зовут.
Усть-Илим... Две зеленых звезды в небесах.
И костер... И тоска в его рыжих глазах...

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

43-й год издания

№ 10 (1967)

7 МАРТА 1965

ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — ТАЙМЫР

В Хатанге я узнал, что в колхозе «Победа» живут и работают десять депутатов местных Советов, да вдобавок зооветфельдшером там — депутат Верховного Совета СССР Анна Дмитриевна Чуприна. Какой журналист упустит такую тему? Я немедля отправился на основную базу колхоза — факторию Кресты, расположенную у слияния рек Хета и Котуй.

Аккуратно выбеленные домики-коттеджи образовали три просторные улицы. Я пытался пересчитать дома, но сбился на семьдесят девятом: строй улиц уходил далеко в тундру.

Где же колхоз взял столько строительных материалов, ведь поблизости ни деревца?

Ответила на этот вопрос Анна Дмитриевна Чуприна, проводили меня к ней вездесущие ребятишки. Муж Анны Дмитриевны, строитель — это совершенно новая для тундры профессия,— уехал в лесотундру заготовлять лес для поселка. Весной лес сплавят по Котую, высушат, распилят на пилораме, и пойдет он в дело.

— Нам повезло,— говорит Анна Дмитриевна,— вот уже третий год председателем у нас в колхозе Борис Георгиевич Макаров, по образованию ветфельдшер. Немало поработал он в коммунальном хозяйстве Дудинки, и у него к благоустройству особая страсть... Кстати, он тоже депутат — окружного Совета.

Вместе с Анной Дмитриевной отправляемся поглядеть на поселок.

— Вот это пекарня, а это мастерская по выделке кож и мехов, вон там — сберкасса, детские ясли и садик, школа-интернат на 100 мест, почта...

Сегодня воскресенье, на улице полно народу. Все в нарядных одеждах. На женщинах меховые парки, расшитые разноцветным бисером, на плечах огненные лисы.

С Анной Дмитриевной здороваются почтительно: к ней тут относятся с уважением. На ее попечении обширная звероферма — 500 клеток, песцы и черно-бурые лисицы. Немалый доход приносят они колхозу. А еще Анна Дмитриевна — олений доктор. Приходится и ночей недосыпать: сама вместе с пастухами выхаживает телят в оленьих стадах.

Анна Дмитриевна не замкнулась в кругу колхозных дел. Поле ее деятельности — весь Таймыр. Не без ее участия построили новую школу-интернат в поселке Носок, школу-десятилетку в Хатанге, сейчас завершается строительство больницы в фактории Караул. Справедливые нарекания избирателей вызывает отсутствие в таких крупных поселках, как Хатанга, Караул, Волочанка, Усть-Порт, парикмахерских, фотоателье, мастерских по ремонту одежды и обуви. И еще: колхозы Таймыра закупили большую партию «Спидол». Радиоприемник очень радует пастухов-оленеводов, месяцами кочующих вдали от дома. Но вот поломался радиоприемник, а починить его негде: мастерских по ремонту здесь нет.

— Разве с этим можно мириться? — говорит Анна Дмитриевна.

Нелегкая это должность — быть депутатом!

И что может сделать один человек, даже облеченный большими полномочиями? Анне Дмитриевне помогают Советы депутатов, которые организованы почти во всех крупных поселках Таймыра. Совсем недавно, например, кино было в клубе всего два раза в неделю. «А почему не больше?» — спросили депутаты и добились того, что стало шесть раз. Библиотекарь Маша Михайлова нередко с киномехаником ездит в тундру за десятки километров, показывают новые фильмы пастухам.

Маша Михайлова не только библиотекарь, но и учительница. Это ее стараниями старики в колхозе стали грамотными. Маша и секретарь комсомольской организации колхоза. Недаром колхозники избрали эту энергичную девушку своим депутатом, изменив старой родовой привычке — выбирать только пожилых людей, умудренных жизненным опытом.

Мы идем с Анной Дмитриевной по фактории, и что ни встреча, то новая страничка из жизни маленькой народности — долган. Вот идет моложавый мужчина.

— Макар Еремин,— подает он руку в ответ на приветствие.— Плотник,— добавляет почти с гордостью.

Плотник окончил прославленный Институт имени Герцена в Ленинграде. Несколько лет работал преподавателем зооветеринарного техникума в Дудинке, а потом вдруг заскучал по тундре и приехал в родной колхоз. Попросился в плотники.

В колхозе «Победа» почти вся интеллигенция — здешние старожилы. Из семи учителей — четверо долганы. Директор школы — долганин Дмитрий Бетту.

Ребята в школе-интернате — здоровяки. Специально для них колхоз содержит молочную ферму из одиннадцати коров.

Новые профессии властно вторглись в жизнь колхоза. Хозяйству, например, никак не обойтись без тракторов. При двух колхозных тракторах — четыре механизатора. Они же управляют судовыми двигателями и электростанцией. Тракториста Ивана Кожевникова колхозники зовут каюром железного оленя.

Вечером я побывал на колхозном сходе. Люди собрались, чтобы посоветоваться: кого выдвинуть кандидатами в депутаты местных Советов?

Старейший агитатор колхоза Ербука Васильевич Портнягин — ему 68 лет — внимательно читает газеты, и уж будьте уверены, то, что он прочитал, станет достоянием других. Вот и сейчас его взволновала заметка об Аляске. Он качает головой, приговаривает:

— Худо, худо, однако, живут. Эскимосов и за людей не считают...

И разговор переходит на колхозные темы. Что говорить, богатеет колхоз, доходы растут. В прошедшем году они достигли почти двухсот тысяч рублей.

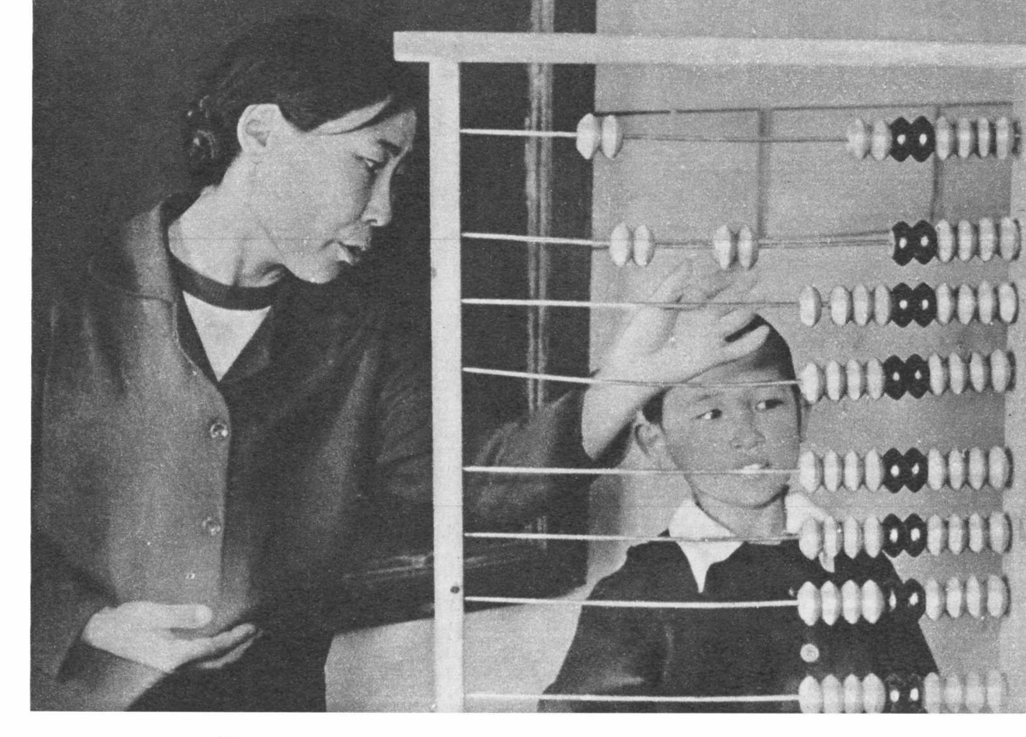
— Кого же в кандидаты предлагать будем? — спрашивает бригадир Манефа Тихоновна Кожевникова.

Первым колхозники называют председателя Бориса Георгиевича Макарова,— деловой человек, хороший хозяин, с добром относится к людям.

— А вон и сам он едет! — сказал кто-то.

И верно: со стороны Котуя, взметая снежную пыль, во весь опор неслась оленья упряжка; председатель объезжал оленьи стада, выбирал с оленеводами места для отела важенок. Целую неделю он был в пути...

В. КОНСТАНТИНОВ

В школе-интернате идет урок арифметики.

Депутат Верховного Совета СССР Анна Дмитриевна Чуприна.

Фото автора.

Ивана Кожевникова никак не могут зазвать в клуб.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Председатель Совета Министров ПНР Ю. Циранкевич осматривают экспонаты советского павильона.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ САМ ГОРОД

В большом оперном театре Лейпцига торжественно открылась юбилейная ярмарка. Старейшей в Европе Лейпцигской ярмарке 800 лет! В этом году в Лейпциге побывают 700 тысяч человек. На сто тысяч больше, чем население самого Лейпцига.

Какие бы эпитеты ни употребляли журналисты при описании Лейпцигской ярмарки, самую точную характеристику все же дают цифры. Вот они. Выставочная площадь, на которой представлены образцы товаров, составляет 330 тысяч квадратных метров. На территории самой ярмарки размещено 25 павильонов и 22 пассажа. Да еще в городе, там, где устроены ряды по средневековому образцу — с деревянными лотками, с продавцами в старинных цеховых одеяниях, с веселыми зазывалами,— там находится еще 17 павильонов.

Страны социализма представлены в Лейпциге 250 внешнеторговыми организациями. Около 40 молодых независимых стран прибыло в Лейпциг. Это — самое большое число независимых государств, когда-либо участвовавших в международных ярмарках. А всего в Лейпциге сейчас представлено более 70 стран!

Я беседую с директором пресс-центра Лейпцигской ярмарки Альфредом Марквичкой.

— Среди двух десятков европейских капиталистических стран,— говорит он,— наиболее широко представлены французские фирмы, затем английские, причем самые крупные. Парижская фирма «Рено» тоже отмечает своеобразный юбилей: она уже в десятый раз участвует в Лейпцигской ярмарке. Самый большой из иностранных экспонентов — Советский Союз. У входа в советские павильоны расположен стенд, где наглядно показано участие России и Советского Союза в Международной лейпцигской ярмарке. Торговые связи между Лейпцигом и Москвой существуют с 1573 года. Интересна фотография первой советской экспозиции на Лейпцигской ярмарке в 1922 году. Тогда молодая Республика Советов после заключения Рапалльского договора впервые приняла участие в международной торговой ярмарке. Страна, которая полвека назад поставляла в Лейпциг пеньку, сало и мех, открывает свою экспозицию разделом «Атом для мира».

Важнейшим событием юбилейной Лейпцигской ярмарки явилось посещение правительственной делегации Советского Союза во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, а также правительственных делегаций Польской Народной Республики и Чехословацкой Социалистической Республики.

После окончания осмотра в павильоне «Химия» корреспонденты разных стран обратились к А. Н. Косыгину с просьбой поделиться своим впечатлением о Лейпцигской ярмарке.

— Лейпцигская ярмарка,— ответил Алексей Николаевич,— еще долго сохранит свое значение как центр международной торговли. Сюда приезжают многие торговые представители, чтобы познакомиться друг с другом, узнать, кто что производит, чтобы обмениваться своими товарами и развивать торговлю. Тем самым Лейпциг служит экономическим интересам стран, которые принимают участие в такой торговле.

В. ПАРХИТЬКО

Лейпциг, по телефону.

Земля

Халимат БАЙРАМУКОВА

Земля,
Нет в похвалах тебе нужды.
Но знаю я:
С минуты сотворенья
Поэты всех веков на все лады
Писали о тебе стихотворенья.
И я должна воспеть тебя, Земля,
Твои поля, моря, лесные гущи,
Как должен воспевать тебя, Земля,
Любой и всякий на тебе живущий.
О, ты нужна мне не для двух ступней,
Не для того, чтоб где-то под вершиной
В последний мой денек,
В один из дней
Могла б занять я три твои аршина.
Ты мне нужна,
Чтобы стоял мой дом,
Чтоб сыновьям моим жилось в нем славно,
Чтоб он был и для внуков очагом,
Чтоб вместе с домом ты вращалась плавно.
Чтоб на тебе рожденное дитя
В своей бы ты качала колыбели,
Чтоб облака пушистые темнели,
Но не затем, чтоб закрывать тебя,—
Чтоб дать тебе живительность дождя.
Ты мне нужна,
Чтобы цветы могли
Цвести в любых краях родной России,
Чтоб руки материнские мои,
Тебя лаская,
счастие растили.

Перевела с карачаевского
Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

Официальный визит правительственной делегации Германской Демократической Республики во главе с председателем Государственного совета ГДР Вальтером Ульбрихтом в Объединенную Арабскую Республику — это вклад в улучшение взаимопонимания и сотрудничества между народами в интересах мира. Народ ОАР оказал немецким гостям теплую встречу. Руководители боннского государства пытались помешать этому визиту. В бессильной злобе они даже заявили, что прекращают «экономическую помощь» Египту. Достойный ответ на этот шантаж дал президент ОАР Гамаль Абдель Насер, отвергший претензии Бонна на роль «бескорыстного друга арабов». Он подчеркнул, что ОАР получает от ФРГ займы, за которые платит проценты. Президент Насер сказал, что египтяне не потерпят угроз в вопросе отношений с другими странами.

На снимке — встреча делегации ГДР на каирском вокзале.

В Швейцарии испытывается новое оборудование для предотвращения снежных обвалов в Альпах. С помощью этого оборудования можно установить место, где должен произойти обвал, и вызвать его заранее, до того, как он станет опасным.

24 ФЕВРАЛЯ В НАЙРОБИ тремя выстрелами в упор убит видный деятель национально-освободительного движения Кении, член парламента, член Исполкома Африканского национального союза Кении, главный редактор журнала «Пан-Африка» Пио Гама Пинто.

Вся недолгая жизнь этого человека была отдана делу борьбы за свободу Кении. За активное участие в политической борьбе Пинто неоднократно подвергался репрессиям, на долгие годы был брошен английскими колонизаторами в тюремный застенок. П. Г. Пинто был активным участником создания Африканского национального союза — партии, которая привела кенийский народ к свободе и независимости. На страницах редактируемого им журнала «Пан-Африка» П. Г. Пинто неустанно разоблачал происки империалистов против молодой Республики Кении. И хотя убийцы П. Г. Пинто еще не найдены, всем ясно, что оружие в их руки было вложено теми, кому ненавистны идеи свободы и независимости, кто в тщетных попытках задержать ход истории прибегает к методам террора и запугивания патриотов. Талантливый журналист, непримиримый борец с империализмом Пио Пинто погиб от руки наемников колонизаторов.

Советские люди вместе с народом Кении склоняют головы перед прахом этого светлого человека, всю свою жизнь посвятившего борьбе кенийского народа за национальное освобождение, за счастливую, процветающую Кению.

Дирижаблям летать!

Первые отклики москвичей на статью «Дирижабли ведут в поднебесье» («Огонек» № 7, 1965 год)

НА СМЕНУ САМОЛЕТАМ

В настоящее время мы не мыслим географических исследований без аэровизуальных наблюдений, аэрофотосъемки. Самолеты не всегда бывают удобны для нас, особенно новейшие, летающие с огромными скоростями и на больших высотах, поэтому если дирижабли будут созданы в нашей стране, то советские географы всемерно используют их.

И. ГЕРАСИМОВ,
академик, директор Института географии Академии наук СССР

ДОБРЫЙ ПОЧИН

Нашей стране строительство дирижаблей необходимо, как воздух. Нам надлежит разработать и обжить районы, отстоящие на тысячи километров от железных дорог, где нет ни аэродромов, ни шоссейных дорог, но где природа затаила в своих недрах несметные богатства. Сюда и следует направить не вертолеты, а грузовые дирижабли. С их помощью сотни экспедиций будут поддерживать постоянную и надежную связь со своими базами, чтобы в кратчайшие сроки, особенно в летнее время, перебрасывать тяжелое оборудование, разборные дома и припасы, то есть все необходимое для успешного выполнения государственных заданий.

И. ПАПАНИН,
дважды Герой Советского Союза, доктор географических наук

ДЛЯ МАССОВОГО ТУРИЗМА

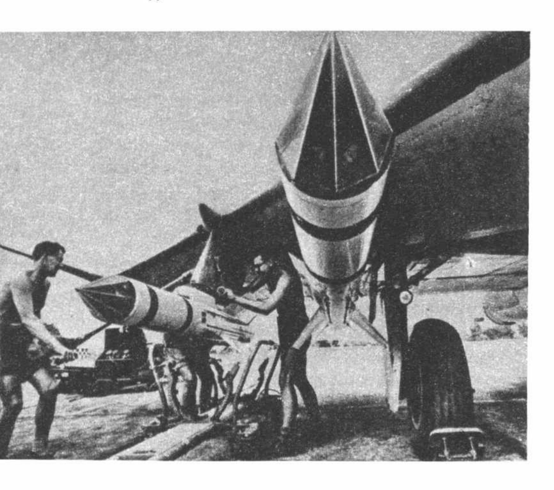

Возрождение советского дирижаблестроения будет способствовать развитию массового туризма в нашей стране. На дирижаблях можно будет перевозить туристов в наиболее отдаленные и очень интересные районы. Дирижабли, как наиболее дешевый вид воздушного транспорта, станут доступными самым широким массам трудящихся.

Мы охотно воспользуемся дирижаблями.

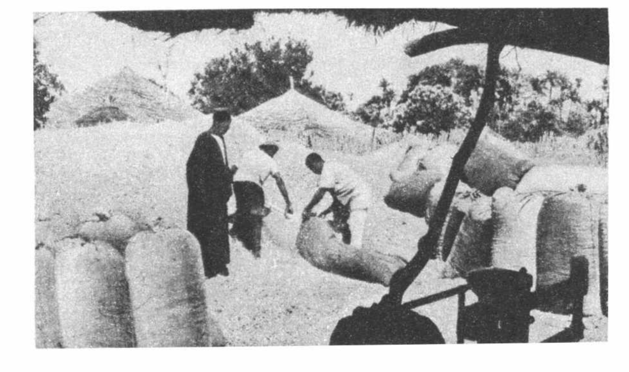
А. АБУКОВ,
председатель Центрального совета по туризму ВЦСПС

Более шестидесяти тысяч английских солдат находятся в Малайзии. Для защиты интересов английских колонизаторов, для подавления освободительного движения их оснащают самым современным оружием. Но не пора ли Англии задуматься над теми уроками, которые можно легко извлечь из аналогичной авантюры американского империализма в Южном Вьетнаме? В наше время защита колониальных позиций — дело безнадежное.

Японцы выступают против сговора между правительством Японии и Южной Кореи, результатом которого может стать новый военный блок в Азии. Демонстрация студентов Токио состоялась у входа в аэропорт, откуда японский министр иностранных дел отправлялся в Сеул. Против демонстрантов были применены полицейские силы.

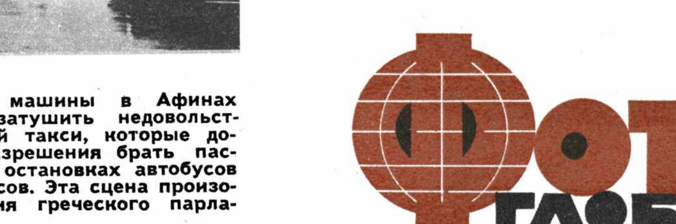
Еще одна страна на великом африканском континенте стала независимой. Гамбия, долгие десятилетия находившаяся под властью британского льва, ныне сама может решать свою судьбу. Колонизаторы оставили ее отсталой сельскохозяйственной страной. Ее экономика основана на выращивании земляных орехов. Арахис составляет 95 процентов ее экспорта. На снимке — упаковка арахиса в мешки. Потом его увезут за границу.

Фото ТАСС, ЮПИ.

Нелегко стать в Соединенных Штатах избирателем тому, у кого темная кожа. Длинная процессия людей, изображенных на этом снимке, — те, кто попытался внести свои имена в избирательные списки города Селма. За эту попытку их арестовали и бросили за решетку. В южных штатах США расисты силой стремятся заставить негров отказаться от борьбы против сегрегации. Но их действия вызывают лишь новый прилив людей в ряды борцов.

Пожарные машины в Афинах стараются затушить недовольство водителей такси, которые добиваются разрешения брать пассажиров на остановках автобусов и троллейбусов. Эта сцена произошла у здания греческого парламента.

ТАЛАНТ—НА СЛ

Вступительное сло

Товарищи!

Мне поручено дело очень почетное и ответственное — открыть Второй съезд писателей земли Российской.

Я делаю это с чувством радости и даже некоторого волнения, понимая, что сегодня к этому залу, где собрались представители великой русской и многих других замечательных литератур, развивающихся на просторах России, приковано внимание миллионов людей и в нашей стране и за ее пределами.

Я твердо уверен в том, что работа нашего съезда не останется незамеченной мировой общественностью и, в частности, печатью. Конечно, нам надо быть готовыми к тому, что откликнутся не только друзья, от души радующиеся нашим успехам и болеющие нашими болями, но наверняка захотят прокомментировать нашу работу и недруги. Я имею в виду тех господ, которых хлебом не корми, а дай посплетничать о наших делах.

Ну, да бог с ними, с нашими зарубежными комментаторами. У нас непочатый край своих дел, о которых мы должны на этом съезде потолковать откровенно и по-деловому. Чтобы наш народ, наш многомиллионный читатель не удивлялся: зачем это писатели оставили свои рабочие места — письменные столы — и занимаются несвойственным им делом — заседаниями, когда у нас в стране и без этого чрезмерно много заседаний?

А мнение народа — это то, чем мы, писатели, должны дорожить больше всего на свете. Потому что чем же еще может быть оправдана жизнь и работа каждого из нас, если не доверием народа, не признанием того, что ты отдаешь народу, партии, родине все свои силы и способности.

Я думаю, именно здесь и надо искать ключ к проблеме творческой интеллигенции в жизни нашего общества. Если, правда, такая проблема вообще существует... Грешным делом, мне иногда сдается, что мы слишком уж раздуваем эту проблему. Конечно, приятно, когда к тебе относятся бережно, помогают тебе, находят для тебя доброе слово, но разве каждый из нас, советских интеллигентов, вспоенных и вскормленных партией и народом, не обязан, в свою очередь, с глубокой любовью и сыновней бережностью относиться ко всему, что завоевано в труднейшей полувековой борьбе всеми нами — нашим народом, нашей партией, нашей родной Советской властью.

Если бы спросили мое личное мнение, то я сказал бы, что проблема интеллигенции решается у нас довольно-таки просто: будь верным солдатом ленинской партии — все равно, коммунист ты или беспартийный, отдавай всего себя, все свои силы, всю душу народу, живи с ним одной жизнью, делись с ним и радостью и трудностями — вот и вся «проблема»!

Нам с вами предстоит провести здесь, в Москве, вместе несколько дней. И не просто провести, а поработать, и поработать напряженно. И чтобы эти дни прошли с наибольшей пользой для нашего общего дела, для советской литературы, давайте договоримся заранее: будем работать дружно, как и подобает однополчанам, у которых одна цель, одна забота, попробуем отбросить все мелкие обиды и недоразумения. Пусть на первом плане будет то, что нас всех объединяет,— забота о новых успехах великой советской литературы. Этого очень ждет от нас партия, очень ждет и весь народ.

Думаю, вы поймете меня правильно: я не призываю к всепрощению и к всеобщему лобызанию. Дружба дружбой, но есть в нашем литературном, нашем идео-

В зале заседаний съезда.

В Большом Кремлевском дворце открылся форум писателей Российской Федерации. Присутствуют 429 делегатов.

Тепло встречают делегаты и гости появление в президиуме товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. И. Микояна, Д. С. Полянского, А. Н. Шелепина, Л. Ф. Ильичева, А. П. Рудакова, В. Н. Титова.

Второй съезд писателей РСФСР ярким вступительным словом открыл Михаил Александрович Шолохов.

Член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. П. Кириленко оглашает приветствие съезду от Бюро ЦК КПСС по РСФСР, встреченное горячими аплодисментами.

Доклад «Советская литература и воспитание нового человека» сделал председатель правления Союза писателей РСФСР Л. С. Соболев.

УЖБУ НАРОДУ

во М. А. Шолохова

логическом деле такие принципы, отступления от которых нельзя прощать и самому близкому другу. Тогда только наше единство будет прочным, когда мы не станем закрывать глаза на ошибки друг друга и научимся называть вещи своими именами. Если есть еще у нас что-то такое, что мешает нормально работать, нормально развиваться литературе,— давайте безжалостно отметем это. Если есть еще среди нас такие, кто не прочь иногда пококетничать своим либерализмом, сыграть в поддавки в идеологической борьбе,— давайте скажем им в глаза, что мы думаем об этом.

Слишком большая ответственность лежит на наших с вами плечах, слишком большое и дорогое дело доверено нам, чтобы мы могли уходить от партийного разговора начистоту.

Конечно, у каждого из нас есть свои наболевшие вопросы, каждому из выступающих наверняка захочется коснуться их, рассказать о делах и заботах своих товарищей по литературной организации. Но как важно нам — и позвольте мне специально подчеркнуть это — все время видеть перед собой главный ориентир, главную нашу тему — литература и жизнь народа, литература и строительство коммунизма. Если мы с вами сумеем удержаться на этой высокой ноте, то и песня получится и наш съезд станет не просто очередным литературным мероприятием, а высоким и плодотворным собранием людей, всерьез думающих и о жизни и о нашем искусстве.

За рубежом нередко просят нас — кто с ехидством, кто с искренним желанием понять — растолковать, так сказать, популярно разъяснить, что такое социалистический реализм. Я не рискую отбивать хлеб у наших теоретиков и, как всякий практик, не очень силен в научных формулировках. Но я на эти вопросы обычно отвечаю так: социалистический реализм — это искусство правды жизни, правды, понятой и осмысленной художником с позиций ленинской партийности. А если сказать еще проще, то, по-моему, искусство, которое активно помогает людям в строительстве нового мира, и есть искусство социалистического реализма.

Тот, кто хочет понять, что такое социалистический реализм, должен пристально присмотреться к громадному опыту советской литературы почти за полвека ее существования. История этой литературы — это и есть социалистический реализм, воплощенный в живых образах героев и зримых картинах народной борьбы.

Пусть величественный путь, пройденный за полстолетия советской литературой и, в частности, одним из головных ее отрядов — литературой русской, предстанет перед нашими глазами сегодня, когда мы сообща думаем о завтрашнем дне искусства. У нас за плечами огромное богатство. У нас есть чем гордиться, есть что противопоставить крикливому, но бесплодному абстракционизму. И хотя мы видим, как много еще предстоит нам сделать, чтобы оправдать доверие народа, хотя по большому счету мы еще недовольны своей работой, нам все же никогда не следует забывать, сколько внесено нашей литературой в духовную сокровищницу человечества, как велик и неоспорим ее авторитет во всем мире.

Дорогие товарищи! Писатели Российской Федерации первыми в стране собрались на свой съезд. Это, так сказать, первая ласточка среди республиканских съездов. Нам, россиянам, было бы хорошо провести наш большой разговор о литературе принципиально, деловито и требовательно. Я думаю, что мы с вами сможем этого добиться.

С этой надеждой и разрешите мне объявить открытым Второй съезд писателей Российской Федерации.

«СТУДЕНТЫ СОЦИАЛИЗМА»

Так называли себя девять журналистов из Алжира — члены делегации, прибывшей в нашу страну по приглашению Правления Союза журналистов СССР. Их и вправду можно было принять за студентов, особенно когда эти молодые ребята запевали озорные народные песни. Но за плечами у каждого биография столь же героическая, как история их революционной родины.

Руководителю делегации члену исполнительного комитета Союза журналистов Алжира Хатибу Абдель Маджиду нет еще и тридцати. Но он уже прошел университет борьбы в изгнании, воевал, издавал подпольную газету. Сейчас он работает в одном из изданий партии Фронт национального освобождения — газете «Альже репюбликэн».

Его товарищ — неугомонный весельчак Хайдар Хассани из молодежной газеты «Аш-Шабаб» — всегда носит черные очки. Он обжег глаза во время воздушной схватки над землей родного Алжира.

Главный редактор радио и телевидения Алжира Мохаммед Бен Белькасем стал журналистом в тюремной камере. В городской тюрьме Орана он был редактором газеты, которую с неимоверными трудностями издавали заключенные.

Молодых редакторов крупнейших алжирских газет объединяло одно стремление — увидеть своими глазами те великие преобразования, которые совершились в Советской стране. Программа их поездки по СССР была весьма обширной. Кроме Москвы, они побывали в Ленинграде, Баку, Тбилиси. И повсюду — в гостях у московских коллег, в светлых цехах ленинградских предприятий, на нефтепромыслах Каспия, в грузинском виноградарском колхозе — гостей встречали радушно, по-братски.

— От нас ничего не скрывали: ни достижений, ни трудностей,— заявил сотрудник журнала «Эль Муджахид» Фатхалла Юсеф.— Встречи на советской земле были для нас университетом социалистического строительства.

Гости успели многое увидеть в СССР за две недели. Их блокноты исписаны до отказа. Алжирские журналисты беседовали с сотрудниками «Правды» и «Известий», побывали в Телеграфном агентстве Советского Союза и в агентстве печати «Новости», в Государственном комитете Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению. В Баку алжирскую делегацию принимала заместитель председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Таира Таирова. Особенно теплой была встреча в Центральном Комитете Коммунистической партии Грузии. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии В. П. Мжаванадзе рассказал о борьбе советского народа за построение коммунизма, о торжестве ленинской национальной политики.

На память о пребывании в Советской Грузии товарищ В. П. Мжаванадзе вручил алжирским журналистам памятные подарки. Этот момент и запечатлел объектив корреспондента АПН Д. Козлова.

Игорь ИЦКОВ

1945

1965

Девушки наши в походны

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Женщины на войне. На сей раз это были не только сестры милосердия, как в предыдущие войны. Родина была в опасности, и они наравне с мужчинами взялись за оружие.

...Мелкий осенний дождь. По обочине дороги, изуродованной гусеницами танков, тянется пехота. Усталые, небритые, бредут солдаты, набросив на плечи намокшие плащ-палатки. А рядом, с трудом вытаскивая из грязи ноги в непомерно больших кирзовых сапогах, старается не отстать девушка, вынесшая из-под огня не один десяток раненых. Полы шинели подоткнуты. На плече сумка с красным крестом.

...Теплая южная ночь. Около самолетов, готовясь к вылету, суетятся девушки в военной форме. Оружейники подвешивают бомбы, и машины одна за другой уходят за линию фронта. Проходит несколько минут. На немецкой стороне вспыхивают прожекторы, и начинают ожесточенно бить зенитки. И так каждую ночь. Три года подряд.

...Армейский узел связи. Сырой блиндаж в несколько накатов. Тускло горят электрические лампочки. Над непрерывно трещащими телеграфными аппаратами склонились девушки. Работе нет конца. Восемь часов за аппаратом, восемь часов отдыха, и снова за аппарат. Всю войну. Без отпуска, без выходных.

...Полевой госпиталь. Идут тяжелые бои. Раненые все прибывают и прибывают. Коек не хватает. Искалеченные люди лежат в проходах, прямо на полу. Зима. Мороз. В палатках стонут наспех перевязанные раненые. Медсестры валятся с ног. В операционной женщина-хирург с красными от бессонных ночей глазами делает операцию. Которую по счету? Поспать или даже просто отдохнуть некогда. Здесь решается: останется ли человек на всю жизнь инвалидом, или нет.

...По заснеженным лесным тропам, обвешанные оружием, пробираются девушки-партизанки. Шум приближающегося поезда. Взрыв. Летят под откос вагоны. Идет ожесточенная битва на рельсах.

...Оккупированная территория. Всюду шныряют полицаи. Гитлеровцы хватают каждого подозрительного человека. А где-то здесь живет девушка, отважная подпольщица, которая с риском для жизни доставляет командованию Красной Армии ценнейшие сведения о противнике.

...Севастополь. Земля содрогается от бомб и снарядов. Город в огне. Укрывшись в развалинах дома, девушка-снайпер ведет счет убитым ею гитлеровцам.

А там, в тылу, в дождь и жару женщины строят оборонительные рубежи.

...Просматриваю свой военный фотоархив и записные книжки. Масса обидных пробелов. Во фронтовой спешке мы часто не снимали то, что тогда казалось второстепенным, а, как показало время, было очень важным. Часто не записывали фамилий тех, кого фотографировали. Но я до сих пор хорошо помню время, место и обстоятельства каждой съемки. Поэтому, печатая фото женщин-воинов, фамилии которых не знаю, я надеюсь, что они себя увидят и напишут в редакцию.

Веселая регулировщица у Бранденбургских ворот в Берлине. Ее снимали все кинооператоры и все фронтовые фоторепортеры. Но вот фамилии ее в сутолоке так никто и не записал.

Медсанбат под Орлом. Занятая своим делом, усталая медицинская сестра даже не посмотрела в нашу сторону, когда я ее фотографировал.

На плацдарме за Одером. Сестрица и полк братьев.

Внуковский аэродром. Авиадесантницы из отряда майора Солдатова: Кобзун, Николаенко, Амчиславская, Кремень и Трушко.

Дорога на Берлин забита машинами. Пока колонна стоит, можно успеть кое-что выстирать в воронке от авиабомбы.

х шинелях

Отважная белорусская партизанка-подпольщица Герой Советского Союза Аня Масловская. (Снимок сделан вскоре после войны.)

«ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЕ» — 40 ЛЕТ

Почтальон принес газеты. Среди них непривычно пухлая пачка, которую он вручает соседскому мальчишке-пятикласснику. Это «Пионерская правда». Сегодня у нее юбилей, в честь которого она и дарит своим красногалстучным читателям восьмиполосную вкладку.

Здесь вся история, вся биография юбиляра начиная с 6 марта 1925 года, когда вышел его первый номер.

Перед глазами юного читателя проходят имена выдающихся писателей, поэтов, журналистов, выступавших в газете: Николая Асеева, Эдуарда Багрицкого, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Виктора Кина, Федора Гладкова, Демьяна Бедного, Аркадия Гайдара...

Генеральный авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев рассказывает о том, как на деньги, собранные пионерами, был построен самолет имени «Пионерской правды».

Есть в этом номере и рассказ о пионерах-героях — Павлике Морозове, правофланговом легендарном герое нашего детства, и его сверстниках.

Читателей у юбиляра с каждым годом все больше и больше: тираж газеты за 40 лет вырос с 20 тысяч экземпляров до семи с половиной миллионов!

Много хороших, добрых слов хочется сказать в адрес всегда юной, боевой пионерской газеты.

Думаем, что бывший деткор, геологоразведчик из Свердловска Э. Савченко выразил в своем письме отношение всех читателей к своему пионерскому юбиляру:

— Мы ждали газету, как ждешь прихода в гости любимого и интересного человека!

ПЕВЕЦ ТРЕВОЖНОЙ МОЛОДОСТИ

На небольшом листе бумаги все разложено по полочкам:

Ф. И. О. — Пахмутова Александра Николаевна.

Призвание — композитор.

Задание — написать песню, достойную наших ребят.

Срок исполнения: 31 декабря 1962 года.

Братск. Подпись неразборчивая.

Этот типовой наряд на работу хранится у Александры Николаевны. Он напоминает ей о двух поездках по Сибири.

Свою первую фортепьянную пьеску Аля Пахмутова написала в пять лет, назвав ее коротко и выразительно — «Петухи поют».

...Началась война. Маленькая Аля вместе с родителями оказалась в Караганде. Нет рояля, но можно заниматься на аккордеоне, лишь бы заниматься. Потом Центральная музыкальная школа при Московской консерватории (ее Аля окончила по классу фортепьяно) и консерваторские занятия по композиции у Н. Пейко и В. Шебалина. На государственном экзамене Пахмутова показала симфоническую сюиту, кантату «Василий Теркин» и «Походную-кавалерийскую» на слова Ю. Друниной. Строгий симфонист В. Шебалин, не жаловавший песню, скрепя сердце разрешил исполнить ее на экзамене, но результатом остался доволен.

Было это примерно десять лет назад. На Московской студии научно-популярных фильмов расставляли микрофоны, пульты — готовились записывать музыку к картине «Экран жизни». Когда наконец все уселись, дирижер А. Янсонс галантно представил коллективу двух соавторов — популярного Андрея Эшпая и почти никому не известную Алю Пахмутову.

Так как фильм рассказывал о делах земных и космических, композиторы соответственно поделили его: космос взял Эшпай, а все, что касалось земных дел, досталось Пахмутовой.

Александра Николаевна вспоминает, как она боялась этой встречи. Вдруг оркестрантам музыка не понравится — тогда берегись, сочинитель! Но после первого исполнения раздалась «мелкая дробь»: это скрипачи стучали смычками по деке инструмента: композитор получил признание.

Вскоре творчеством Пахмутовой заинтересовался «Мосфильм». Знаменательным для нее стал фильм «По ту сторону».

До выхода картины на экран Пахмутова решилась показать «Песнь тревожной молодости» на конкурсе песен и получила там только поощрительную премию. Авторам — Пахмутовой и Ошанину — даже советовали сделать некоторые переделки. В это время вышел фильм. Песню тут же подхватили известные певцы, хоры, самодеятельность; ее исполняли по радио, в концертах, пели на улицах. В течение нескольких дней песня стала популярной. Творчество композитора и поэта, воспевших бескорыстную романтику подвига, нашло отклик в сердцах молодежи. Именно тогда и открыла А. Пахмутова «белое пятно» на карте искусства, свою тему, свой мир, который надо было заселить реальными героями. И Аля поехала за ними в Сибирь, на стройки. Она выступала в клубах, в палатках, на палубе корабля; ее не могла остановить непогода, трудные дороги... Герои шли в ее песни прямо со строек. Пришел Иван Скрыпник — комсорг строительства и нынешний начальник Зейстроя Алексей Шохин, пришел комсомол со строительства Усть-Илима, ЛЭП-500, Зеи и далекой Заверняйки...

А как же наряд на работу, что был прислан из Братска? Пахмутова выполнила задание на 1 300 процентов: вместо одной песни написала тринадцать. И их запела молодежь, отправляясь по зову сердца в тревожную даль.

Мих. ДАВЫДОВ

Реванш

Конькобежные итоги подводит большая спортивная зима. Для наших спортсменок она снова была успешной. Снова самыми быстрыми в мире оказались москвичка Инга Воронина и свердловчанка Валентина Стенина на ледяной дорожке в финском городе Оулу.

Но кто же все-таки из них сильнее? Очень упорной была спортивная борьба на чемпионате мира. И она там не закончилась. Борьба двух замечательных спортсменок продолжилась на родине, в городе Горьком.

Дул сильный ветер. Бежать было трудно. И только им двум оказалось под силу победить на всех четырех дистанциях многоборья.

Свердловчанка взяла реванш у своей соперницы и подруги. Валентина Стенина — абсолютный чемпион СССР 1965 года. Чемпион СССР по многоборью среди мужчин минчанин Эдуард Матусевич.

На снимке: на дистанции — Валентина Стенина.
Фото А. Бочинина.

Фото Н. Козловского.

Десятилетний мальчуган в день рождения своей сестры выпустил семейную стенную газету под названием «Наша Наташа». В газете была передовая, очерк о жизни папы, стихи, посвященные имениннице, фельетон об ее лучшей подруге «рыжей Кате»— словом, все, что полагается видеть в настоящей стенной газете. Родные были в восторге. Только строгая бабушка нашла очерк о папе слишком смелым. «Высечь бы тебя»,— добавила она. А тетка Настя всплеснула руками и сказала: «Будет он журналистом, поверьте моему слову, вот горе-то!»

И действительно, лет через пятнадцать редактор и создатель газеты под оригинальным названием «Наша Наташа» стал журналистом. Зловещее пророчество тети Насти оправдалось, к огорчению родителей, которые были врачами и, естественно, мечтали, что и сын пойдет по их пути.

Но так случается не часто. Девчонка, которая сооружает дом из кубиков, не обязательно станет инженером, равно как из мальчишки, ловко вылепившего снежную бабу, не обязательно вырастет новый Микеланджело.

Кто знает, как зарождается в человеке любовь к делу, к профессии, к мастерству, к какой-либо определенной форме деятельности? Кстати, в жизни профессия и призвание далеко не всегда совпадают. Можно сорок лет прослужить учителем, именно прослужить — исправно ходить на работу, объяснять на уроках, как и почему Земля вращается вокруг Солнца, проверять ученические тетрадки и при этом не чувствовать никакого воодушевления, творческого жара. Равнодушны ученики к такому учителю, не оставляет он следа в их сердцах. Да и сам учитель, оказавшись в положении выполняющего обязанности, при всей своей честности и добросовестности не один раз скажет: «Черт бы меня побрал, надоела мне эта лямка!» Конечно, из такого учителя никогда не выйдет ни Макаренко, ни Ушинского. Диплом и профессия есть, а призвания нет.

Сколько жизненных трагедий происходит именно потому, что профессия выбрана неудачно, не совмещена с призванием! И какую огромную творческую радость испытывает человек, когда работает по призванию, воодушевленно, когда каждый наступающий новый день несет с собой и тревоги и свершения.

Но призвание — это не только влечение. Сказать: «Я хочу» — еще недостаточно. Влечение, откристаллизованное постоянным трудом, напряженной мыслью, систематическим обогащением знаниями и в дальнейшем личным опытом,— вот из чего рождается призвание.

Пятилетний Олег Рябенко, питомец детского сада киевского завода «Арсенал», всматривается в мир внимательными глазами. Увлечения у него, конечно, есть, но до профессии, а тем более до призвания еще очень далеко. Что ждет его в этом мире? Может быть, он будет ученым, таким, как Георгий Евгеньевич Пухов — доктор технических наук? Может быть, архитектором, таким, как эти молодые люди, строители гостиницы «Днепр»? Может быть, инженером, поэтом, художником, землепроходцем, рабочим — знатоком фрезерного дела? Все открыто перед ним, любые жизненные пути-дороги!

Стефан Турчак родом из украинского села Мацковичи, с ранних лет любил музыку — отец его играл на скрипке, односельчане певали раздольные, нежные и грустные песни,— вот и стал деревенский мальчик крупным дирижером, повелителем мелодий.

Дочка Ларисы Латыниной завороженно смотрит на безукоризненно точные, красивые движения знаменитой гимнастки — своей матери. Может быть, в этой сцене мы и видим рождение увлеченности, а потом и призвания?

Ведь часто бывает так, что от отца к сыну, от матери к дочери проходит какая-то незримая нить, указывающая жизненную дорогу. И когда малое дитя говорит: «Я буду, как мама»,— в этом есть большой смысл, который ребенок, естественно, не улавливает, но, повзрослев, все чаще и чаще утверждается в этом. И отсюда любовь к делу, к профессии. А это краеугольный камень призвания.

Ник. НИКОЛАЕВ

ПРИЗВАНИЕ

Юрий ЖУКОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ТАНКИСТА

1945

1965

Оставив танки Катаева и Духова у моста, Бочковский повернул остальные машины на Коломыю и с рассветом ворвался в город, ведя огонь из всех пушек и пулеметов. Сопротивление было сломлено быстро, деморализованные внезапным ударом с тыла и отрезанные от переправы гитлеровцы бежали, бросая оружие, вплавь уходили за Прут, чтобы спастись в Карпатах. К половине девятого утра все было кончено. Вечером танкисты услышали по радио, как в Москве гремел салют в честь взятия Коломыи. В их честь.

— Вот и все,— сказал Владимир Бочковский, заканчивая свой рассказ.— Все участники рейда награждены. Игнатьев сейчас в госпитале, ему Золотую Звезду вручили.— Бочковский провел ладонью по лицу и задумчиво добавил:— Рассказывать, конечно, легче, чем воевать. Наверно, после войны многие будут книги писать, доклады делать, мемуары сочинять, кое-кто и прихвастнет — не без этого! Но я думаю, что для пользы дела где-то надо вести абсолютно беспристрастный и точный реестр событий. Ведь на этих событиях мы после войны учиться будем.— Бочковский улыбнулся.— Я вам, кажется, уже говорил, что после войны пойду в военную академию. Это уж точно, решено и подписано, только дожить бы до Берлина!..

И он снова нахмурился: ему совершенно необходимо дожить до Берлина — ведь где-то там, в Германии, сейчас страдает его отец. Да, старик Бочковский, человек самой мирной на земле профессии, санаторный кондитер, угнан гитлеровцами в концлагерь.

— Теперь вы понимаете, как важно мне дожить до Германии,— тихо сказал в заключение Бочковский.—Всю ее пройду насквозь, а отца разыщу. Ему сейчас пятьдесят пять лет... Доживет ли до освобождения? Надо, чтоб дожил...

* * *

И вот третья встреча с друзьями-танкистами — уже за рубежом, в Польше. Первая танковая армия, теперь уже гвардейская, принимает пополнения, расположившись в укромном лесу.

Читаю в своей потрепанной фронтовой тетради:

Шестое ноября 1944 года. Снова у Катукова. Смешанный осенний лес: красная, золотая, зеленая листва. В роще белые грибы. Зеленая трава. Солнце. Все это непривычно видеть в ноябре. Под Москвой уже лежат снега... Далеко, очень далеко отогнали фашистов. Еще один-два броска, а там и Германия...

Радостно было вновь увидеться с Катуковым. Он все такой же, только на его генеральском кителе прибавилась Золотая Звезда Героя, а орденов на нем теперь столько, что новые, кажется, и поместить некуда.

Слава не испортила этого человека, он все такой же: простой, поклонник крестьянской пищи, любитель собирать грибы и охотиться на зайцев, жадный до работы, какой-то двужильный, несмотря на свои хворости, разговаривать о которых терпеть не может, находчивый и остроумный военачальник, кумир солдат и гроза интендантов, пытливый, думающий человек.

Седьмое ноября. С утра сопровождаю Катукова в поездке по частям. Очень интересно наблюдать, как он разговаривает с офицерами и солдатами.

Лагеря — в лесах. Обширные блиндажи, обшитые тесом,— каждый на взвод. Дорожки, посыпанные песком. Парадные линейки. У каждого блиндажа из аккуратно раскрошенного кирпича, угля, мела выложены изображения гвардейских знаков, ордена Славы, изречения Суворова, лозунги. Под навесами — столовые.

Катуков строго проверяет, как кормят. Устраивает разнос за то, что в одном батальоне нет горчицы и перца на обеденных столах.

А вот разговор с пятнадцатилетним воспитанником части Мишей Филатовым, умелым ремонтником и лихим мотоциклистом.

— Хочешь стать офицером?— спрашивает Катуков.

— Хочу!

— А что же это у тебя под мышкой шинель порвана? Иголка есть?

— Я же не портной, я мотоциклист...

Катуков молча снял фуражку и показал пришпиленную изнутри иголку с ниткой.

— Видишь, я генерал, а иголка всегда при мне. Понял? Достань сейчас же иглу и зашей рукав. Будешь аккуратным бойцом — пошлем в Суворовское училище...

Наконец добираемся до 1-й гвардейской танковой бригады; в битве под Москвой Катуков сам был ее командиром, там мы с ним и познакомились. Генерал сияет: он у себя дома. Тут мы и встречаемся с Владимиром Бочковским. Объятия, радостные восклицания, смех. Наш герой жив и здоров, воюет по-прежнему отлично — в такой бригаде нельзя иначе. Вспоминаем, что произошло за последнее время, военную науку наша армия постигла отлично, и рассказать есть о чем.

Весть о том, что генерал здесь, уже облетела лес. Сбегаются люди. На лужайку спешит комбриг Темник, усатый подполковник, бывалый воин, чем-то похожий на лермонтовского штабс-капитана Максимыча.

Подходят танкисты Бочковского. Генерал доволен их выправкой.

— А ну, станцуем «барыню»! Где гармонь? А барабан? Да что же это за солдатские танцы без барабана? Говорите, нету? А сколько вы баранов съели? Неужто не могли баранью шкуру на лукошко натянуть?

Звучит лихая музыка. В круг выходят сразу человек десять. Веселье! Собирается большая толпа. Бочковский глядит на танцоров. Видать, хотелось бы и ему в круг, да с укороченной после ранения ногой не очень-то попляшешь. И вдруг Катуков, воспользовавшись паузой, заводит уже серьезный разговор:

— А вы читали предоктябрьскую статью нашего всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина? Там ведь и о вашей бригаде написано!

— Читали!

— Были мы у него с Николаем Кирилловичем Попелем, членом Военного Совета нашей армии, так он сорок минут про вас расспрашивал... «Я старик,— говорит,— а за ними слежу. Слежу!» Он еще в подмосковных боях бригаду приметил, с тех пор постоянно интересуется ею. Так что, смотрите, не подведите бригаду! Не то конфуз выйдет. Встретимся мы опять с Михаилом Ивановичем, а он и спросит: «Какая бригада в первой гвардейской танковой теперь лучшая?» И вдруг нам придется ответить: «Шестьдесят четвертая». «А куда же первая гвардейская подевалась?» Неудобно получится...

И сразу со всех сторон хором:

— Не подведем! Были первыми, первыми и до Берлина дойдем!..

Восьмое ноября. Уже рабочий день: учения. С утра вдруг снег. Мокро. Надев плащ-палатки, едем туда, где в приближенных к боевым условиях проводится переправа через водную преграду. Высокий сосновый бор. Рядом озерко, покрытое грязно-зеленой ряской. Саперы сладили под водой штурмовой мостик — бежать по нему надо по колено в воде. Вроде бы неудобно, зато мостик не виден противнику, его трудно обнаружить и разбить.

Часть солдат переправляется на подручных плотах, сделанных из досок и соломы. Тут же надувные резиновые лодки. Некоторые бойцы в специальных костюмах — вокруг талии у них нечто вроде большого спасательного круга,— так легче переплывать реку.

Учениями командует командир бригады полковник Бабаджанян, энергичный, опытный офицер. Каждая деталь операции отрабатывается тщательно, с многократными повторами. Ракеты... Солдаты, вырываясь из соснового бора, мчатся к воде...

Катуков внимательно наблюдает за ходом переправы, следя за минутной стрелкой своих часов. Здесь же командиры частей. Среди них я вижу и Бочковского.

Девятое ноября. Наблюдаем учебные стрельбы в тяжелом самоходно-артиллерийском краснознаменном проскуровском полку, которым командует подполковник Дмитрий Борисович Кобрин; орденом Красного Знамени полк награжден недавно за образцовое выполнение заданий в боях при форсировании Вислы.

У полка поистине захватывающая история. Он ведет свое летосчисление от формирования в Петрограде в 1917 году 1-го летучего броневого красногвардейского отряда, на базе которого 23 октября 1918 года был создан 2-й автоброневой дивизион. В этой части был знаменитый двухбашенный броневик, с которого выступал Ленин,— потом его передали в музей. За ним ухаживали в гараже служившие тогда курсантами Потькало и Меняйло, сейчас оба они уже капитаны.

Учебные стрельбы проходят образцово, мощные самоходные орудия поражают цели с первого выстрела на предельных дистанциях, мишени разлетаются вдребезги.

— Так и пойдем до Берлина,— удовлетворенно говорит подполковник Кобрин внимательно наблюдающему за стрельбами капитану Бочковскому.

И вот торжественный вечер офицеров первой гвардейской, посвященный Октябрьской годовщине. В густом багряно-золотом лесу торжественная тишина. По широкой просеке, устланной мягким

Окончание. См. «Огонек» № 9.

ковром желтых листьев, прогуливаются празднично одетые танкисты, четвертый раз встречают они праздник на фронте — на этот раз далеко от родных краев, близ берегов широкой Вислы.

Началось собрание, докладчик говорит о пройденном пути и о том, какой остается пройти до Берлина. И мне вспомнилось, как ровно три года назад в небольшом подмосковном селе в тесной избе с бумажными розами и любительскими фотографиями на стене в такой же вечер полковник Катуков, командовавший 4-й танковой бригадой, проводил праздничную встречу со своими офицерами. Тогда из бригады можно было за полтора часа доехать до Красной площади. Но близость эта не радовала, а тревожила. Лихой разведчик Коровянский, только что сходивший на своем танке в расположение противника, донес, что в лагере немцев снова начинается движение: враг готовил мощный удар по Волоколамскому шоссе, и его должны были принять на себя первыми они, горсточка танкистов, ставших щитом у ворот Москвы.

Да, с тех пор прошло всего три года. Бригада за эти годы выросла в корпус, корпус — в армию, а армия эта располагает теперь такой техникой и такими людьми, что никакие силы и никакие рубежи остановить их не смогли бы...

А докладчик продолжал рассказывать о том, какие огромные задачи встанут перед армией в эту зиму, которой, судя по всему, суждено стать последней военной зимой.

— Мы их доколотим, товарищи,— сказал наконец, улыбаясь, докладчик.

И тут я увидел, как сидевший в переднем ряду Владимир Бочковский сорвался с места и закричал:

— Доколотим! Обязательно доколотим!

Мы расстались несколько дней спустя. Думалось, что встретимся еще не раз на фронте и уж, во всяком случае, День Победы отпразднуем вместе — где-нибудь в Берлине. Но обстоятельства сложились так, что мне не пришлось больше побывать в Первой гвардейской танковой, и с Владимиром Бочковским мы встретились только много лет спустя.

* * *

...Мы сидим у меня дома, в Москве. Сорокалетний генерал-майор танковых войск Владимир Александрович Бочковский рассказывает о том, что же было дальше. Его уже не назовешь Володей, хотя глаза у него все те же — молодые, иной раз даже чуточку озорные, и вихор на затылке все такой же — непокорный. Разговаривает он попрежнему очень увлеченно, страстно, оживленно жестикулируя.

Генерал Бочковский много думает о современных проблемах стратегии и тактики, о роли танковых войск. Живо интересуется новинками военной литературы, иностранным опытом боевой подготовки. Он принадлежит к тому поколению военачальников, которое вынесло на своих плечах всю тяжесть будничного ратного труда во второй мировой войне, начав свою военную карьеру с самой первой ступеньки. Вот так же, с самой первой ступеньки — рядовыми красноармейцами начинали свой путь на гражданской войне военачальники того поколения, к которому принадлежит Катуков, ныне Маршал бронетанковых войск и дважды Герой Советского Союза.

Эта общность пути и сблизила их. Бочковский справедливо считает себя учеником Катукова, и самая заветная его мечта — когда-нибудь стать командиром того самого воинского соединения, которое Катуков довел до рейхстага. А почему бы и не осуществиться этой мечте? Ведь Владимир Бочковский сейчас уже окончил Академию Генерального штаба...

Как всегда бывает при таких встречах, разговор в конце концов неизбежно возвращается к пережитому на войне.

— А помните Виктора Федорова,— вдруг говорит генерал,— ну того самого, который спас меня чудом на Брянском фронте? Представьте себе, судьба опять нас свела вместе на фронте, да еще где — в Польше! Послали меня на станцию принимать пополнение — маршевые танковые роты. Даю команду: «Построиться!» Танкисты выскакивают из вагонов. И вот кого же я вижу? Виктор Федоров! Оказывается, он уже лейтенант: был ранен, вылечился, окончил офицерскую школу и вот теперь прибыл опять воевать. Так он оказался в моем батальоне. Между прочим, Катуков, которому я тут же рассказал его историю, наградил Виктора — за спасение офицера в бою в самой трудной обстановке — орденом Красного Знамени.

Бочковский умолкает, на лицо его вдруг ложится тень:

— Хорошо воевал Виктор, по-гвардейски. И всего лишь несколько дней не дожил до победы: погиб уже в Берлине, почти у самого рейхстага. В районе зоопарка угодила в него немецкая пуля, прямо в лоб. А ведь какой человек был! Про него молва по армии шла, что это заговоренный танкист, его ни снаряд, ни пуля не возьмет! Вы знаете, что было с ним под Франкфуртом-на-Одере?..

И генерал, не ожидая ответа, рассказывает эту удивительную историю.

Дело было в феврале 1945 года. Бочковский, как обычно, шел впереди танковых войск Катукова, в головном отряде, под его командованием был все тот же неизменный второй батальон 1-й гвардейской танковой бригады, а с ним еще три батареи самоходных артиллерийских установок, две роты автоматчиков и зенитная батарея — техники теперь хватало!

Отряд Бочковского взял с ходу Куннерсдорф, известный по Семилетней войне. Теперь это — селение как селение, и все же необыкновенно радостно было войти сюда. Из Куннерсдорфа — прямо к Франкфурту-на-Одере. Пока что все идет гладко: гитлеровцы деморализованы глубоким рейдом советских танков. И вдруг с окраины города открывается сильный огонь...

Комбат послал разведку. Схватили нескольких пленных. Те сказали: во Франкфурте укрепились две юнкерских школы из Берлина. Туда подошло много танков. Говорят, что сейчас перед юнкерами выступает сам Гитлер и уговаривает их стоять до последнего. Эх, силенок бы побольше, трахнуть бы по Гитлеру! Но ближайшие советские части в ста километрах позади. Сунешься без подкреплений в это осиное гнездо, можешь потерять все...

Смиряя себя — уж очень хотелось ворваться в город! — Бочковский отвел свой отряд на юг, перебрался, не встречая сопротивления, через Одер по нетронутому мосту и прочел на дорожном указателе: «Берлин — 67 километров»... Бочковский еще раз усилием воли подавил в себе желание устремиться дальше, вперед по такому отличному пути: желанная цель близка! Но чутье бывалого танкиста подсказывало, что вот-вот обстановка изменится: не зря гитлеровцы перебрасывают сюда свои танковые части. И Бочковский отдал приказ отойти к удобной для обороны деревеньке на опушке леса в трех километрах от Франкфурта-на-Одере. Отойти и занять там боевые позиции в ожидании, пока подойдут наши войска.

Это было единственно правильным решением: едва успел отряд Бочковского расположиться на новом месте, как на него обрушились сразу пятьдесят танков и закипел жестокий бой, продолжавшийся без передышки более полутора суток. Положение осложнилось тем, что в этот момент 1-я гвардейская танковая армия получила приказ повернуть на север, к Балтийскому морю, и отсечь своим стальным клином путь к отступлению немецких армий. Командир корпуса Дремов передал Бочковскому по радио приказ пробиваться на соединение со своей бригадой.

Но Бочковский в этот момент был уже зажат в кольце — с востока его атаковали немецкие части, они тоже должны были соединиться со своими войсками; с запада, севера и с юга наступали гитлеровцы, обороняющие рубежи Одера. Наиболее сильный натиск Бочковский испытывал с востока. Немцы предусмотрели, что он попытается пробиться к своим.

Подумав, капитан принял неожиданное и смелое решение: атаковать Франкфурт — вот этого немцы никак не ждут! — и, воспользовавшись замешательством противника, проскочить по окраине города вдоль берега Одера на север. А где-то там впереди уже наши...

Внезапный, молниеносный удар сделал свое дело, и отряд Бочковского с грохотом промчался по намеченному маршруту, не понеся никаких потерь. Труднее всего было пробиться через линию фронта, установившуюся северо-восточнее Франкфурта-на-Одере: танки должны были прорваться через немецкие окопы, промчаться по «ничьей» земле и вихрем перелететь через собственные окопы. Тут можно было не только попасть под огонь противника, но и угодить под выстрелы собственной артиллерии.

К счастью, все обошлось благополучно. Но вот Виктору Федорову решительно не повезло: его танк застрял в воронке на «ничьей» земле — метрах в двухстах от немцев и в трехстах метрах от своих окопов! Танкисты, выручая друга, пытались вытащить его машину на буксире — цепляли тросами к двум, трем, наконец, к пяти танкам, но сдвинуть с места так и не смогли. А пришедшие наконец в себя немцы усиливали обстрел. Что делать?

— Лейтенант Федоров! — волнуясь, скомандовал по радио Бочковский.— Разрешаю вам оставить машину и отойти в расположение нашей пехоты.

В ответ послышался глуховатый, но упрямый голос:

— Разрешите остаться в машине. Будем продолжать вести бой, поддерживая связь с нашей пехотой...

Бочковский поколебался мгновение, потом подумал: сам на его месте поступил бы точно так же. И сказал:

— Разрешаю. Оставим тебе свои боеприпасы и продовольственный запас...

Так на «ничьей» земле неожиданно образовалась долговременная огневая точка, расстреливавшая немцев в упор. Когда у Федорова вышли все снаряды, он начал посылать по ночам членов своего экипажа ползком к зенитчикам за восьмидесятипятимиллиметровыми снарядами: они подходили к пушке его танка. И грозная машина снова и снова била по гитлеровцам.

Прошло около месяца. Танкисты Катукова все время участвовали в трудных боях, но о своих друзьях, оставшихся на «ничьей» земле, не забывали. Что же касается Федорова, то он ухитрился даже переслать письмо в батальон через полевую почту пехотинцев: «Живы, воюем, вот только со снарядами и с едой туговато».

Узнав об этой истории, Катуков строго-настрого приказал своей технической службе любой ценой выручить танк лейтенанта Федорова. В тот район была послана настоящая инженерная экспедиция. Установив по ночам сложную систему тросов, блоков и полиспастов, протянувшуюся на добрые полкилометра, инженеры вытащили федоровский танк, который потом уже своим ходом пришел в бригаду. Федоров получил тогда еще один орден Красного Знамени.

— Замечательный был танкист,— повторяет Владимир Бочковский.— Был бы теперь большим командиром. Дорого, очень дорого обошлась нам Берлинская операция...

Да, Первая гвардейская танковая бригада, которая наносила лобовой удар, начиная от знаменитых Зееловских высот и до самого центра Берлина, в эти последние дни великого наступления понесла поистине тягчайшие жертвы. У са-

Зима. 1945 год. В боевом походе.

мого рейхстага, за Бранденбургскими воротами, лежат в сырой земле лучшие люди бригады: похоронили там комбрига Темника, который провел свою часть от Львова до Берлина; командира первого батальона Володю Жукова, прошедшего в рядах бригады дальний-дальний путь от Москвы до рейхстага; ветерана бригады майора Винникова, который был заместителем у Бочковского по политической части; лихого танкиста Федорова и других героев 1-й танковой...

Ну, а как же сложилась судьба самого Бочковского в дни Берлинской операции? Он опять — уже в который раз! — оказался на волоске от смерти и спасен был только чудом. Случилось это на тех же самых, трижды проклятых Зееловских высотах, где остались лежать навечно многие ветераны наших дивизий, штурмовавших Берлин.

Было это шестнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года. Танки вводились в бой на очень невыгодном рубеже — они шли по открытому полю, а сверху, с Зееловских высот, их поливали смертоносным огнем самоходные пушки, артиллерия; авиация забрасывала их бомбами. Уже загорелись десятки наших танков. Но натиск советских войск усиливался — рубеж, прикрывавший доступ в Берлин, должен был быть взят любой ценой. Бочковский получил приказ нанести фланговый удар, чтобы облегчить положение батальонов, атакующих Зееловские высоты в лоб.

...Маневр осуществлен удачно. Бочковский на минутку выскакивает из танка, остановившись у какого-то дерева, чтобы оглядеть местность. И — надо же! — именно в эту минуту какой-то шальной снаряд ударяет в дерево, и в то же мгновение Бочковский, падая, ощущает резкий удар в живот. Кровь бьет струей...

Рана широкая! В нее попала земля. Нужна немедленная помощь, да и то вряд ли спасут... А тут обстрел усиливается. Двое танкистов, подбежавших к командиру, тащат его за руки под танки, двое других, в сумятице ухватив за ноги, тянут в противоположную сторону, к свежей воронке. Бочковский теряет сознание. Последняя мысль: «Сейчас разорвут пополам, черти!..» А наших машин рядом нет — ушли вперед...

Как же спасли его? Как он выжил? Генерал Бочковский, охваченный этими драматическими воспоминаниями, тихо говорит:

— Володя Зенкин, тринадцатилетний хлопчик, воспитанник нашего батальона... Вот кому я обязан тем, что меня не закопали рядом с Жуковым тогда у рейхстага...

Володя Зенкин давно уже прижился в батальоне. Родом он был из города Орджоникидзе, что на Северном Кавказе. Отец ушел на войну, и след его затерялся, мать с Володей эвакуировалась на Урал и там умерла. Оставшись сиротой, Володя прибился к танкистам, приехавшим за новыми машинами, да так и укатил с ними на фронт. Бочковскому очень полюбился этот смелый паренек, и он решил после войны усыновить его, хотя разница в годах у них была не так уж велика.

В те страшные минуты штурма Зееловских высот Володя Зенкин, как обычно, оказался рядом с капитаном, которого буквально боготворил. «Нет-нет! Он не умрет!» — отчаянным голосом крикнул Володя и, вскочив, помчался под яростным огнем, зигзагами, вдаль, откуда доносился трубный голос танков. До сих пор невозможно понять, какими судьбами Володя уцелел, но это факт; он нашел танк и привел его к размочаленному снарядом дереву, под которым лежал залитый кровью капитан. На танке его доставили на командный пункт 1-й гвардейской танковой бригады. Катуков прислал за ним на КП самолет, и Бочковского эвакуировали сразу в тыловой госпиталь.

— Ну, а потом что ж, — задумчиво говорит генерал, — лечение, как обычно. На мое счастье, гангрены не было, и в августе сорок пятого, уже после войны, я вернулся в батальон, который теперь пребывал на мирном положении. Многие уже демобилизовались, но я ведь с самого начала решил, что военная служба будет моей профессией...

— А Володя Зенкин?

— Я не успел его усыновить, он уехал с нашим старшиной, который демобилизовался. Старшина тоже был родом из Орджоникидзе, и мальчика потянуло с ним в родные края. И что же вы думаете? Дальше случилось то, что бывает только в кино или в романах со счастливым концом. Пошли они однажды вдвоем на базар и вдруг встретили отца парнишки. Он только что вернулся живой и невредимый с войны и никак не мог разыскать своих близких...

— А ваш отец, Владимир Александрович? Вам так и не удалось разыскать его следы в Германии?

— В Германии я его не нашел, но, представьте себе, мы все же встретились с ним сразу после войны, как только я вышел из госпиталя и отправился в Тирасполь повидаться с мамой, которая жила там у наших родных. Оказывается, отец выжил в немецком плену, и, как только его освободили наши, он вернулся домой и разыскал мать. Так соединилась наша семья. Родители и сейчас живут в Тирасполе...

Генерал смотрит на часы. Действительно, беседа затянулась, а у Владимира Александровича еще уйма дел. Академия Генерального штаба закончена, дипломный проект защищен. Теперь ждет назначения.

...Я провожаю генерала. Мы идем по Москве в летний ночной час, когда движение стихает, охладевший воздух становится гуще и по улицам разносится сильный медвяный запах цветущих молодых лип. Где-то звенит гитара, доносятся чистые, молодые голоса, поют о тихих подмосковных вечерах. Слышится смех, кто-то пускается в пляс.

И я думаю о том, что этих людей, вот так, попросту, без затей радующихся сейчас жизни, теплому летнему вечеру, мигающим в небе звездам, еще не было, вероятно, на свете, когда Володя Бочковский и его сверстники, едва успевшие потанцевать на последнем школьном балу, уже надевали военную форму, чтобы начать свой невероятно трудный и долгий фронтовой путь.

Так же, как поколение тысяча девятьсот семнадцатого года, свершившее революцию, прошедшее по всем фронтам гражданской войны, преодолевшее разруху, голод и холод, пожертвовало своей молодостью ради будущих

Генерал-майор танковых войск В. А. Бочковский.

поколений, так и поколение сороковых годов, не успев вдоволь потанцевать, погулять, попутешествовать, полюбоваться жизнью, отдало себя целиком, без колебаний, самой страшной из войн, какие в то время можно было вообразить, чтобы вот этим, нынешним было наконец хорошо.

...Совершается круговорот жизни. Давно ли Володя Бочковский досадливо морщился, когда старики говорили: «Ну что эти молодые, нешто на них можно положиться? Вот, помнится мне, под Касторной в девятнадцатом году...» А теперь он сам вроде бы принадлежит уже к старшему поколению и иной раз ловит себя на том, что и ему вдруг хочется сказать: «Ну что эти, молодые, разве на них можно положиться? Вот, помнится мне, под Чертковом в сорок четвертом году...» А потом вдруг выясняется, что и эти молодые способны сотворить такие необыкновенные дела на нашей старушке земле и в ее космических окрестностях, что только крякнешь от неожиданности!

— Понемножку стареть как будто начинаем, — говорит, улыбаясь, генерал, словно разгадывая мои мысли. — А, между прочим, это нам ни к чему. В самую хорошую, по-моему, пору вступаем!.. Ох, и наворочает же великих дел нынешняя молодежь, пока мы своими танками и прочими такими невеселыми штуками обеспечим ей, так сказать, мир и спокойствие! Ради этого стоило избрать пожизненно военную профессию, не так ли?

Стоило! Очень даже стоило, Владимир Александрович...

СОЛДАТЫ СЛАВЫ НЕ ИСКАЛИ

Он и не думал о славе, рядовой Григорий Савенко. Просто надо было взять рейхстаг. А прежде чем его брать, требовалось разведать подступы. Главное же — показать другим бойцам, что, несмотря на адскую стрельбу засевших там фашистов, подойти к их логову можно. Поэтому, когда младший сержант Михаил Еремин добровольно вызвался водрузить знамя батальона у входа в рейхстаг, Григорий Савенко попросил послать и его.

Это было чертовски трудно. Еремина ранили в голову, пришлось перевязывать, потом снимать повязки, так как они демаскировали знаменосцев. Наконец цель достигнута. Еремин и Савенко прикрепили знамя к колонне рейхстага. Задание выполнено.

Подвигу знаменосцев 2 мая 1945 года политотдел третьей ударной армии посвятил специальную листовку. Но листовка как-то затерялась в вихре боев за Берлин. Читали другие, а Еремин и Савенко даже не знали о ее существовании.

Не знали они и о том, что их подвиг позже найдет свое место в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза».

Кончились походы, воины разъехались по домам, не успев обменяться адресами.

«Комсомольская правда» сообщила о судьбе некоторых участников штурма рейхстага. Вот тогда-то и нашли друг друга Григорий Савенко и Михаил Еремин.

Оказалось, оба работают трактористами: Савенко — в Мохнатине, под Черниговом, а Еремин — в далеком северном городе Няндоме. Списались, решили встретиться. И вот недавно Михаил Еремин с женой Галиной побывал на Украине в гостях у своего побратима и его жены, тоже Галины.

По вечерам долго горел огонек в окнах дома Григория Савенко. Однополчане вспоминали боевые дела.

Друзья были удивлены, когда зашедший к ним на огонек один бывший воин прочитал двадцатилетней давности листовку и рассказал, что их имена занесены в «Историю Отечественной войны».

Солдаты славы не искали. Но задание всегда выполняли и выполняют с честью.

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

Баба Груня

Мария ХАЛФИНА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Рассказ

Живут в нашем поселке три брата Добрынины. Все трое уже не первой молодости. Семейные, домовитые, солидные. В поселке братья славятся не только тем, что портреты их редко сходят с доски почета, но, больше того, какой-то особой, редкостной дружбой между их семьями.

Сами братья, не обсудивши на семейном совете, никакого дела не начинают, сношенницы живут душа в душу, ребята из трех семей нежно друг к другу привязаны. Если не знаешь, так и не разберешь, которые из них родные, которые двоюродные.

На Оби, еще севернее Колпашева, как у нас говорят, на низу, жила мать братьев Добрыниных Аграфена Романовна, для ребятишек и для добрых друзей баба Груня. К сыновьям она наезжала только гостить, а постоянно жила у старшей вдовой дочери, Анны.

Года полтора назад пятидесятитрехлетняя Анна скоропостижно умерла.

— Заплуталась, видно, смерть-то, заплуталась. Шла по мою душу, а Анюта ей и подвернулась. Померла моя Анюта — дай бог так-то любому из нас. Не болела, не мучилась, не надоела никому. Пришла из бани, надела все свеженькое, глаженое; волосы расчесала, коса у нее, как у молодой, здоровущая была; выпила квасу кружечку и прилегла перед ужином отдохнуть. Задремала да и не проснулась боле...

Рассказывая мне о смерти Анюты, Романовна не плачет и не то чтобы завидует, а както радостно и светло удивляется: надо же так хорошо, так мило умереть!

На похороны Анны ездили все братья с женами. Перед отъездом держали семейный совет: у кого теперь матери жить, где ей будет удобнее? Антон и Михаил Яковлевичи жили в казенных, благоустроенных квартирах; у старшего, Петра Яковлевича, был свой старый, но теплый и вместительный домишко с садиком и огородом на берегу речки.

Порешили не спорить, пусть мать сама выбирает.

Мать решила по справедливости: пока еще ноги носят, гостить у сыновей по очереди и не очень подолгу, чтобы успеть на всех наглядеться, нарадоваться...

— И чтобы шибко-то не надоесть никому...— добавляет она, тихонько посмеиваясь.

Но штаб-квартирой бабы Груни стала все же маленькая, об одно окно уютная боковушка в доме Петра.

Все было хорошо, только никак не спалось ей на кровати, на пружинной сетке. Привыкла она на старости лет к Анютиной горячей русской печке. В воскресенье ребята с утра увели бабу Груню к Антону смотреть телевизор, а к Петру заявились братья с хорошим печником и к вечеру сложили в боковушке великолепную лежанку, широкую, удобную, с топкой из кухни.

Трудно придумать местечко более уютное, настолько располагающее к хорошему, задушевному разговору.

Особенно если за окном мороз градусов на тридцать пять или пурга метет, да такая, что, пока перебежишь через улицу на бабы-Грунин огонек, исхлещут тебя, иссекут острые жгуче-ледяные струи.

Взберешься на теплую лежанку и только что не мурлычешь от удовольствия.

Для меня посидеть вечер на Груниной лежанке, послушать ее рассказы о пережитом, о старине — словно в любимом Малом театре побывать.

— Лизавета Кондрашина даве приходила... Ревет дурнинушкой...— Шумно вздохнув, баба Груня прилаживается поясницей поплотнее к горячим кирпичам обогревателя.

— Лариска ихняя, которая на булгахтера учится, привезла из городу парнишку: «Знакомьтесь, папа с мамой, это мой муж». Лизавета ревет, ругает нынешних-то детей. «Ну, ладно, пущай ей не нужно родительское благословление, так хоть скажись, бесстыжие твои глаза, посоветуйся с матерью-то. Нет, говорит, все же раньше такой срамоты не было...» Я ей говорю: и раньше всякое бывало...

Баба Груня надолго замолкает. Я сижу, затаив дыхание. Вот смешливо дрогнули по-стариковски запавшие губы, сбежались к глазам веселые, хитрющие морщинки.

— Еще и не такое раньше-то бывало. Ты вот послушай, я тебе расскажу.

КАК Я ЗАМУЖ ВЫХОДИЛА

Тятя, покойник, у нас шибко суровый был. Я так полагаю, что сердце-то у него чугунное было. Мамушку он прямо при нас сколько разов чуть не до смерти убивал. Взгляд у него был косой, исподлобья. Иной раз глянет на тебя искоса, этак через плечо, сердце-то так и покатится. Боялись мы его.

Старших сестер, Анфею, Агашу и Маню, он замуж отдавал молоденьких, всех в богатые дома. К женихам шибко-то не приглядывался, выбирал — был бы богат да чтоб семья небольшая. Чтоб зять после стариков один хозяином в дому был.

Из нашего дома невест нарасхват брали. Девки в нашей природе все были здоровые, красивые, смирные. На работу жадные и сызмальства ко всякому рукоделью приучены.

Братку Афоню тятя тоже на девятнадцатом году женил. Брали за него девку-перестарку. Ей тогда не менее двадцати двух годов было. Толстая да рябая. Зато одна дочь у отца-матери, и все богатство за ней в приданое идет. Ну, братку-то мы не шибко жалели, весь он вылитый в тятю уродился: жадный, глаза завидущие, руки загребущие. Так что родство у нас было богатое, все сватовья, если по-теперешнему сказать, кулаки были.

Ну, вот, сравнялся мне семнадцатый годок— пришел и мой черед. Жениха для меня тятя нашел верстах в сорока от нашей деревни. Тоже один сын у отца. Хозяйство богатое. Трех годовых работников держали. К тому времени о богатстве-то не по земле стали судить, не по скоту, а по механизации, по машинам то есть. У моего-то женишка, не считая жнеек, веялок всяких, шерстобитка была и молотилка с конным приводом. И была та молотилка одна на три деревни. В ту пору хлеб-то редко сразу молотили. За хорошие погоды жнут да в клади кладут, а потом молотят, когда время выйдет. У некоторых кладито по два-три года стояли. Так что моему женишку для его молотилки работы всегда хватало. В очередь к нему мужики становились, в пояс кланялись, ну, и денежку огребал он, конечно, добрую. Вот и подумай сама, как такого козыря мог тятенька мой упустить, если у него еще одна девчонка незапроданная бегала.

Приехал жених меня смотреть, а мне хоть в петлю головой, до того он мне постылый.

Уехали сваты, я отцу в ноги: «Тятенька, родненький, не губи, не отдавай.— Сама реву, свету не вижу. Косишшей по полу мету, сапоги его целую.— Не отдавай,— кричу,— тятя! Богом тебя молю!» А он рассердился да сапогом меня в щеку и пихнул. Тут я как взвилась! Видно, тятенькиного-то характера и мне трохи досталось. Куда и слезы вдруг подевались. Вскочила я на порог. «Не будет,— кричу,— по-твоему! Задавлюсь, а за твоего гундосого не пойду! Все говорят, что у него семья вся гнилая. Ты няньку Анфею загубил, Агаша с Манькой через тебя жизни не рады... Не пойду, убивай лучше сразу!»

Он меня только два раза и успел огреть, вырвалась я — и на берег топиться. Река у нас не так чтобы шибко глубокая, но быстрая и порожистая, а пониже, за деревней, омут. Берег высокий, хлобыстнешься с яру о камни, а дальше уж не твоя забота, подхватит струей, закрутит и уволочет в омут.

А добрынинский дом на берегу стоял, чуток на отшибе от других домов. Яша-то у них тогда уже один оставался. Девки замуж повыходили, большак Тимофей в отдел ушел. В деревне Яков из всей холостежи самый старый был. На японской ему воевать не пришлось, а действительную отслужил. Жених он был завидный, но не для молодых девок. Родители его не неволили, а он все не мог парочку свою найти. Двор у них был не очень богатый, но справный. В деревне их уважали, очень степенно они жили, к людям справедливые, в семье дружные, непьющие... Вот Яша-то и перехватил меня на берегу. Видит, что я вроде не в своем уме, заломил мне руки-то за спину, держит, а я рвусь и слезами вся обливаюсь. А он не выпускает.

— Дура,— говорит,— ну, чего ты? Кто тебя?

Усадил на камень, сам рядом на коленко встал, вытянул из-под полушубка рукав рубахи да и обтер лицо мне рукавом-то своим.

— Кто тебя, Груняшка? Ну, скажи, не бойся. Да не реви, я тебя никому не дам, не реви.

И до того он мне тогда мил показался. Всей родни роднее. И, видно, совсем я тогда с горя да со страху очумела и стыда девичьего лишилась. Всплеснула ладошками, сползла с камня-то на коленки, гляжу ему прямо в глаза.

— Яшенька! — говорю.— Возьми меня замуж за себя, Христа ради! Я тебя любить буду больше солнышка, слушаться буду. И не покупай мне ничего, я и в холщовом прохожу. Яшенька, я работать буду со света и дотемна. Ты, может, не знаешь, какая я рукодельная? Я и на машинке шить, и вышивать, и филей вязать — все умею. Я, Яша, скатерки в двенадцать ничинок ткать могу. Ты не гляди, что я маленькая, я сильная! Я как примусь жать, никто за мной не угонится...

Стоим мы этак-то друг перед другом на коленках, я причитаю, улещаю его, вся слезами изошла, а он слушал-слушал да как захохочет:

— Ой, Грунька! Ну дура, ну дура! Да ты чего это придумала? Разве тебя отец за меня отдаст?

Романовна всхлипнула и, смеясь, вытерла концом платка заплаканное лицо.

— Вспомнить только — со смеху помрешь. Ну опамятовалась я чуток, рассказала Яше:

— Тятя,—говорю,—меня в Кирюхино за гундосого просватал. Забьет он меня и все равно отдаст, так уж легче к одному концу: головой об камень — и в омут.

Вижу, Яша с лица потемнел, уйдет, думаю, отступится, тогда уж мне и вправду не миновать топиться. А топиться таково-то страшно, холодно, хошь бы еще летом, а то ведь снежок уже перепадает, вода-те студеная... Я опять за свое.

— Яша,— плачу,— пожалей меня, женись, миленький ты мой! Я тебе обузой не стану. Велишь, я в город уеду, в няньки к господам наймусь, а деньги все до копеечки тебе отсылать буду, али в скиты меня к хрёсьныке увезешь. Я бы сейчас к ней убежала, да тятя все одно меня найдет и отберет, еще и хрёсыньку всяко изобидит. Пока замуж не выйду, надо мной тятина власть, нигде мне от него спасенья не будет.

Плачу я, прошусь за него и вижу, что шибко ему меня жалко. Еще надбавила, а он сморщился весь, сам только что не плачет и говорит:

— Дура ты, Грунька, ей-богу! Я бы тебя взял, ладно, да не отдаст же он тебя...

— А ты, Яша, убегом меня уведи. Я сейчас домой пойду, прикинусь, что покорилась, а вечером соберу в узел самое свое ношебное и прибегу к тебе.

— А ты думаешь, мои старики пустят нас в избу, если я тебя без благословения приведу? Да никогда мне отец не позволит против родительской воли девку взять. Придумала же — убегом!

— Ладно,— говорю,—Яша. Иди, коли так, не мерзни.

— А ты?

— А чего же я? Мне идти некуда.

Тут Яша рассердился, начал меня ругать, домой гонит... А я реву и за рукав за его держусь.

Ну, вечером, так уже к полночи, прибежала я к нему. Он меня в проулке ждал. Провел тихонько в сенки, залезли мы на вышку. Гляжу, там постеля приготовлена, ужин на полотенце: сало, мед, молока кринка. Потом мне свекровушка рассказывала. Отца дома не было, Яша пришел сам не свой. Крутился-крутился да все матери-то и рассказал. Она ему говорит:

— С чего это надумал ты? Не ходили вы с ней, не любились... да ты же, неженяха, старый для нее. Девчонка она молодая, глупая, убежит сдуру, а потом будет тебя корить, что сбил ты ее, молоденьку, с пути, развел с отцом-матерью. А наш отец? Возьмет да и погонит нас всех троих из избы...

Ну, сколь ни охала, ни ругалась, а уговорил ее Яша. Она и надоумила на вышке-то нам отсиживаться, пока она отца не огладит, не уговорит нас простить. И постелю сама нам готовила и харчишками все время снабжала.

Яша днем как ни в чем не бывало в избе находится, справляет по хозяйству что положено, а вечером идет к дружку своему к Митьке Большакову, он как раз ногу сломал, а жили они с матерью со вдовухой одни, вот Яша-то и идет с ночевой, вроде как к больному товарищу. Конешно, пришлось Яше перед Митьшей сознаться, что я у него на вышке прописалась.

Дома у меня дым коромыслом. И в лесу меня искали, и омут обшарили, и в скит к хрёсной тятя гонял. Мамушку водой отливали. Потом свекровка моя сходила неприметно, шепнула ей, чего надо было.

Вот сидим мы на вышке три дня, сидим неделю. Утром проснешься, а на одеяле, вокруг лица-то, куржак.

Свекровь прямо извелась вся, а старику признаться никак не насмелится. Свекрова мать, ее в деревне баушкой Ревуньей звали, подает ей утром пимы нагретые и шепчет на ухо:

— Снеси молодушке-то тепленькие, как бы не застудилась...

Свекровка-то так и ахнула. Они с Яшей и от баушки таились, чтобы она по старости раньше времени не проговорилась.

Не знаю, сколько бы нам еще на вышке куковать, только встает утром свекровь, глянула — окошки-то льдом схватило. Царица небесная, матушка! Что делать? Топчется у печки, из рук у нее все валится, а старик ни о чем не сдогадывается, уселся хомут починять. Свекровь мается, часа два этка-то прошло, покосился на нее папаша-то и говорит:

— Иди, старая сводня, налей варнакам-то чайник чаю горячего да тулуп им новый мой подай. Скажи, вечером сегодня пущай слазят. Объявляться пора, хватит, и так девятый день сидят. С попом я договорился, обвенчает. Ну, а сватушка, богоданный Роман Степанович, уж как пожелает, прощать робят али не прощать. Его воля родительская. Приданого Яков не требует, а девку в обиду тоже не даст.

Прощение просить у тяти мы, как положено, до трех разов ходили. Простить простил, а из приданого только постель да из одежонки коечего выбросил, а на свадьбу и гроша ломаного не дал. И все равно много раз я его благодарила. Не просватал бы он меня за гундосого, не пнул сапогом в лицо, не убежала бы я к Яше и не узнала бы, какое оно такое на свете счастье бывает.

Романовна опять надолго замолкает, и я стараюсь не нарушить ее тихого, светлого покоя. И молча посидеть рядышком на милой лежанке тоже неплохо.

Я знаю, сейчас она глубоко вздохнет, покосится на меня вопросительно и усмешливо, легонько толкнет локтем в бок и, прислонившись к моему плечу, негромко скажет, певуче, протяжно, низким, удивительно молодым голосом:

— «Скатилось колечко-о-о...»

— «Со правой руке-е-е...» — тоже негромко вступлю я, тоненько и очень жалобно.

— «Забилось сердечко по милом дружке-е-е...»

Не знаю, как со стороны, но нам с бабой Груней наши песни очень нравятся. Все это старинные, проголосные, за душу хватающие песни. Поет баба Груня упоенно. По ее мнению, песня человеку совершенно необходима. Она и «хворь отгоняет и силы придает».

На первых порах наши дуэты вызывали удивление и даже кое-какие нелестные для нас подозрения, потому что в трезвом состоянии пожилому человеку у нас петь не принято. Потом присмотрелись и поверили, что нам, чтобы распеться, даже и по одной рюмочке красненького не требуется.

Нередко заслышав наше «Колечко», соседки говорят:

— Айда сходим к Добрыниным, послушаем, как старухи поют...

Гостям Романовна всегда рада. Не прочь она посидеть с соседками на скамеечке за воротами, почесать язык, посмеяться, посплетничать по малости.

Но злую, порочную сплетню она ненавидит. Старую сплетницу оборвет без всякого стеснения на полуслове:

— Оглянись-ка ты, мать моя, на себя. То-то мы с тобой божьи угодницы, праведницы безгрешные!

Молодой насмешливо посоветует:

— Ты, мила дочь, сначала поживи на свете, умочком подразживись, тогда и людей судить будешь.

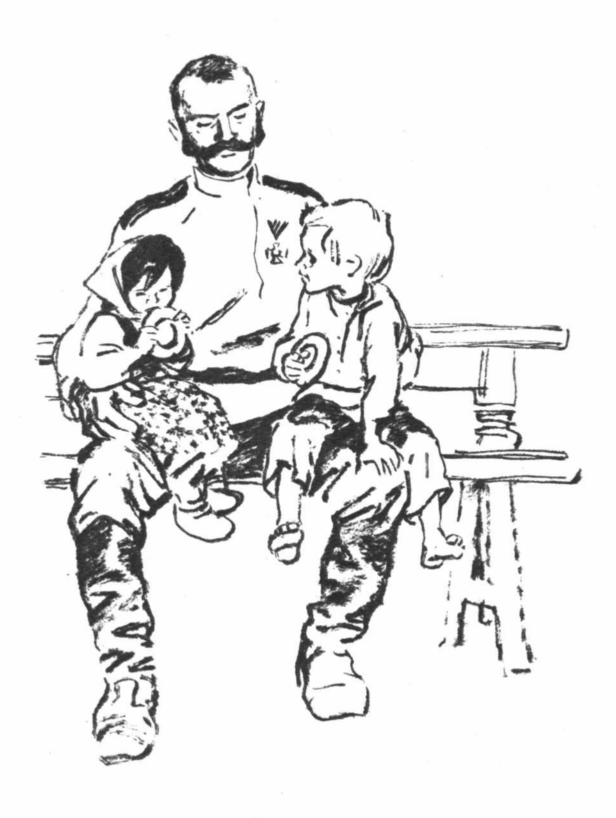
— Нет ничего легче, как очернить челове-

ка да обхаять...— говорит она сердито, когда мы остаемся одни.

— Другой споткнется по глупости, по молодости лет или по слабости характера... Ты помоги ему подняться, ну, поругай его как надо, накажи, но постой около него, чтобы он еще раз не шмякнулся, подержи его за руку... Грехи-то, они разные бывают... Прежде чем человека осудить, ты чужой-то грех к себе прикинь...

Она еще немного ворчит, а дальше идет рассказ...

ПРО БАУШКУ РЕВУНЬЮ И ПРО ЕЕ ГРЕХ

Баушка Ревунья — это свекра моего, Ивана Данилыча, мать. Я когда за Яшу убежала, ей, однако, уже под девяносто лет было. А Ревуньей ее прозвали за то, что шибко она кричала, как хозяин ее, дедушка Данило, помер. Я уже большенькая тогда была, помню. Упадет она на могилку, крест руками обхватит и кричит на голос. Дедушку Данилу николаевским солдатом звали. Тогда в солдаты еще брали на двадцать пять лет. Теперь-то даже и не верится, что этакое зверство над людями творили. Забреют парня молодого, бравого, а отпустят седого старика.

До рекрутчины дед Данило с женой сколько-то лет прожил, детей им бог не давал.

Служил он не то восемь, не то десять лет, и вышел ему срок на побывку домой идти. Железных дорог тогда, конечно, не было, ехали долго, а больше пешком шли. Солдаты-то. Отписал он домой письмо, чтобы ждали, и отправился в путь. Не доходя сколько-то до дому, встрелся ему мужик свой, деревенский. Тот ему и сказал:

— Ждут тебя домашние, глаза проглядели. А бабу твою вчера с петли сняли...

Не стал солдат допытывать, что да как...

Приходит домой, ну, там, конечно, и радость и слезы рекой. Мать к сыну припала — не оторвешь, а солдатка — в гроб краше кладут. На мужа глаз поднять не смеет.

Набежали, конечно, суседи, сродственники, сватовья. Всем интересно поглядеть, каким солдат на царевых харчах стал, а еще боле охота людям поглядеть и послушать, что солдатка отвечать станет, когда ее муж спросит, как она себя соблюдала, как мужнину честь берегла.

Потому что никто не знал: сегодня или завтра будет солдат бабу учить за немалый ее бабий грех перед мужем.

Ну, не дождавшись представления, чужие все разошлись, осталась в избе только своя семья. А и всей семьи — старики да солдат с провинившейся женой.

Солдат сидит на лавке, молчит, ждет...

Вот отец помялся-помялся да и говорит сыну:

— А у нас, Данилушко, прибыль в семействе-то. Нам со старухой бог внука послал. Ванюшкой нарекли. Иваном Даниловичем, значит.— И снимает с полатей парнишечку лет этак уже пяти.

Посадил его солдат на правое колено.

— Что же,— говорит,— батюшка. От прибыли отказываться негоже.

А тут мать, значит, перекрестилась для смелости.

— У нас, Данюшка,— говорит,— еще и внучка Машенька есть...— И тоже снимает с полатей и подает годиков двух девчоночку.

Крякнул солдат.

— Ну, что ж, матушка, люди говорят, сын да дочь — красные детки.

Посадил девчонку на левое колено, а сам на полати косится.

— А что, матушка, все али, может, там еще есть?

На другой день как раз воскресенье выпало. Вот утром встал солдат, нарядился в праздничный мундир, на груди у него «Георгий» и сколько-то медалей, велел детей обрядить. Дочку на руку посадил, сына за ручонку взял и пошел через всю деревню к церкви, где по праздникам всегда на лугу народ табунился.

И никто не посмеялся, слова плохого никто не осмелился вымолвить.

Родители солдату рассказали, что не гуляла его жена, не охальничала, как другие солдатки, вела себя скромно и строго. А пошто ребятенки у нее родились, все прямо диву давались.

Вроде бы сами собой они у деда на полатях, как цыплята, вывелись. Жену солдат пальцем не тронул, после солдатчины прожили они еще долгую жизнь, больше детишек она не носила.

И ни разу не попрекнул ее солдат, не пытал про ее грех, не спросил, чьих же детей он растит.

А из Ванюшки да из Марьюшки хороших, добрых людей вырастил. Свекор-то мой, Иван Данилович, и был тот Ванюшка с дедовых полатей.

* * *

Двадцатое число каждого месяца для Романовны — день особенный. В этот день ей приносят пенсию. Не по болезни, не за погибших сыновей, а трудовую, собственную. За тридцать без малого лет работы на колхозной и совхозной земле.

Завидев в окно письмоносца, она словно молодеет от сдержанного волнения и гордости.

— Ну не дура ли старая? — говорит она, сконфуженно посмеиваясь. — До сих пор никак не могу привыкнуть. Всякий раз вроде как премию получаю. Или подарок.

Работала Романовна овощеводом до самой Анютиной смерти, хотя и Анюта и сыновья давно уже требовали, чтобы шла она на отдых.

Два года назад совхоз справил семидесятилетний юбилей Аграфены Романовны. С подарками и поздравлениями приезжали из других совхозов и колхозов ее выученики. И начальники приезжали не только из района, но даже и из области.

— Речь говорили, и все по ручке со мной. «Спасибо,— говорят,— вам, Аграфена Романовна, что вы так много молодых огородному делу обучили». От парников-то, от овошшей, большой доход стали получать. А звено у меня было — цены нет. Работяшшие, старательные, чего ни говоришь — прямо на лету хватают. Последние годы они мне самой-то и делать-то ничего не давали: «Ты, баба Груня, только знай командовай. Только бы ты рядом сидела да учила, нам боле ничего и не надо». Песенницы были, веселые... Ох, и скучаю я об них, так и улетела бы хоть на денечек.

Романовна сокрушенно вздыхает, но тут же, что-то вспомнив, начинает тихо смеяться.

— На юбилее подходит ко мне один из больших, видать, начальников, но не старый, взял меня за руку, подержался, потом вдруг скраснел весь с лица и говорит: «Спасибо вам, Аграфена Романовна, не за овошши, а за все, за все. Такими,— говорит,— мать, как ты, многое-многое на белом свете держится!»

КАК Я НАЧАЛЬНИКОВ БОЯТЬСЯ ПЕРЕСТАЛА

К тридцать второму году народила я Яше дочь Анюту да восьмерых сыновей. Анюта в ту пору просватана уже была, большак Никифор тоже жениться начинал. Двойникам — Мите с Пашенькой — по пятнадцать лет было. Ну, остальные маленькие. Минька-последышек полуторых лет в ссылку-то угодил.

Застолье было у нас немалое, но и работники подросли добрые. Хозяйство у нас потогдашнему называлось середняцкое. Твердым заданием нас не облагали, но и маломощными нас назвать тоже нельзя было.

Когда нас окулачили в деревне, то всех ровно обухом по голове оглушило. Уважали все Яшу. Грамотный он был, об людях заботливый. А по колхозному делу первый агитатор. Только не любил он, чтобы все сдуру делалось, как попало, наспех. Болтовню шибко не любил и никакого начальства не стеснялся.

Окулачили нас, просто сказать, в одночасье. Вечером объявили, а утром вывезли.

Был в народе разговор, что меня с младшими велено оставить, не угонять. Яша-то молил меня ребятишек пожалеть, остаться... Господи! Как же я могла его одного с ребятами, хотя и большими, на такую муку отпустить?

За Анютой ночью жених приходил, мы с отцом уговаривали ее, только не захотела от нас отступиться моя доченька. Один Никифор, старший, отрекся от клейменого отца. Через газету, слышь-ка, отрекался, когда нас угнали.

Собраться нам как след не дали. Сняла я с божницы икону, мамино благословление, одела ребят потеплее.

Так вот десять душ и сорвало нас с родного-то гнезда. Загнали нас в такие места, откуда обратно-то редко кто дорогу находил. Тайга, болота, мошка. Земель свободных мало, корчевать надо. А питанья плохая, мужикито у нас скоро слабеть начали. Бабами все только и держалось, недаром же нас двужильными-то называют. Ты вот ученая, растолкуй: откуда баба силы берет, чтобы не помереть и детям не дать погибнуть?

В тех голых местах мы три года были. Хлопотали за Яшу деревенские-то, вышел пересмотр его делу. И голос нам восстановили, и вышло полное оправдание в правах. Только Яша-то того светлого часа не дождался, похоронили мы его в тридцать пятом в тайге. Домой мне без него возвращаться даже и думать было страшно. Хозяйство нарушено, дом в пожар сгорел... Вывезли меня с ребятами из тайги, и приткнулись мы, думали, на время, в рыбацкий колхоз на Оби. Тут как раз Пашу с Митей в армию призвали, Анюта за рыбака, за бригадира, замуж вышла... А я с детьми от Анюты куда же? Так-то вот и остались мы тамот-ко и прижились. Работала я за двух мужиков, чтобы младших-то сыновей поднять. Их у меня всего-то трое осталось. Один отрекся, двое в армии, а двоих рядом с Яшей в тайге положили... А энти трое, это они теперь такие здоровушшие и большие, а тогда, из тайги-то, мы их чуть живеньких вывезли. Не чаяли мы с Анютой и выходить-то их.

Там, в тайге-то, я не только Яшу да сынов схоронила. Веру в бога я там потеряла. Шибко я была верующая, шибко я бога-то любила. Весной случилось. В землянке-то вода подступила. Яша лежит на смертной постели, а на руках у меня сынок помирает, второй уже

на неделе. Весь он от голоду опух, и зубики у него все до единого повыпадали... А в углу икона висит, мамино-то благословление... Встала я перед ней и спрашиваю: «Что же ты делаешь, милостивый?! Как же ты такое мог допустить?! Согрешила я в чем перед тобой — ну накажи меня, покарай! За что же ты над детьми-то зверствуешь? Их-то за что караешь? Мало тебе наших мук, материнских да отцовских, детской крови тебе захотелось?! Будь же ты навеки от меня трижды троепроклят!..»

Не будь Яши да Анюты рядом, решилась бы я тогда ума или руки бы на себя наложила... Слушать дальше не было сил.

Романовна тоже надолго замолкла. Мы сумерничали, не зажигая огня. Лицо ее смутно белело в полутьме, маленькое, скорбное...

— Ну и как же, Романовна? — спросила я, отдышавшись.— Простила ты Советской власти обиду свою?

Романовна медленно подняла на меня удивленные глаза.

— А передо мной не Советская власть виноватая...— ответила холодно и сдержанно.— Тех, что невинных людей изнистожали, никого уже в живых нету, а Советская власть устояла и теперь навечно будет стоять...

Она опять помолчала, вздохнула...

— В те годы, конешно, всякое в голову-то лезло. Все думалось: как же так получается? Власть своя, народная, трудовая, а в народе у нее вдруг столько врагов оказалось. И не баре какие-то, не кулаки, а самые что ни на есть трудящие: хрестьяне, рабочие, опять же партейные... Ох, не надо бы, на ночь глядя, поминать про то времечко, про страшные годы...

Она отмахнулась, словно отстранила от себя что-то очень уж мерзкое:

— Я ведь хотела про то, как я начальника напугала... Вот слушайте-ка. Было то уже в сорок четвертом году. Мы с Анютой только что над последней, над четвертой похоронной накричались.

Сначала, еще в сорок втором году, Паша у нас погиб. Потом Анютиного мужика убили, осталась она с двумя детьми да третьим тяжелая ходила. Потом из госпиталя извещение пришло, помер от ран Никифор, отступник-то наш. А тут уж и на последнего, на Митю, похоронка пришла.

Колхоз наш, однако, самый был разнесчастный. Повыбило у нас, почитай, всех мужиков.

Я тогда на полеводстве за бригадира ходила. Дело было осенью. Последний хлеб домолачивали.

Утром в конторе шибко на меня приезжий начальник кричал. Кулаком по столу стукал, тюрьмой грозил. Никак мы не в силах были план-то выполнить. Хлеб-то еще есть немолоченый, транспорту одна разбитая полуторка да коровенки заморобленные. Они у нас тогда за все отвечали: и кормилица, и конь, и все, что хотишь. Сели мы на току обедать, откушу я картошки, жую-жую, а проглотить-то никак не могу, стоит кусок-то поперек горла... А начальники тоже на ток приехали. Один помоложе, из себя сухощавый, а другой, который кричал-то на меня, не так чтобы шибко толстый, а брюшина через ремень перевесилась, и лицо сытое, румяное.

Мы торопимся, из сил выбиваемся, веем зерно, в мешки и на машину сдавать. С кулями-то у машины бабы, какие помоложе да посильнее, и парнишки. Лет им по пятнадцать, по шестнадцать, а они у нас за мужиков отвечают. Худюшшие, недорослые... Хлеба-то на трудодни нам не доставалось, да еще нонешний год засуха была, бескормица, скотинешкой шибко подбились. Только рыбой да картошкой и спасались.

Вот стоят начальники, смотрят, как ребятишки с кулями кожилятся. А ветер, пылишша, пот, конешно. Ребята-то, как черти, грязные, черные. Ну и рассмешили они начальников-то, тот, что помоложе, только усмехается, видно, совесть-то еще не совсем жиром затянуло, а энтот, брюхастый-то, так и закатывается.

Смотрела я на него, смотрела, и вдруг такая меня обида взяла, такая на меня тоска навалилась. Господи, ведь не немцы же это, не враги наши они, свои, советские... Так почему же я боюсь-то их так? И до каких же пор мне бояться?!

Бросила я лопату в зерно и говорю:

— Вы бы, товарищи начальники, чем над детями изгаляться, взяли бы да и помогли им кули-то в кузов скидать. У вас, поди, силы-то поболе, вы хлеб кушаете, а эти ребятешки забыли уже, как он и пахнет, хлебушек-то.

Ох, милка моя! Как его только от злости параликом не расшибло! Весь, как индюк, кровью налился, глаза на меня выкатил.

— Ты что это, тетка, с ума сошла? Выходит, не по душе тебе в колхозе? Голодно тебе в колхозе?

— А чего же,— говорю,— в этом дивного? Нам надо перво-наперво вон экую армию прокормить, это же мужья да дети наши в ней. И городу хлеб нужен... да еще вас вот, захребетников, миллион, поди, не меньше, наберется.

Шипит он на меня, как гусак:

— Ты шшто это говоришь? В тюрьму захотела?

А мне уже вожжа под хвост, и в глазах чернота.

— Ты меня тюрьмой не пугай,— кричу,— в тюрьме какую-никакую пайку дают и на работу по часам гоняют!

Тогда он вроде успокоился, покачал головой и тихо так говорит:

— Вот когда она, кулацкая-то ваша кровь, заговорила, гражданка Добрынина. Вы думали, нам неизвестно, какого вы роду-племени.

Тут и я сразу вдруг кричать перестала.

— Пока,— говорю,— вы тут с бабами воюете, три моих сына да зять за Родину головы сложили, а еще трое своей очереди дожидаются. И не позволю я вам их кулацким отродьем обзывать. У меня бумага на руках, что мы во всех правах восстановлены, и вот еще четыре похоронных. Сегодня же жалобу напишу самому товарищу Сталину.

Тут Романовна начинает неудержимо смеяться:

— Нет, ты слухай, ты слухай! Сталину,— грозюсь,— жалобу подам... Ну, ладно, ты слухай.

Записал начальник чего-то в книжечку, сели они в свою машину и уехали. А вокруг меня такой рев поднялся. Воют надо мной бабы, как над покойником. Анюта прибежала, лица на ней нет. Мои-то парни все же большие, об них я уже не так горюю, а Анюту так-то мне жалко стало, каково-то ей с детишками малыми без меня придется?

Никто в ту ночь не уснул, ждали, когда приедут меня забирать. Бабы по горстočке муки насбирали, хлеб пекут, сухари сушат, в тюрьму меня снаряжают. Я перед людями-то бодрюсь, храбрюсь, а под утро все же прохватила меня медвежья болезнь...

Я тоже смеюсь, потому что невозможно удержаться от смеха, глядя, как неудержимо, заразительно хохочет баба Груня.

— И вот хошь верь, хошь не верь,— говорит она, просмеявшись,— а с тех пор перестала я перед начальниками трястись. Оно и в те времена бывали хорошие начальники. Приедет, помню, Леонид Петрович — из райкому, я перед ним вроде робею, стесняюсь, хотя он очень нас, колхозников-то, уважал, особенно с женщинами хорошо относился.

Ну, а как налетит на меня какой крикун, начнет пужать, и я на него обратно разину рот шире банного окошка, ничего бояться не стала!

Не могу терпеть, чтобы кричали на меня, и все тут!

* * *

О сыновьях своих Романовна говорит спокойно, без особого энтузиазма:

— А что? Парни у меня ничего... стоящие... из десятка не выбросишь.

Зато очень любит похвастаться невестками:

— Снохи у меня, слышь-ка, все как на подбор. Посажу в ряд — выбирай любую, не ошибешься.

Петрина Капитолина — ну! Королева! В избу к ней зайти любо. Чисто все, обиходно, воздух легкий, окошки наскрозь светятся. Ребят родит здоровушших, спокойных, к ученью способных. В праздник снарядится — платье синего панбархату, на шее ожерелье в три нитки, косишша вокруг головы короной. Идет по избе — ровно лебедь белая плывет.

Надёжа Матвеевна, ну энта у нас умница, образованная — фершалица. И все ее люди-то в

депутаты али в судьи выбирают. И начальники к ней всегда с уважением. Антону-то шибко приходится тянуться, чтобы от нее не отстать. Через нее он и в школу в вечернюю пошел, и к чтению она его приучила.

Ну, а Мишина Томка — энто чисто игрушечка. Махонькая, толстенькая, веселая. Вся словно на пружинках, так и ходит. Вьется вокруг Миньки-то — и так его и этак, а он только ухмыляется да сопит, сутунок корявый!

* * *

Гостям Романовна всегда рада, но очень сердится, когда кое-кто приходит с явным намерением прощупать, правду или нет люди болтают, что баба Груня что-то «знает».

Вылечила же она у Светки Сычевой маленького, что целую неделю день и ночь криком кричал.

Или, к примеру, Варя Сидельникова два месяца спать не могла, как мать схоронила, до того тосковала, что с могилок-то ее силком уводили. А походила к бабе Груне вечерами, как рукой тоску сняло. А у молодых Скворцовых как получилось? Двух лет не прожили, ребенку годика не исполнилось — начал Виктор от дома отбиваться. Сама Шурка говорила, то, бывало, все ему играть да миловаться, а теперь вроде бы сытый, не слыхать, чтобы завел себе какую на стороне, а от жены рыло воротит. Раз только и побывала Шурка у бабы Груни, теперь прямо не узнаешь. Веселая ходит, завивку сделала, туфельки на шпильках... Вчера в универмаге глядим, а Виктор ей комбинацию всю в кружевах покупает.

— Нет, ты послухай-ка только, чего балаболки-то окаянные плетут! Знахарку, слышь-ка, нашли, колдунью... У Светки парнишко криком изошел; лето, жарища, ребенок сопрел весь до мяса, пупок наорал, свекровка, вишь, купать не велит, какую-то золотуху рассыпную придумала. Сама, холера такая, из больницы не вылазит, а дитя в больницу свозить—так «чего они, врачи, понимают!». У Светки груди молоком расперло, а они двухмесячного жидкой кашей через соску кормят. Я слушала-слушала, окошки-то открыты, заходится ребенок, и пошла незвана, непрошена. Накупала ребен-

чишку с травой-чередой, ее в аптеке дополна, смазала все складочки гусиным жиром, пупок прибинтовала, бутылочку с соской в поганое ведро выбросила, молодых настыдила: образование по семь классов имеют, а врачам не верят, старух слушают. Вот тебе все и лечение!

А что Вари Сидельниковой касается, так там и лечить нечего было. Мать схоронить — горе немалое, а у Вари горе-то первое, и после матери оставалась она полной сиротой, одна-одинешенька. Тут все и леченье — не оставлять ее одну, особенно ночью, потому что горе ночью-то самое лютое. Я наговорами ее не лечила, не шептала над ней, не поила ее ничем. Просто стала ей о жизни рассказывать, о горе, какое оно настоящее, горе-то, на свете бывает. Достала из сундучка все похоронные, карточки сынков своих убитых, какие они у меня орлы были. Рассказала о трех могилах, что в тайге у меня остались... Нехорошо, говорю, Варюшка, поглядела бы маманя твоя, что ты над собой в ее память вытворяешь, то-то бы ей горе-то было! Ну, еще сколько-то раз поплакали мы с ней и вместе и поврозь, ночевать она ко мне ходила, пока не начала спать хорошо. Вот и все.

Ну, а про Шурку Скворцову рассказывать просто смех один. Ты думаешь, зачем она ко мне прикатила — Виктора своего присушивать надумала. Разлюбил он ее. Все любил, любил, а тут враз и разлюбил. Поглядела я на нее, взяла за руку и подвела к зеркалу.

— Взгляни-ка ты на себя, ягодка ты моя! Какой же мужик на тебя позарится? Двенадцатый час, а у тебя волосья не чесаны, головка не прибрана. Вот идешь ты в люди, и не стыдно тебе, молоденькой да хорошей, платьето, гляди, на брюхе засалилось, груди распустила, неужели тебе лифчик хороший купить не на что? Шейка у тебя сытенькая да белая, а ведь ты, милка мой, однако, ее от бани до бани не моешь? Ну какому же мужу этакая чучела необходная не опостылеет?

Ох, как она скраснела, как зафырчит на меня: «Чего это я перед мужем буду красоваться? Я жена ему, а не любовница!»

— Дура ты,— говорю,— а не жена. Любовнице-то проще всего: не сладилось — и не надо. Не туго запряжено, зад об зад, да и беги назад. А ты жена, и он тебе муж, а не хахаль. Перед мужем-то и надо красоваться, чтобы всегда быть для него красивше всех на свете.

Сердитая она от меня убежала, а все же, видать, кое-что в умишко-то ей запало.

* * *

В начале лета Романовна еще доходила до опушки леса, но потом она начала быстро слабеть, и дальние наши прогулки пришлось прекратить.

Тогда мы облюбовали чудесный пригорочек на берегу речушки, прямо за огородами. Мастеровитый Антон соорудил для матери складное кресло, удобное и легкое. Кто-нибудь из внучат нес кресло на наш пригорок, а мы с бабой Груней потихонечку ползли сзади.

Чем более слабой и беспомощной становилась баба Груня, тем больше радости доставляли ей эти походы к речке. Полулежа в кресле, медленно поводя головой, она осматривала просторный, светлый мир. Слева — молодой березняк, а за ним синяя стена тайги, справа — крутой песчаный спуск к реке, тихая, неглубокая заводь, а впереди — широкая сиреневая вдали луговина заречья...

— Хорошо-то как, господи!— говорит она благодарно, а я боюсь посмотреть ей в лицо, таким оно озарено тихим счастливым светом, что, взглянув на нее, можно не сдержаться и заплакать. Иногда, очарованно заглядевшись на что-то, невидимое мне, она тихонько ахнет, изумленно и счастливо. Оказывается, на тропинке у ее ног прыгает смешной, бойкий воробьишка, ничего еще не понимает, никого не боится. К осени кресло накрепко установилось в палисаднике, под кустом черемухи. Возвращаясь из тайги, я обычно заношу бабе Груне какую-нибудь лесную диковину — то поздний огонек, расцветший в совершенно не положенное для него время, или какой-нибудь чудной гриб, или просто несколько кустиков тяжелой, спелой брусники.

Хороша была поистине золотая осень, а потом легла зима: светлая, мягкая, тихая. Я уезжала в длительную поездку. На прощание принесла бабе Груне гроздь рябины дивной красоты. Она бережно держит ее в ладони: тяжелые, сочные, холодные ягоды редчайшего рубинового цвета. Она кладет в рот ягодку и закрывает глаза, сморщившись от сладковатой рябиновой горечи.

Я знаю, о чем она думает и почему закрыла глаза. Завтра сыновья увезут ее в город, в клинику...

* * *

А возвращаюсь я под самый Новый год и очень спешу, чтобы встретить его под родной крышей. Первый, кого я увидела, сойдя с автобуса,— Антон Яковлевич. Рот у него растянут до ушей, он трясет радостно мою руку.

— А уж маманя-то вас ждет! Все окошки проглядела.

— Жива?

— Да, господи! Ничего же того не оказалось, страху мы все такого натерпелись, а ее подлечили, подкрепили, сами увидите, какая она у нас молодец! — говорит он горделиво и любовно.

И вот мы сидим за праздничным новогодним столом. Перед нами все, что требуется сибиряку для полного удовольствия: и пирог с нельмой, и горячие пельмени, и шаньги с молотой черемухой. И уж, конечно, бутылка доброго вина. И хотя выпить-то нам не придется, мы все же, как все люди, нальем по полной и, чокнувшись, пригубим и пожелаем друг другу так же светло встретить еще не один Новый год.

А потом сядем рядком на теплой лежанке и споем самую милую из всех наших песен — «Скатилось колечко со правой руки»...

г. Томск.

И. МЕСХИ

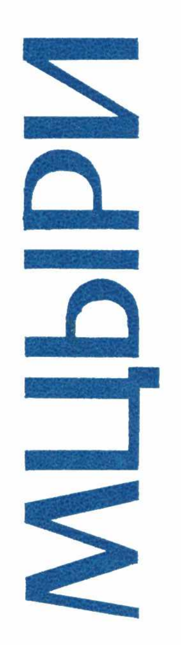

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

С тех пор как Лермонтов написал своего «Мцыри», этим именем стали называть древний монастырь, что стоит у Военно-Грузинской дороги.

Сейчас вокруг монастыря появились пестрые кемпинги и бензоколонки, плотина ГЭС уткнулась в скалистые берега Куры, и поднялся атомный реактор Грузинской Академии наук. А монастырь туманится на горе, как видение из далекого прошлого, и напоминает о вечных, словно мир, человеческих печалях и страстях.

Вечером его окружают синие вершины — мягкие и зубчатые, спокойные и взволнованные. Ночью яркие лучи прожекторов прилежно высвечивают его снизу. И он висит куском декорации в чернильном небе. Но лучше всего днем, когда отчетливо виден терракотовый конус горы и поставленная на этот конус тринадцать веков назад милая, легкая, как будто не из камня сложенная, как будто не для ханжеской жизни предназначенная ротонда.

А у подножия — две реки, обнявшиеся, как сестры. И узкие долины, образованные ими. Немного воображения — и за поворотом покажется всадник, скачущий вдоль Арагвы с севера дальнего в сторону южную. Он уже прошел кавказские перевалы, спал под буркой, ел соленый крестьянский сыр. Над ним мерцали близкие звезды, клубились в ущельях утренние туманы. Он слышал шум стремительных потоков, вдыхал запахи горных трав и видел: прекрасна земля!

Можно представить, как здесь, у стен монастыря, остановил его одинокий служка и поведал о днях своей жизни без родины и света, без радости и близких людей. Последняя капля упала в переполненную чашу. Чувства хлынули, по словам Белинского, «как горящая лава из огнедышащей горы, как море дождя из тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонт, как внезапно прорвавшийся яростный поток...». И родился Мцыри, заняв свое, особое место в сердцах многих поколений.

Неужели ему уже сто двадцать с лишним лет? А кажется, что все еще трепещет в холодной, пронизанной ветром келье «грозой оторванный листок», что здесь мятежный юноша, в этих окрестных горах, глазами тучи все следил, рукою молнию ловил...

Такое ощущение присутствия неизменно возникает у стен Мцыри-монастыря особенно сейчас, после того как у любимого героя появилась вторая жизнь. Поднялся тяжелый занавес театра, и по келье заметался юноша в предсмертном бреду. Что-то он поднимал из глубин своей памяти, картины детства сливались у него с миражем. Он вспоминал своих сестер — «лучи их сладостных очей и звук их песен и речей». Он говорил о вольных днях, о дружбе «краткой, но живой меж бурным сердцем и грозой»... Мцыри на свободе, он припадает к земле, вслушивается в волшебные голоса природы, видит девушку с кувшином над головой, спускающуюся к реке... Это образ любви. Мечта о неведомом теснит его грудь.

Мелькает тень. Бешеный скачок. Мцыри в схватке с могучим барсом, сплетается с ним, сражает его и, сраженный, сам падает ниц... Но он счастлив: он познал блаженство вольности, утолил жажду борьбы...

На родине Мцыри, в Тбилиси, создан балет «Мцыри». Сейчас кажется удивительным, почему его не было до сих пор. Разве лермонтовский стих не сама музыка, а его упругая сила не просится в танец?

Музыка Андрея Баланчивадзе, написавшего балет, современна в самом лучшем смысле этого слова: она и сложна и проста, лаконична и выразительна. Национальна ли? Да, но как-то очень ненавязчиво, изнутри.

Написав ее, маститый композитор задумался: в чьи же руки отдать? Кто прочтет ее сложную ритмику, выразит хореографически, дополнит мыслью на холсте? Были вокруг такие же маститые. А он отдал своего «Мцыри» совсем молодым.

Он почувствовал в них, молодых, большую музыкальность, образованность. Он поверил в их вкус, хотя еще не было сделано ими ничего значительного. А главное, увидел желание творить. И возникло то самое содружество, которое создало спектакль.

Реваз Цулукидзе — студент Тбилисского театрального института, дипломант. Он поставил балет. Ираклий Кипшидзе — студент Тбилисской Академии художеств — стал художником спектакля. Он создал 140 эскизов, прежде чем отобрал из них семь. За пульт в оркестровой яме стал самый молодой дирижер театра — Гиви Азмайпарашвили.

Спектакль получился интересный, свежий, наверное, где-то немного спорный. Ему еще обкатываться и созревать. Бесспорно одно: впервые за много лет Мцыри вышел из поэтических томиков и показал, каким он может быть на сцене.

«Мцыри», которого создал театр,— это тот самый, давно нам знакомый Мцыри, только переведенный на мягкий, условный язык балета. И мы встретили его благодарно, потому что он близок нам всегда.

Сцена из II акта балета «Мцыри». Мцыри — Б. Монавардисашвили.

...Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд...

Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор пуглив и дик
И слаб и гибок как тростник...

Первый акт балета «Мцыри». На аул напали враги.

...Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод...

...сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы...

Сцена битвы Мцыри с барсом. Танцует заслуженный артист Грузинской ССР Б. Монавардисашвили.

Афиша спектакля «Мцыри» в Тбилисском театре оперы и балета имени З. Палиашвили. Художник — И. Кипшидзе.

И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой...

Сцена из II акта. Девушка — артистка И. Джандиери.

Сцена видений из II акта балета «Мцыри».

Светлана КУЗНЕЦОВА

Заря над снегом

* * *

Что Сибирь для меня — слово ходкое?
Неожиданная находка?
Нет, Сибирь — мне по праву данное,
Неразмотанное приданое.
Мне носить его, не сносить.
Мне шальной травы не скосить.
На земле той, круто замешанной,
Мне хозяйкою быть завещано.
Города и села творить,
Золотые чаи варить.
Дожидаться славных вестей,
Принимать высоких гостей.
Ты лицо снегами бели.
Мне уверенней быть вели.
Ты мне гордость мою утрой.
Ты судьбу мне крепко устрой.

* * *

И вот опять мне снится родина.
Иду, и в поле ни следа.
Иду. Но что же мной уронено
На те высокие снега?

А сделано до боли мало...
Так чем же я была горда?
Я вижу, тихо плачет мама,
И сушат окна города.

Но неизбывны сердца стуки
Над темнотой, над светлотой,
И я протягиваю руки
Над всей желанной стороной.

Меня простить еще не поздно.
Еще слеза не солона.
Иду — и вспыхивают звезды,
И всходит новая луна.

* * *

Повелительница, чем повелеваешь,
Лучшая моя зима,
Как меня еще повеличаешь,
В чьи введешь высокие дома?

Или мне тумана было мало,
Или мало было мне обид?
Видишь ты, как небо небывало
Нынче над дорогою горит?

Все-то ты раскрасила, развесила
Яростно и ярко на пути.
Празднично вокруг, и сердцу весело,
Только все же сердце отпусти.

Новая моя, моя морозная,
Только к лету не сведи с ума,
Самая большая и серьезная,
Самая метельная зима.

* * *

Я за горами загораю,
Я воду ледяную пью.
Возьму сейчас и заиграю.
Возьму сейчас и запою.
Такое что-нибудь холодное,
Иное петь в жару грешно,
Такое модное-премодное,
Чтобы самой до слез смешно.
Чтобы собрались сосны около
И ель, что на ухо туга,
Чтобы растерянно заохала
Вся старомодная тайга.

* * *

По белу-белу пó свету,
По той голубизне,
Бегу на лыжах по снегу
В сибирской стороне.

Со мной стряслось такое!
Коль каплю догорá,
Пошли ты мне покоя,
Матушка-тайга!

Запуталась я в сложности,
Умнее стать пора.
Научи холодности,
Сестренка Ангара!

Байкал ты мой родимый,
Расплеснись в ночи,
Быть меня любимой
Любимым научи!

Он добрый, я недобрая.
Учи меня добру!
Ах, сколько мной не добрано
Ягоды в бору!

За Беловежской пущею,
За новгородским теремом,
Ах, сколько мной упущено,
Утрачено, утеряно!

Пускай заря созреет
Над самым краем дня.
Пускай заря согреет
Озябшую меня.

* * *

Я руками беду разведу.
Я руками грозу отведу,
Чтобы молнией рыжей дотла
Моего не спалило угла.
Чтобы травы мои расцветали,
Чтоб мои самолеты летали,
Чтоб была им дорога легка,
Чтобы плыли им вслед облака.
Может, я свои руки сожгу.
Может, я свою душу сожгу.
Может, я свою песню сожгу,
Все равно отступить не смогу.
Я руками беду разведу!
Я руками пожар отведу!

* * *

А ведь я тебя забываю, совсем забываю.
Забывая тебя, я душой убываю, душой убываю.
Становлюсь я такою маленькой,
что простая трава по пояс.
Я билет покупаю, сажусь в самый дальний
поезд.
Я орехи щелкаю. Забавляю себя забавами.
Слышишь, поезд гремит за твоими семью
заставами?
Ты с души моей семь печатей сними.
Ты с души моей семь печалей сними.
Ты семь дней и ночей надо мной ворожи!
Семь заклятий на память мою наложи!
Вечно помнить тебя прикажи, прикажи!

* * *

В золотом запеве крови
Мне не сладить с этой болью.
У тебя не только брови,
У тебя глаза собольи.

Я глубоко боль зарою.
Мне другой отныне ближе.
Но свои глаза закрою,
И твои глаза увижу.

Как в них вспыхивают жадно
Любопытные огни!
Память — будь она неладна!
Будь неладны эти дни!

Я опять над глупой болью
Замираю, не дыша.
У тебя душа соболья,
Осторожная душа.

БЫЛИНА

Микуле Селяниничу не пляшется.
Микуле Селяниничу не пашется.
И утром тяжко и в ночи не спится,
Задремлется едва и снова снится:
Стоят над Русью хищные Стожары,
Летят над Русью жадные пожары.
Оставит завтра он соху в земле.
Загасит уголек в печной золе,
Расправит плечи и дорогой длинной
Уйдет навек в туманы и былины.

* * *

Бесспорен только спорт.
Все остальное спорно.
И смотрим мы в упор,
Печально и покорно
На скользкий, блесткий лед
И на лыжню по насту,
На цирковой полет
Стремительных гимнастов.

От музыки и книг
Уходим мы туда,
Где решены, как миг,
У финиша года,
Где ясность с давних пор,
Где пот весóм, как зерна.
Бесспорен только спорт.
Все остальное спорно.

* * *

Совсем не вижу снов космических,
В моих раздумьях вовсе нет
Ни странных городов конических,
Ни жителей других планет.

Я вся земная, вся земная,
Такой иду через года.
Я очень многого не знаю
И не узнаю никогда.

Меня ведет на север компас,
Спеши рукой мне помахать,
А корабли уходят в космос
Легендой в небе полыхать.

Уходят в космос с космодромов
В ту неземную вышину
И вмиг раскалывают громом
Мою сплошную тишину.

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ НАУКИ

СКАЛЬП

Лев КАТОЛИН

Вся беда была в том, что я знал о нем слишком много.

Хирург, известный всей республике. Профессор, доктор медицинских наук. Заведующий кафедрой. Автор семидесяти научных работ. Десять тысяч операций — и первый инфаркт в тридцать пять лет. И только что вышедшая книга о новом способе наркоза. Но рядом с нею на моем столе — пластинка с дарственной надписью, сделанной той же рукой. На ее бороздках — песни, которые распевают в Баку и Стамбуле, Каире и Тегеране. Едва я брался за перо, его образ немедленно раздваивался. Хирург и композитор в моем сознании упорно продолжали жить самостоятельной жизнью. Не знаю, как бы удалось выйти из положения, если бы не сам Топчибашев.

— Я чувствую себя как бы разделенным на две половины,— в шутку сказал он.— Одна — это медицина. Этой половиной я обязан отцу. А вторая — музыка. И тут я всегда говорю спасибо своей матери.

И я подумал, что уж если мой герой сам думает о себе как о двух разных людях, то мне и подавно можно рассказать о каждой из его жизней отдельно.

1

На пляже в Карадаге было тесновато. Молодой парень подхватил волейбольный мяч у самых моих ног и отбежал к играющим. Взглянув на него, я невольно усмехнулся: «Чего только не бывает!» На загорелой спине парня красовались две скрещенные мужские кисти, окруженные надписью. Я присмотрелся и с удивлением прочел: «Золотые руки профессора Топчибашева». Слово «профессор» мало вязалось с обычной татуировочной мудростью. Захотелось разыскать этого самого профессора и взглянуть на его золотые руки.

Когда я чуть осмотрелся в операционной, мне показалось, что они и в самом деле сделаны из золота. Но потом прозрачная желтизна хирургических перчаток, лишенный тени свет огромной лампы, алая кровь, отметившая дорогу скальпеля,— все слилось в сознании, повернулось в одну, потом в другую сторону, бешено закружилось и вдруг исчезло в каком-то черном гуле. Последнее, что я видел, был блестящий, лучащийся золотой палец, указывающий на меня операционной сестре.

А вечером Ибрагим Мустафаевич говорил мне:

— Когда вы утром так неожиданно очутились на полу операционной, я понял: вы в первый раз увидели, как нож разрезает живое тело. Насилие, жестокость — это и в самом деле непереносимо! И вспомнилось вдруг, как сам я впервые столкнулся с чем-то подобным. Нет, я уже был довольно опытным хирургом — за плечами работа фельдшером в войну, институт, ординатура,— кровь меня не пугала... Тут было похуже.

В 1950 году я приехал заведовать хирургическим отделением в Кубу — это километрах в ста восьмидесяти от Баку. Через несколько дней мне позвонила Сеид-Фатьма и приказала послать к ней в дом всех санитарок перебирать рис. Я, конечно, слыхал о Сеид-Фатьме, сестре самого Багирова, «хозяина» Азербайджана. Ее прихоти были законом для всех; Багиров умел расправляться с неугодными ему людьми. Запишут «врагом народа»— и простишься со свободой, а то и с жизнью... Но как мог я отпустить санитарок? Во всех палатах больные. И я сказал: «Нет». Фамильная честь — поразительно, как неожиданно она просыпается! Я, сын хирурга, и вдруг нарушу первую заповедь врача: сначала больной, потом все прочее.

...Что сейчас вспоминать — нелегко потом пришлось. Закалка тех лет помогла мне не раз. Не будь ее, не знаю, удалось ли бы нам довести до конца анальгезиновый наркоз — тоже дело нашей фамильной чести.

2

С тех самых пор, как человечество открыло для себя хирургию, люди мечтали найти средство, избавляющее от боли при операциях. Недаром эта мечта так часто встречается в легендах и сказаниях. Даже в библейском мифе о сотворении человека бог проводит операцию под наркозом: он усыпляет Адама и безболезненно извлекает у него то самое ребро, которое послужило исходным материалом для изготовления Евы.

То, что когда-то умели и знали боги, рано или поздно — так уж устроена наша жизнь — становится достоянием людей. Происходит это, правда, далеко не сразу. Наркозом занимались еще Гиппократ и Авиценна, и все-таки история медицины знает горькую фразу: «Боль и хирургический нож — неотделимые друг от друга понятия во веки веков». Вельпо, французскому хирургу, которому принадлежат эти слова, посчастливилось дожить до того дня, когда был открыт эфирный ингаляционный наркоз. Прошло полтора века, а в клиниках мира эфирная маска по-прежнему почти монопольно спасает больных от мучений во время операции. Но это долголетие, к сожалению, вынужденное: слишком уж много у ингаляционного наркоза недостатков. И потому почти с самого его открытия медики пытаются найти ему замену.

...Отец Ибрагима, известный хирург академик Мустафа Топчибашев хорошо знал, сколь часто приходится отказываться от операции из-за слабого здоровья пациента, и потому всегда старался найти менее острые пути лечения. И вот после множества опытов, обнаружив, что эфир растворяет желчные камни, он попробовал бороться с ними, вводя под кожу небольшие дозы эфира с маслом. Результат получился вполне хороший, но тут Топчибашева-старшего заинтересовало одно побочное явление. Измученные частыми приступами, больные после инъекции отлично спали всю ночь — как будто они уже излечились от своего недуга.

Может быть, чистый терапевт не обратил бы на это внимания. Но Топчибашев и в минуты своих самых больших удач в области терапии не забывал, что он прежде всего хирург. «Нельзя ли применить эфиро-масляные инъекции для обезболивания при операциях?»— эта мысль надолго завладела им. Опыты на собаках, потом осторожное увеличение доз раствора, вводимых больным,— и вот наступил день, когда Топчибашев оперировал, пользуясь обезболиванием, проведенным по им же самим разработанному методу. Это произошло 4 мая 1938 года.

Было ли хоть одно по-настоящему большое открытие, которое сразу, без борьбы вошло бы в жизнь? Судьба эфиро-масляного наркоза отнюдь не исключение из общего правила.

«Наркоз по Топчибашеву» был еще далеко не отработан, а Москва предложила продемонстрировать его светилам анестезиологии. Этот преждевременный эксперимент чуть было не погубил все дело. «Уколы вызывают раздражение, наркоз удается не во всех случаях — значит, метод порочен»—таково было скоропалительное заключение светил. А один известный хирург с присущей ему безапелляционностью заявил: «Новый наркоз предлагают раз в столетие. Это — великое открытие, и я никогда не поверю, что оно может совершиться где-то там, в Баку».

И сразу же начался газетно-журнальный шквал, ядовитые обмолвки на конференциях, приторные сожаления в личных беседах. Академик Мустафа Топчибашев так устал от всего этого, что готов был опустить руки.

В это время его сын кончал медицинский институт.

3

Медики различают четыре стадии эфирного наркоза. Первая — полузабытье, человек постепенно теряет сознание, не чувствует боли. Это анальгезия. Хирурги знали это слово по институтским лекциям, но оно не вошло в их лексикон, потому что удержаться на стадии анальгезии казалось практически невозможным. Пирогову, например, это удалось всего лишь дважды. А чуть увеличится доля эфира в крови, наступает вторая стадия — резкое возбуждение. Тут нельзя даже думать об операции. Еще больше эфира — и приходит третья, сон, сначала близкий к дремоте, а потом глубокий и прочный. Он станет вечным, если содержание эфира в крови будет расти и дальше.

Можно только преклоняться перед искусством и смелостью анестезиологов, которые, балансируя во время каждой операции на последней черте, спасли за полтора столетия миллионы человеческих жизней. Ибо эфирный ингаляционный наркоз требует, чтобы больной оказался именно в стадии глубокого сна, от которой всего один шаг до смерти.

Все это было известно Ибрагиму Топчибашеву. А то новое, что он сумел сделать, касалось наркоза, предложенного его отцом. Все до одного эксперименты, проведенные Топчибашевым-младшим, свидетельствовали: эфиро-масляный наркоз удерживает больного на первой стадии. При этом содержание эфира в крови минимум в три раза меньше, чем при обычном наркозе.

За это стоило бороться!

4

Не скажу, чтобы во второй раз я шел в операционную, как к себе домой. Но желание увидеть анальгезиновый наркоз в действии помогло мне взять себя в руки.

На этот раз Ибрагим Топчибашев вошел, почтительно пропустив впереди себя немолодого, одетого в полный хирургический наряд врача. В выражении их лиц, в самом облике, казалось, не было ничего общего, и все-таки я сразу догадался, что вижу отца и сына Топчибашевых вместе, в одной операционной.

Большим, похожим на бутафорский, шприцем больному сделали несколько уколов. Когда его перенесли с каталки на стол, он был в забытьи, в том странном состоянии полудремы, какое бывает лишь при анальгезиновом наркозе. Топчибашев-отец взял протянутый ему скальпель, склонился над больным, сделал первый надрез. Все пошло своим чередом.

Я вздрогнул, когда хирург неожиданно очень отчетливо и громко спросил больного:

— Как вас зовут?

— Жу-ков,— по складам ответил тот, не открывая глаз.

— Где вы сейчас?

— В боль-ни-це Ша-у-мяна.

ЕЛЬ

— Вам сделали операцию?

— Толь-ко еще бу-дут.

Я тоже задал Жукову несколько вопросов и тоже получил на них вполне связный ответ. И это в то время, когда операция шла полным ходом!

Ассистент зашивал рану, а мы негромко разговаривали в стороне.

— Как, по-вашему, при каком другом наркозе я смог бы стоять с вами тут, пока больной на столе? А взгляните,— академик Топчибашев познакомил меня со своим коллегой,— наш анестезиолог тоже здесь. Он спокоен: анальгезия не нарушает ни давления крови, ни пульса, ни дыхания. При ингаляционном наркозе, пусть очень редко — раз на десять тысяч,— но случается, что больной умирает из-за перенасыщения крови эфиром. Такой наркоз дает иногда тяжелые осложнения. А при нашем методе хирургу никогда не приходится опасаться неприятностей со стороны наркоза. Мало того, и после операции больной долго не чувствует боли в ране, потому что в местах уколов образуется запас эфира — мы зовем его «депо»,— откуда он разносится с током крови и действует еще несколько часов после того, как рана зашита. Правда, здесь же таится и недостаток метода. Пока наступит полная анальгезия, проходит минут сорок. Поэтому, если оперировать надо экстренно, приходится все-таки давать эфирную маску... Да и вообще мы отнюдь не считаем, что наш метод общего обезболивания единственный. Полистайте журналы операций, и вы убедитесь в этом. И все же, если можно применить анальгезиновый наркоз, мы всегда стараемся это сделать.

5

Несколько лет назад медицинский мир заговорил о «методе Артузио». Этот американский медик предложил удерживать обычный ингаляционный наркоз на стадии анальгезии, пользуясь энцефалографом — прибором для записи биотоков мозга. В течение всей операции опытный врач должен непрерывно следить за размахом колебаний на ленте самописца. Чуть увеличились — добавить эфира, уменьшились — значит, мозг засыпает, наркотика слишком много. Об Артузио попробовали говорить даже как об авторе анальгезинового наркоза, запамятовав, что основная идея нового обезболивания была высказана и опробована на операционном столе Мустафой Топчибашевым ровно шестнадцатью годами раньше. Но если даже отвлечься от вопросов приоритета, насколько же метод Артузио сложнее топчибашевского! Энцефалограф дорог, капризен, требует квалифицированного специалиста. А здесь вся аппаратура — шприц и ампула с раствором. Для страны, где сотни тысяч хирургических столов, из них большинство на селе, трудно представить себе наркоз лучше анальгезинового.

И все-таки нет худа без добра! Перефразируя известное изречение, можно сказать: не появись Артузио на медицинском горизонте, его стоило бы выдумать. Так еще бывает, к сожалению: мы начинаем ценить собственные открытия лишь после того, как их во второй раз откроют за границей. Во всяком случае, об анальгезиновом наркозе после статьи Артузио заговорили наконец и наши хирурги.

Но дым 38-го года над наркозом по Топчибашеву не рассеялся и поныне. И если десять лет назад медицинские журналы вообще не печатали работ энтузиастов нового метода, то теперь многие наши маститые анестезиологи делают вид, что подобных работ попросту не существует, хотя они и появляются в специальных изданиях довольно часто.

А наркоз шагает себе из клиники в клинику.

6

По традиции на стене операционной в клинике Топчибашева огромными латинскими буквами начертано: «SILENTIUM»— «Безмолвие». Но сам Ибрагим Мустафаевич отнюдь не принадлежит к числу хирургов, которые священнодействуют в молчании, прерываемом лишь односложными репликами-приказами. Вопреки сложившимся академическим канонам он считает, что стерильная тишина не столько помогает врачу сосредоточиться, сколько угнетает больного. А ведь именно больной — центральная фигура в операционной. Потому-то в кабинете Топчибашева стоит большой студийный магнитофон. На полке в шкафу пленки с записями: Рахманинов, Чайковский, Моцарт, азербайджанские мугамы, джазовая музыка. Провода протянулись в операционную к динамикам. У больного обязательно выпытывают, какая музыка ему по душе, и в операционной его ждет сюрприз: знакомая мелодия уносит с собой тяжелые мысли.

...Но, по существу, я уже начал рассказ о второй половине жизни Ибрагима Топчибашева.

С самых ранних его воспоминаний рядом с медициной всегда идет музыка. Медицина—это отец, его руки хирурга, пахнущие спиртом; разноязыкие фолианты в книжном шкафу, рассказы о жизни и смерти. Музыка — мать, сидящая по вечерам у рояля, он сам малыш, примостившийся у ее ног, томительные звуки старинных мугамов, где страсть надежно запрятана в причудливую вязь мелодии.

В шесть лет у него был набор хирургических инструментов — скальпель, пинцет, шприц—и плюшевый мишка, которому каждый день приходилось ложиться на операцию. Мишка этот жив и сейчас.

В десять лет Ибрагим выступал в Москве на конкурсе одаренных детей. Огромный бант, повязанный на шее —родителям очень хотелось, чтобы их сын был похож на Моцарта,— мешал ему видеть клавиши рояля, но не помешал получить первую премию.

Когда несколько лет спустя пришла пора определять направление жизни, Ибрагим выбрал медицину. А музыка осталась необходимостью, без которой не прожить и дня. Поздним вечером, возвратившись из больницы, он садился за рояль и импровизировал. Мало-помалу эти импровизации превратились в законченные произведения — в танцевальные миниатюры, в песни.

А жизнь шла своим чередом. Проработав десять лет в районной больнице, Ибрагим Топчибашев вернулся в Баку. Он защитил докторскую диссертацию. Число операций, сделанных им, измерялось уже тысячами. Молодой врач стал одним из известнейших хирургов республики.

И тут произошло событие, вернее, целая цепочка событий, с которых началась новая страница в его жизни.

7

Ибрагим Топчибашев проводил операцию на сердце. На хирургическом столе лежала молодая женщина с опаснейшей формой отека: опухоль обволокла сердце, заключила его в зловредный панцирь. С каждым днем он стягивался все сильнее, угрожая остановить приток крови. Чтобы спасти больную, необходимо было освободиться от этой оболочки — разрезать на лепестки, как кожуру мандарина, и с величайшей осторожностью поднять и удалить каждый лепесток.

Многие бакинские хирурги собрались в операционной. Здесь были и операторы с телевидения, решившие снять фильм. Топчибашев обнажил сердце, сделал крестообразный надрез и с ювелирной тщательностью принялся срезать образовавшиеся лепестки.

Шла тридцать вторая минута операции, когда случилась трагическая неточность: нож хирурга задел веточку коронарной артерии. Наступила смерть. Клиническая смерть, как называют ее медики. Топчибашев взял в руку недвижное сердце и принялся осторожно его массировать... Искусственное дыхание, уколы... Прошло тридцать секунд, потом еще тридцать — никаких признаков жизни. Напряжение такое, что, кажется, трудно дышать. В абсолютной, гнетущей тиши было слышно лишь стрекотание кинокамеры... Прошла вторая минута, близился конец третьей, когда пальцы Топчибашева ощутили легкую дрожь больного сердца, потом — беспорядочные сокращения и, наконец, слабый, замедленный, но уверенный ритм жизни.

Топчибашев отодвинулся от стола, поднял перед собой руки, чтобы отлила кровь от напряженных пальцев. И вдруг почувствовал, как немеет его тело. Окаменели руки, он не мог пошевельнуться. Нечеловеческое напряжение не прошло даром. Стопороз... Ассистенты, не понимавшие, в чем дело, молча смотрели на него, ожидая указаний. А он даже взглядом не мог объяснить, что с ним происходит... Мысли проносились в голове... Еще минута, и его самого не будет в живых. Полная каталепсия... Какая нелепая смерть! И больная останется на операционном столе... Что же делать?.. И помимо сознания, помимо воли, откуда-то извне, издалека, чуть слышная, пришла музыка.

...Это было много дней назад. Вернувшись после тяжелой операции, Топчибашев, как всегда, подошел к роялю. Монотонно стучали в окно крупные капли дождя, резкий бакинский ветер налетал порывами, швырял в стекла листья, сорванные с каштанов. А ему за всем этим слышалось движение — упрямое, всегда нелегкое, бесконечное, как сама жизнь... Так родилась мелодия. Топчибашев записал ее на листке бумаги — и забыл.

И вот теперь мелодия вернулась к нему. Шевельнулись пересохшие губы. Ожили руки. Тело снова стало послушным...

Топчибашев подошел к столу, закончил операцию и, не сказав ни слова, уехал домой.

Через несколько недель на Бакинской телестудии должен был состояться просмотр кинопленок, отснятых операторами в тот трудный день. Фильм об операции на сердце превратился в уникальную ленту о борьбе с клинической смертью. Пока работники студии подготавливали аппаратуру, друзья хирурга — известные бакинские композиторы Рауф Гаджиев и Закир Багиров — попросили его что-нибудь сыграть им. Топчибашев не стал отказываться — и зазвучал «Караван»...

Прошло совсем немного времени, и по настоянию друзей «Караван» ушел в эфир — к миллионам слушателей. Так для Ибрагима Топчибашева началась вторая жизнь, идущая рядом с первой, жизнь профессионального композитора, одного из популярнейших в Азербайджане. В Париже огромным тиражом выпущены грамзаписи песен Топчибашева, и разошлись они по всему миру.

...На той бакинской пластинке, что лежит у меня на столе, необычная марка — скальпель хирурга, вычерчивающий на нотных линейках музыкальную фразу. Нет, не прав все-таки был Топчибашев, когда говорил о двух половинках своей жизни! «Врач — служитель искусства». Эти слова Гиппократа верны по отношению к хирургам. А к Ибрагиму Топчибашеву вдвойне.

И НОТЫ

как они нас надули

Эндрю ЛЭМОРИ

Мы публикуем небольшой отрывок из книги-памфлета Эндрю Лэмори «Как они продали нашу Канаду Соединенным Штатам Америки». Книга Э. Лэмори выдержала в Канаде четыре издания.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Если вы заглянете в наши газеты, послушаете радио и посмотрите телевидение, то вы столкнетесь с оригинальными идеями.

Главная из них сводится к следующему: давайте покончим со всей этой болтовней о том, что мы канадцы, и присоединимся к США. Нам придется сделать это раньше или позже, потому что Канада как государство является всего лишь «ошибкой, совершенной историей».

Газета «Торонто дейли стар» поместила гневное письмо, присланное неким доктором Джоном Соннелэндом из города Спокэйв, который строго предупреждает нас, что американский конгресс может предпринять санкции против Канады, если мы... откажемся следовать торговой политике, диктуемой Вашингтоном.

Никто не любит угроз. Стоит только поднять вопрос об американских угрозах, чтобы увидеть бурную реакцию в Канаде. Но американцы превышают нас по численности в десять раз. Их страна значительно богаче нашей. Они обладают огромными вооруженными силами, расположенными непосредственно у нашей границы, которая широко открыта для них.

Тогда почему же они не захватили нашу страну до сих пор?

Мы сообщаем факты, которые до настоящего времени были известны лишь немногим.

Здесь рассказана история величайшей распродажи, которая когда бы то ни было происходила в истории человечества.

НАШИ СОСЕДИ — ПИРАТЫ

Некоторые люди, оглядываясь на нашу историю, иногда задаются следующим вопросом: «Если американцы на самом деле хотели захватить Канаду, почему они не захватили ее в войне 1812 года? Почему они приняли как должное поражение, нанесенное им? Несомненно, они могли бросить против нас все свои силы и завоевать Канаду, когда она была всего лишь неразвитой британской колонией».

Вот ответ. Может быть, это не тот ответ, который дает учитель вашим детям в школе. Но это факт, что Соединенные Штаты оставили Канаду в покое на 100 лет, потому что в то время наша страна не стоила того, чтобы ее захватывать.

Не обижайтесь. Просто вообразите себя хитрым американским политиканом или бизнесменом тех давних дней. Люди, жившие в Нью-Йорке, или на берегах Миссисипи, или в Калифорнии, глядя на Канаду, видели только сплошную большую полосу дикой земли, замерзшей в течение большей части года. И только небольшую горстку жителей. Так что в стране некого было заставить работать, если бы американцы захватили ее. В ней не было дорог. Не было сырья, как казалось в то время. Не было богатых плантаций. Завоевателя не ждало ничего, кроме тяжелой работы. Несомненно, в те времена не было даже и намека на сказочные богатства, которые нам, канадцам, предстояло открыть в последующие годы: золото, никель, железо, нефть, уран.

«Англичане хотят держаться за Канаду? — говорили хитрые американцы.— Пусть держатся. Уйдет еще сотня лет на то, чтобы превратить эту страну в выгодный бизнес. Зачем нам рисковать нашими долларами? Если что-нибудь толковое выйдет из Канады, мы будем тут как тут, мы ведь значительно ближе, чем англичане!»

К началу первой мировой войны английские финансисты успели захватить наши богатства стоимостью почти в три миллиарда долларов. Очень значительная сумма по тем временам.

Американцы стали замечать, что происходит на севере от них. Именно в то время они впервые начали наступление на нас.

Всего лишь за десять лет они сумели захватить больше богатств Канады, чем англичане захватили за столетия. С тех пор американцы не замедляли своих темпов. Ко времени окончания второй мировой войны в американские руки перешло владение канадскими богатствами на сумму в пять миллиардов долларов. А в последующие десять лет они удвоили эту сумму.

Рисунок В. Черникова.

Начиная с 1955 года американцы прибирали Канаду к рукам в невероятном темпе — в объеме одного миллиарда долларов в год.

Я не преувеличиваю, наоборот. Выдающийся экономист доктор Джон Дэйвис говорит, что американцы обладали богатствами Канады стоимостью в 20 миллиардов долларов уже в 1959 году и уже тогда клали себе в карман половину всех доходов, получаемых в нашей стране.

Наша комиссия по экономическим перспективам Канады сообщила, что сведения об американской собственности, ставшие известными на основании приведенных выше официальных данных, в действительности являются лишь тем, что бухгалтеры фирм называют «книжной ценой». Другими словами, это первоначальные капиталовложения. Например, американская нефтяная корпорация покупает новые канадские нефтепромыслы за три миллиона долларов; действительная стоимость этих промыслов вскоре подскакивает до сотни миллионов долларов по мере того, как начинают бить новые нефтяные фонтаны; но, «согласно книгам», американцы продолжают владеть всего лишь тремя миллионами долларов.

Таким образом, если бы вы предположили, что богатства Канады, принадлежащие Соединенным Штатам сегодня, оцениваются суммой в 50, а не в 20 миллиардов долларов, то ваша оценка все еще была бы весьма умеренной.

ДЕНЬГИ НЕ НУЖНЫ!

Всем известно это великое американское открытие: продажа товаров в кредит без получения каких-либо наличных сумм. Этим самым способом американцы купили Канаду, не вкладывая ни гроша собственных денег.

Более того, они получили ее вообще задаром.

Канадцам это не понравится. Это выставляет нас, канадцев, действительно в очень плохом свете. По сравнению с нами глупый Ганс из детских сказок выглядит финансовым гением. Мы, канадцы, сами обеспечили американцев деньгами, которые американцы потом использовали для покупки нашей же страны.

Эта история началась около 1885 года. В то время на каждого человека, проживавшего в Канаде, американцы продавали товаров на сумму около 9 долларов в год. Дядя Сэм действительно был дружественно расположен к нам и покупал весьма много у нас тоже. Мы, канадцы, продавали американцам наших товаров в то время на сумму 7 долларов в расчете на каждого канадца.

Вам не нужна электронно-вычислительная машина для того, чтобы увидеть разницу в 2 доллара на каждого канадца. И эта разница была в пользу американцев. Не очень большая разница по сегодняшним масштабам. Особенно, если вспомнить, что наше население в 1885 году не превышало 4,5 миллиона человек. Однако и миллион долларов был весьма ощутимой суммой в те дни. А в конце каждого торгового года американцы забирали у нас (2 доллара × 4,5 миллиона человек) приятную для них общую сумму в 9 миллионов долларов.

Перед второй мировой войной Канада не была такой развитой страной, как теперь, но все же довольно быстро развивалась. Американцы увеличили свои закупки в Канаде в 5 раз, на каждого канадца приходилось 35 долларов. Но и США продавали нам товары на 50 долларов, в расчете на ту же душу нашего населения. Разница составляла 15 долларов. За это время наше население выросло до 11 миллионов человек.

Итак, если вы владеете арифметикой, вы сразу увидите, что эти дружественные американские купцы забирали у нас деньги в расчете 15 × 11, или 165 миллионов долларов в год. Даже для богатых американцев это был довольно значительный годовой урожай.

А время шло.

Вы, и я, и все наши соотечественники-канадцы передаем теперь американцам общую сумму, равную одному миллиарду четыремстам миллионам долларов в год.

Во всем мире вы не найдете другого такого золотого водопада, который мог бы сравниться с потоком наших канадских денег в вечно открытые карманы американцев.

Наши доллары текут туда теперь со скоростью, почти равной 100 миллионам долларов в месяц!

ПОЧЕМУ ОНИ НАЗЫВАЮТ ЭТО «ТОРГОВЛЕЙ»?

Газетные редакторы, экономисты, профессора, политиканы и крупные финансисты — все называют наши деловые взаимоотношения с США «торговлей». Термин «торговля» применяется потому, что он звучит респектабельнее. Ведь торговля не является уголовным преступлением, чем-то незаконным или аморальным.

Но те же самые авторитеты, которые делаются американцами, не подумают применить этот респектабельный термин для обозначения способа, которым обкрадывают Конго или Анголу.

Нет, я не хочу сказать, что Канада является колонией, принадлежащей США! Колонии, вы знаете, иногда могут быть очень беспокойными и дорогостоящими для своих владельцев. А не дай бог, чтобы канадцы дали своим американским «торговым партнерам» какой бы то ни было повод для недовольства!

Если бы вы назвали такую комбинацию «торговлей» на конференции по вопросам торговли, вас бы засмеяли так, что вы удрали бы из зала конференции.

Разница в 7 миллиардов долларов за десять лет является чудовищной данью, которая не имеет ничего общего с обычными торговыми отношениями.

В таком случае как же вы назовете эти операции?

Вам придется придумать название самим. Я не могу найти в справочных книгах по экономике термин, который соответствовал бы этим обстоятельствам, когда одна страна высасывает сто миллионов долларов в месяц из другой страны и когда этот процесс продолжается из года в год и из поколения в поколение.

Так был иллюстрирован в журнале «Огонек» за 1951 год репортаж о стадионе во дворе.

ДВОР БЕЗ СТАДИОНА

Б. ОЛЕГОВ

Фото автора.

Коротков, Боровский? Последние годы я мало следил за теннисом, но эти фамилии почему-то мне были знакомы. Может быть, потому, что они довольно часто попадались в печати? Нет, не потому...

— Откуда эти ребята? — спросил я у моей давней знакомой, известной теннисистки и тренера Тамары Николаевны Дубровиной.

— Как откуда? Да разве вы не помните? Из переулка Садовских. С дворовой площадки. Вы же писали о ней!

Действительно, в одном из номеров журнала «Огонек» за 1951 год был опубликован мой репортаж «Стадион во дворе». Но как мало походили эти сильные, ловкие юноши, ставшие мастерами спорта, на тех азартных карапузов, с трудом держащих в руках тяжелые ракетки. Вот тебе и дворовая площадка! Оказывается, и она может растить высококлассных спортсменов! Ведь Володя Коротков, питомец дворового стадиона, стал учеником известного тренера Дубровиной, участвовал в играх на Кубок Галиа во Франции в составе юношеской команды СССР. И этот кубок теперь хранится в Москве.

Сколько же отличных спортсменов, должно быть, выросло за это время в переулке Садовских! И я решил отправиться по следам своего старого репортажа. Вот он, знакомый старый московский переулок. Вот и дом № 4. Памятный двор, на котором некогда кипела жизнь. Где же он, дворовый стадион? Нет его! И лишь плохо расчищенный пятачок, по которому носились ребята, да проржавевшая и продранная сетка теннисного корта напоминали о былом расцвете.

Что же случилось с дворовым стадионом? Ответ на этот вопрос мне удалось получить у человека, который его создавал. Алексей Иванович Мищенко, художник, и сейчас живет здесь. Сколько лет прошло, а он и поныне хранит газетные вырезки, фотографии, грамоты.

— Посмотрите, — показывает мне Алексей Иванович фотографию, на которой изображен пустырь с кучей мусора посередине. — С этого мы начинали... и этим кончили. — И он показывает в окно.

Вот история рождения и краха одного полезнейшего общественного начинания, увы, как мы думаем, довольно типичной истории.

Дворовый стадион, построенный самими ребятами, вскоре привлек всеобщее внимание. Добровольное спортивное общество «Искра» (позднее «Буревестник») взяло шефство над стадионом, и он стал как бы его филиалом по работе с детьми. На площадке появились опытные тренеры Т. Н. Дубровина и Н. Н. Каракаш. К ребятам приходили лучшие теннисисты того времени — Озеров, Новиков, Корбут.

О жизни дворового стадиона в переулке Садовских было снято три кинофильма. Им заинтересовались Министерство просвещения и Академия педагогических наук, а экскурсионное бюро включило его в число достопримечательностей столицы.

Уже через год после начала тренировок юные теннисисты из переулка Садовских обыграли детские команды «Динамо» и «Спартак». Несколько раз первенство Москвы по теннису среди детей разыгрывалось на кортах дворового стадиона. А питомцы этого самодеятельного стадиона начали с успехом выступать на крупнейших соревнованиях. Леня Хромченко выиграл первенство СССР для юношей, чемпионами Москвы стали Реваз Чеквандзе, Алексей Иевлев, Галя Чижова, Юра Коломийцев, Юра Боровский и Сережа Пронин.

А братья-близнецы Боря и Володя Коротковы! Они появились на площадке пятилетними крошками. Отец сделал им деревянные ракетки. Тренер Тамара Николаевна Дубровина взяла их к себе в малышовую группу и не расстается с ними до сих пор. Свой первый матч они сыграли, когда им было восемь лет. Проиграли и горько плакали от огорчения. Теперь у Бориса первый разряд, а Володя — мастер спорта, неоднократный чемпион Москвы среди юношей, участник международных зимних командных соревнований. Прошедший год был для него особенно удачен. В составе сборной команды СССР он выиграл во Франции первенство Европы для юношей — Кубок Галиа. Затем в Англии занял первое место в Бекнемском турнире (первенство графства Кент) и, блестяще сыграв на Уимблдонском турнире, занял второе место среди юношей. А вернувшись в Москву в августе вместе с В. Егоровым, тоже питомцем дворового стадиона, стал чемпионом СССР в парном разряде, уже среди взрослых. Мне остается добавить лишь одно: Володе сейчас всего лишь шестнадцать лет.

Сколько же таких Коротковых могло бы вырасти в переулке Садовских, если бы дворовый стадион продолжал действовать!

Вначале все было хорошо. Ребята уже подумывали о строительстве зимнего теннисного корта и гимнастического зала. Райисполком вынес решение о предоставлении участка. Несколько организаций обещало дать деньги и строительные материалы. Жильцы дома архитектор И. А. Шпанов и инженер Д. Д. Кузьмин на общественных началах составили проект и согласились руководить стройкой. Строить должны были сами ребята...

Я не буду сейчас раскапывать старую, неприятную историю. Нашлись недоброжелатели, с помощью которых благородное начинание было загублено. Площадку перекопали якобы для того, чтобы провести газовые трубы, а на месте предполагаемого зимнего спортивного зала поставили газораспределительную будку. Конечно, при желании все это можно было сделать в другом месте, но об этом никто не подумал. Вернее, не захотел подумать. А комсомольские и физкультурные организации района не боролись до конца, чтобы сохранить стадион, хотя это было их кровным делом.

И вот через четырнадцать лет я вновь во дворе дома по переулку Садовских. Ребята гоняют одновременно футбольный мяч и хоккейную шайбу. В руках у них вместо клюшек простые палки, а у парня, изображающего вратаря, железная лопата для уборки снега. Ребята жалуются. Хочется заниматься спортом — негде. Ходили на городские стадионы — не берут: нет мест. Во дворе теперь тоже ничего не дают делать. А нам, конечно, это обидно. Хочется заниматься спортом...

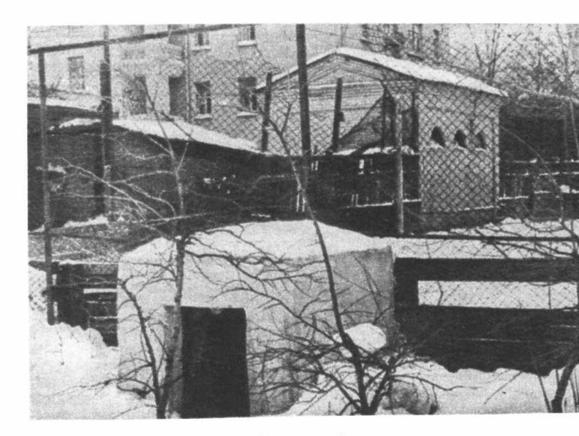
Хочется заниматься спортом! Как часто приходится слышать эти слова! И как много еще молодежи не может осуществить своего желания! Какую же огромную роль в развитии спорта среди школьников смогли бы сыграть дворовые стадионы! Конечно, при одном условии, что это будут не безнадзорные площадки, на которых каждый во что горазд, а настоящие стадионы со своим активом, с тренерами-общественниками, с часами занятий, с соревнованиями.

Спортивная площадка под окнами отпугивает многих. «Житья не будет от крика и хулиганства». Да, безнадзорная площадка — это обуза для жильцов. Дворовый стадион — подмога! Ребята имеют место, где можно проводить досуг, а занятия спортом благотворно сказываются на их здоровье. Почему же не воскресить забытый опыт энтузиастов из переулка Садовских и в этом переулке и других переулках и улицах Москвы и других городов?

Где взять специалистов? Да ведь и здесь уже имеется опыт. Шефствовало же над дворовым стадионом в переулке Садовских спортивное общество «Буревестник». Почему бы не привлечь к этому важному делу и другие общества? А дирижерские обязанности должно взять на себя спортивное общество «Юность».

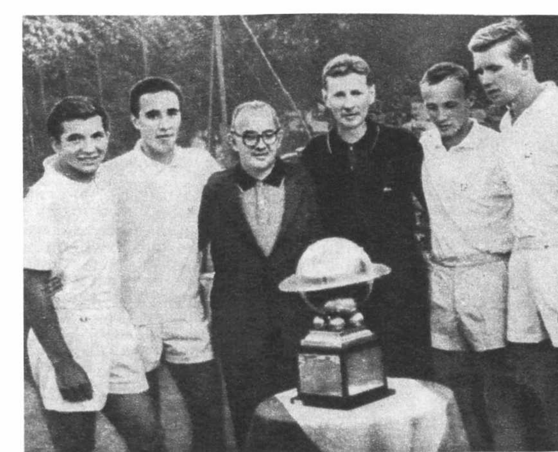

Вот так выглядит сейчас дворовый стадион в переулке Садовских.

На месте стадиона заборы и будки.

Юношеская команда СССР, выигравшая Кубок Галиа 1964 года. Слева направо: В. Коротков, А. Метревели, начальник команды В. В. Коллегорский, тренер Э. Я. Крее, А. Иванов, П. Ламп.

Необычное задание нашему корреспонденту

Есть неумирающие темы, вечные, всегда волнующие человечество. Например, наем дачи или обмен получулана без удобств в Черкизове на отдельную квартиру из трех комнат с газом в кольце «А»... И никак нельзя разрешить все эти важные проблемы.

И. Ильф, Е. Петров

Куда поедет теща?

...— Скажите, это правда, что на юго-западе воздух чище? У меня комната 20 метров в центре, но если там лучше, мне бы хотелось...

...— Нас прислала вся коммунальная квартира. Соседка меняется, и на ее место приезжает семья из трех человек. Протестуем! Слышите?! Вы не имеете права выдавать ордер, если общественность возражает.

Вопросы, вопросы... Кажется, что надвигается великое переселение народов. И всем мы должны дать совет, подсказать, какой вариант следует искать. Мы — это инспектор Бюро обмена жилплощади Нина Георгиевская и я, ставшая на несколько дней ее помощницей.

Хотим съехаться... Хотим разъехаться... К концу первого дня работы я уже довольно точно научилась угадывать причины, которые ведут людей в Бюро обмена.

«Трехкомнатная квартира — на двухкомнатную и комнату отдельно». Это дети, создав семью, хотят жить самостоятельно.

«Две в разных — на одну». Это, видимо, свадьба.

«Большая на меньшую». В семье горе: кто-то умер, комната велика.

«Одну на две, можно без удобств». Наверняка развод, жить вместе невыносимо.

Люди стремятся переехать поближе к работе, к вокзалу, откуда стартует поезд на дачу. Одни хотят обязательно первый этаж. Другим подавай не ниже пятого. Кому-то нужна солнечная сторона. Кому-то солнце мешает.

Здесь отчетливо видишь, как выросла Москва. Улицы, которых раньше не было: Новинки, 95-й квартал Кунцева... Огромный спрос на Кузьминки, а ведь совсем недавно о них не хотели и слышать. Район постепенно обживается, скоро будет станция метро. Теперь Кузьминки — почти центр. А о Черемушках или Кутузовском проспекте уже даже не мечтают.

Комната, где мы сидим с Ниной, пожалуй, на самом бойком месте. Здесь сдают документы те, кто уже подобрал вариант, кто прошел огонь и воду. Однако их меньшинство. В основном посетители неопытны. Они впервые переступили порог Бюро обмена, они пока оптимисты, полны самых радужных надежд.

— Хотим меняться...

— Пожалуйста,— отвечаем мы всем.— Платите деньги, становитесь на учет и... ищите. Когда подберете, приносите документы.

— А разве вы?..

Наивные люди! Они надеялись, что их будут обслуживать, звонить, предлагать варианты. Конечно, Бюро должно быть подлинным Бюро добрых услуг. Но что делать, если здесь лишь 8 посредников и у каждого план: всего 5 обменов в месяц? Если на одного инспектора приходится 1 500 желающих переехать? По существу, работники городского Бюро и групп при райисполкомах лишь оформляют подобранные варианты. В Москворецком районе, например, за 4 месяца прошлого года поменялось 640 человек. Из них с помощью инспектора — лишь тринадцать!

Увеличить число инспекторов? Но и это, пожалуй, ненамного улучшит положение. Бывает, что просто нет требуемой квартиры,— и тогда инспектор бессилен.

Год назад городское Бюро получило 39 квартир для обменного фонда. Теперь у инспектора стало больше возможностей. Скажем, он видит, что человек долго не может поменять хорошую, полноценную комнату. Инспектор предлагает ему свободную площадь из фонда, а его, освободившуюся, берет в фонд. Не беда, что сейчас на нее нет желающих,— не сегодня, так завтра появятся. Но всего 39 квартир — капля в море. И очередь стоящих на учете не уменьшается, а растет.

В последнее время очередь стала расти с катастрофической быстротой. Причина всем понятна: появилось много новых районов. Непонятно другое: почему новосел, едва получив долгожданный ордер, тут же спешит в Бюро обмена?

...В дверях Николай Герасимович Никиточкин, такелажник треста Мосстроймеханизация № 2.

— Можно поменять квартиру, в которую я еще... не въехал?

Я ничего не понимаю. Зато Нине все ясно с полуслова. Подобные вопросы она слышит часто.

— Где вы живете сейчас? — спрашивает Нина.

— В Кунцеве.

— Где работаете?

— Тоже в Кунцеве. И я и жена.

— А где получили квартиру?

— В Ногатине... Полтора часа в один конец, три пересадки. Трамвай, метро, электричка. Я-то еще ладно. А у жены сменная работа — с восьми утра начинает и с двенадцати ночи. Трое детей... Дали бы в Кунцеве. Но наш трест не получил там ни одной квартиры.

Теперь и мне все становится понятным. В Кунцеве огромное строительство. В эти дни там сдавалось много жилых домов. Их заселял Ленинский райисполком. И заселял с трудом! Жители Ленинского района не хотели ехать в Кунцево. Да это же запланированные обмены!

В Москворецком районе сносятся дома по Большой Черемушкинской улице. Рядом Зюзино, Волхонка-ЗИЛ. А людей, которые работают здесь же — на ЗИЛе, на фабрике Гознак, на заводе «Газоаппарат»,— переселяют в Медведково. От Медведкова до ЗИЛа около 30 километров!

Конечно, выполнить все желания невозможно. Но Николай Герасимович Никиточкин не просит невыполнимого. Почему же не пойти навстречу?

Спору нет, распределение жилплощади — сложнейшее дело. Считают, что главное — дать людям метраж. Где — не суть важно. Оказывается, важно. Очень!

Каждый день новосел с трудом втискивается в автобус; через весь город везет детей в детский сад и

Вера ОРЛОВА

СУДЬБЕ Б

Многие радиослушатели знают артистку Веру Орлову по воскресным встречам в «Добром утре», по литературным, музыкальным и детским передачам, выступлениям перед телезрителями.

Известна народная артистка республики Вера Орлова и по многочисленным ролям, сыгранным ею на сцене Московского Академического театра имени В. Маяковского.

Сегодня мы познакомим вас с Верой Орловой, веселой рассказчицей.

* * *

В душе своей я глубоко драматическая актриса. Но всю жизнь мне сопутствовали комедийные ситуации. Они, эти компрометирующие ситуации, следовали по пятам. Неотступно и последовательно.

С малых лет я люблю петь. Но во всем остальном была тихой и скромной девочкой. Тем не менее всегда тянулась в шумливое общество других детей.

Помнится такой эпизод. В углу нашего большого двора прикорнул старенький, метра два высотой сарайчик. Мальчишки любили прыгать с его ветхой крыши и очень гордились своей смелостью. Я долго и отчаянно завидовала им, пока наконец тоже решилась, упросив мальчишек помочь мне.

Дружно сопя, они втащили меня по лестнице на крышу, и я, зажмурив глаза, ринулась в бездну. Вообще-то говоря, все могло обойтись вполне благополучно, если бы не хилое деревцо, росшее около сарая. Я зацепилась платьем за сук и повисла между небом и землей. Испуганные дружки разбежались, истошно галдя: «Верка зацепилась! Верка зацепилась!»

Так и висела я на дереве, пока не докричалась родителей...

Я взрослела, обогащалась трудным жизненным опытом, а комедийные ситуации все так же неотступно следовали за мной.

Меня всегда отличали маленький рост и необычайная худоба. А всеобъемлющая фантазия, смелость, родившаяся после полета с крыши, звали стать сильной и стройной. Чтобы исправить пробелы своей внешности, я решила поступить в спортивную школу при Измайловском парке культуры и отдыха. Занималась весьма усердно и действительно вскоре возмужала и окрепла.

Пришел торжественный час сдачи норм на значок ГТО. Среди других упражнений предстоял прыжок с парашютной вышки. Она находилась тут же, в парке, и казалась мне необычайно высокой. Однако, взбираясь по лестнице, я всем своим видом подчеркивала решимость и бесстрашие.

Но там, на верхотуре, я вдруг почувствовала, что вышка отчаянно раскачивается от ветра и, казалось, вот-вот опрокинется.

Когда же инструктор принялся закреплять на моей хрупкой талии поясной ремень, остатки мужества окончательно испарились. Я стала кричать на всю округу, чтобы с меня немедленно сняли этот дурацкий ремень, что прыгать с вышки вовсе не обязательно.

К моему удивлению, инструктор отнесся ко всему этому с полным пренебрежением. Он уже приготовился закрепить наплечные ремни, но тут буквально на полусловe порыв ветра вынес меня за пределы площадки... И, заметьте, на одном только поясном ремне!..

В нормальных человеческих условиях, когда на вас закреплены все полагающиеся постромки, вы опускаетесь к родной планете вниз ногами. У меня сложился совсем иной вариант. Я летела, вернее, падала, не то боком, не то вниз головой. И, удивительное дело, мне вспомнился давний-давний прыжок с крыши ветхого сарайчика!..

К счастью, удар оказался вполне терпимым: помог тот же ветер. Мгновенно вскочив на ноги и необычайно стыдясь всего случившегося, я снова устремилась на вышку. Но инструктор встретил меня свирепо. Он кричал с высоты, что вовек не допустит эту бездарь Орлову к прыжкам. Что все равно ничего из нее не получится.

Горестно недоумевая, за что меня так строго наказали, я отправилась сдавать нормы по плаванию. Это вовсе не значит, что я умела плавать. Нет! Мне хотелось, как сказано выше, поскорее стать мужественной и самостоятельной.

Пока сдавала нормы мужская группа, я в чьих-то огромных не по росту буро-зеленых лыжных брюках прошла на мостик, выдававшийся к середине озера, и, увидев катавшуюся на лодке подружку, крикнула, чтобы она захватила меня с собой. Не дождавшись, пока приятельница закрепит лодку, я резво шагнула с мостика на борт. Лодка мгновенно отпрянула, и я, не успев после мучительного шпагата подтянуть вторую ногу, плюхнулась в воду. Почти сразу же над головой сомкнулась зеленая толща воды, ноги увязли в коварной тине.

Чувствуя, как из меня вырываются последние пузыри, я поняла, что бороться со стихией нет смысла. Лучше гордо умереть.

Но ничего героического не получилось. Кто-то схватил меня за волосы и поставил на ноги. К моему конфузу, вода в этом месте едва достигала пояса...

Окрепнув физически и уверовав в свои певческие данные, я вступила в самодеятельный хор, которым руководил Зиновий Осипович Дунаевский. Именно здесь, в этом хоре, друзья нашли, что мне непременно следует попробовать силы на театральных подмостках.

После долгих уговоров я наконец решилась податься в театральное училище. Когда на экзаменационной комиссии мне предложили исполнить что-нибудь по своему усмотрению, я прежде всего попросила разрешения слезть со своих высоченных каблуков, ибо чувствовала себя на них, словно на ходулях. Да и туфли-то были не мои.

Деловито соскочив с каблуков, я как-то сразу осела и едва выглядывала из-за спинки стула. Не смущаясь этим, я со всей возможной страстностью начала знаменитый монолог: «Вы ко мне писали...»

Пока новоявленный Онегин с торчащими в стороны косичками возвышенно излагал свое кредо, с членами комиссии происходило нечто странное. Некоторые из них, казалось, с трудом удерживались от приступов кашля, другие — откровенно хохотали.

Не дав мне дочитать онегинские излияния, председатель ласково спросил, не имею ли я чего-либо в запасе, более свойственного слабому полу. «Может, вам лучше спеть?» — добавил он.

Наконец-то повезло! Недаром еще отец с детства вытягивал из меня вокал. И, приосанившись, я затянула арию Демона. Меня вообще всегда тянуло к исполнению «ужасно мужского».

Прекрасная ария прошла прямо-таки под аплодисменты. Правда, я

обратно, он тратит много денег на дорогу, он устает и, главное — что не оценить никакими рублями,— теряет время. Уходить с предприятия, где проработал всю жизнь, не хочется. Да и завод отпускает неохотно: кто расстанется с кадровым рабочим! Ведь это урон народному хозяйству. И тогда новосел идет в Бюро обмена. И увеличивает огромную армию страждущих, насчитывающую сейчас около 50 тысяч человек.

Ровно в два часа Нина встает из-за стола. Обеденный перерыв. Это время в Бюро обмена священно. Задержаться хотя бы на минуту? Ни за что! Даже если в очереди остался лишь один человек, пусть инвалид, пусть приезжий. Не стоит просить, доказывать, что дела на полминуты.

— Обед. Ждите.

И люди ждут. Ждут целый час, чтобы узнать, какие нужны документы, где заверить справку, как написать заявление. Почему бы такому отделу не работать без обеденного перерыва? Почему бы инспекторам не чередоваться?

Ждите! А где ждать? Помещение Бюро — длинный узкий коридор, несколько стульев. Нет раздевалки. Жарко. Душно.

Маленькие комнатки с картотекой переполнены. В шкафах около тысячи папок. Несмотря на то, что они подобраны по разделам, регулярно просматривать их трудно и, главное, очень долго. В мечтах — оперативная информация о вновь поступивших предложениях, продажа открыток, телефоны, чтобы быстрее узнать подробности о заинтересовавшем варианте. Но в нынешнем помещении это невозможно. Больше года назад Моссовет принял решение переселить Бюро обмена в новое помещение. Время идет, а райисполкомы никак не могут договориться, кому прописать столь беспокойного и шумного жильца.

Стоять в коридоре — занятие бессмысленное. И люди идут на улицу, на биржу — небольшой пятачок, где с утра до вечера, без выходных, гудит разноголосая толпа.

Я не хочу обедать. Я тоже спускаюсь вниз.

Люди все подходят и подходят. Двести человек, триста... Топчутся на месте, потом медленно прочесывают территорию. Вдоль... Поперек... По диагонали...

— А ну, кто разводится?

Мужчина с усиками выкрикивает, словно на аукционе:

— Лучший район Москвы — раз! Лучший район — два! Налетай, а то раздумаю.

— Что у вас?

Каждому приходится объяснять все сначала. Магнитофон бы! Наиболее догадливые прикололи на пальто бумагу: «Меняю... требуется...» Буквы крупные, обведенные тушью или цветными карандашами, чтобы было заметно издалека.

Все с завистью поглядывают на владельцев машин. Изнутри на ветровом стекле они вывесили огромные объявления: «Меняю...»,— а сами сидят спокойно и читают книги: ждут предложений.

Толпа распадается на два лагеря — ветераны и новички. Среди ветеранов есть такие, кто стоит здесь годами. Они чувствуют себя, как дома, горды своим опытом, с удовольствием дают консультации.

Почти никто не хочет менять отдельную квартиру на коммунальную. Правда, вкусы разные.

— Вчера смотрела комнату,— задумчиво говорит женщина.— Все подходит. Но соседей — пятнадцать человек.

— Так это же хорошо,— доказывает другая.— Лучше, чем одна соседка. Попадется хулиганка, будет в чайник сыпать соль, а свидетелей нет. Много — не страшно. Лишь бы хорошие люди были.

— Да как узнаешь?

— По кастрюлям. Они есть на кухне?

— Кастрюли?..

— А как же! — волнуется женщина.— Если кастрюли убирают в комнаты, значит, квартира скандальная. Если на кухне,— поезжайте без страха и сомнений. Это как звонки на входной двери.

Мимо снуют люди с жуликоватой внешностью — маклеры. Их знают по кличкам: «Нищий», «Толстый», «Нос», «Писатель». Конечно, они работают не за красивые глаза. Но это никого не смущает — ведь говорят: если за дело возьмется маклер, через месяц можно справлять новоселье.

Еще издали они намечают жертву:

— Съезжаетесь? Есть отличная комнатка...

Около забора группа людей окружила парня — лохматого, взъерошенного, с непрерывно спадающими очками. Видно, он уже без сил от этого обмена.

— Еще раз проверим,— размахивает руками парень и, словно вспомнив детскую игру-считалочку, идет по кругу, ударяя в грудь каждого.— Значит, так. Сергеевы едут на Ульяновскую к Дрыкиным. Дрыкин-старший — в Измайлово. Дрыкин-младший — на Петровку. Бубенчик с Петровки и Птичкин с Ордынки — на улицу Лобачевского. В квартиру Сергеевых перебираются Шишкины. Я с женой — на Дмитровское шоссе. А теща?.. Подождите, куда же едет теща?! Ведь из-за нее весь обмен. Давайте проверять сначала...

К концу дня народу становится больше. Люди спешат сюда прямо с работы, усталые, с сумками. Чтобы быстрее рассосать очередь, Нина приглашает сразу по пятьшесть человек: когда в комнате много народа, от надоедливого посетителя легче отделаться. Нина работает быстро, очередь движется, словно по конвейеру. Вошел — ушел... Вошел — ушел... И лишь один парень сидит уже около получаса и в который раз рассказывает свою историю:

— Да поймите же! Я женился. У меня однокомнатная кооперативная квартира, у жены — комната. Скоро будет ребенок. Ну как вы не понимаете, что нам нужно съехаться!

Мы все отлично понимаем. Но...

— Нельзя,— говорит Нина и опускает глаза.

Кооперативную квартиру разрешают менять только с кооперативом. Или, если родственники,— друг с другом. Например, жена может поехать в кооперативную квартиру мужа, а муж — в ее комнату.

— Но как же соединить семью?

— Никак.

Мне объяснили, что обмен кооперативной площади обязательно преследует корыстную цель...

Но можно ли так безоговорочно накладывать вето?

Жизнь течет, не считаясь с тем, какому ведомству принадлежит квартира. И даже в кооперативной, построенной за свои деньги, люди стареют и умирают, выходят замуж и празднуют рождение ребенка. Почему же нужно разбивать семьи, заставлять стариков до конца жизни взбираться на пятый этаж? Кооперативное строительство с каждым годом расширяется. В 1962 году в Москве кооперативами построено 28 тысяч квадратных метров жилплощади. В 1965-м будет 650 тысяч квадратных метров. Что же, со всех брать подписку о невыезде?

Возможно, следует разрешать обмен только при условии выплаты всех ста процентов пая. Возможно, надо ввести какие-то ограничения. Но нельзя категорически запрещать обмен кооперативной площади!

Пора домой. Но попробуй уйти, если в комнате сидит посетительница — к счастью, последняя! — и льет слезы:

— Обманули! Скрыли алкоголика!

Комнату, в которую переехала Анна Петровна — так зовут женщину,— предлагали смотреть только с 17 до 19 часов. В это время сосед-алкоголик работал.

Анна Петровна много раз приходила в квартиру, но все в указанное время. Соседи ей понравились. И, уже переехав, познакомилась с пьяницей. Теперь прежняя комната кажется ей пределом мечтаний.

Мне жаль ее, и не только потому, что она попала в царство алкоголика. Не выдержав пьяных скандалов, Анна Петровна, видимо, захочет уехать из этой квартиры. Снова мучиться, мерзнуть на бирже, изучать картотеку. Снова забыть о друзьях, о театрах, о книгах. Снова тратить время и силы: рассчитывать на помощь Бюро обмена не приходится.

...Внизу по-прежнему бушует людское море. Опять вижу лохматого парня: «Дрыкин-старший — в Измайлово, Дрыкин-младший — на Петровку... Куда же теща?!» Да, какое-то звено в этой цепочке они потеряли! Вижу маклера, который зорко высматривает очередную жертву. Кто будет ею? Лохматый парень? Анна Петровна? Или, может быть, кто-нибудь из работников Бюро обмена, если захочет переехать на новую квартиру?

Е. МУШКИНА

ЫЛО УГОДНО

Рассказывает

Вера Орлова

не сразу сообразила — одобрительные или издевательские. «Скорее издевательские»,— пришла я к выводу и тут же решила: артистическая деятельность не по мне!

Еще более убедило меня в этом задание сыграть этюд. «Представьте себе,— сказал председатель,— что вас кусают клопы!» Возмущенная подобным неэстетическим заданием, я с достоинством ответила, что живу в весьма чистоплотной семье... и, круто развернувшись, устремилась вон из комнаты.

На улице, в расстроенных чувствах, я подошла к первой же попавшейся палатке с газировной. День был жаркий, а у меня горло пересохло от незаслуженной обиды. Едва я пристроилась к очереди, как почувствовала удар по лицу, глаза залило кровью. С верхнего этажа рядом стоявшего дома вывалилось стекло, оно и рассекло лоб. Меня срочно доставили в ближайшую поликлинику. Домой уже привезли человека-невидимку: из-под толстого слоя бинтов на голове виднелись только глаза...

Через две недели, к своему удивлению, я узнала, что зачислена в театральное училище.

Судьбе было угодно, чтобы я вступила на театральную стезю.

В последний год войны в наш театр пришел большой мастер Николай Павлович Охлопков. Он доверял молодежи и смело поручал ответственные роли.

Получила большую роль и я, тогда начинающая актриса. Готовили мы «Сыновей трех рек» В. Гусева. На репетиции собиралась вся труппа. А я, конечно, все время ухитрялась опаздывать.

Терпение Николая Павловича иссякло. И в один из дней он лаконично заметил, что, если завтра же я не явлюсь на полчаса раньше, в театре меня не оставит.

Подавленная, возвращалась я к себе в Сокольники, где жила с родителями в двухэтажном доме.

Поднявшись по шаткой лестнице на второй этаж, я столкнулась с отцом. Он как раз собирался позвонить у входной двери. Только он прикоснулся пальцем к звонку, как раздался оглушительный грохот и треск. Пол под нашими ногами заколебался. Отец почему-то замелькал где-то наверху. Потом пыль обломков лестничной клетки окончательно нас разъединила.

Я торчала вниз головой в окне первого этажа, и только балка, прижавшая мою ногу, удерживала тело от окончательного падения.

Что же, собственно, приключилось? Оказывается, в тот самый момент, когда отец коснулся кнопки звонка, где-то рядом грянул артиллерийский салют в честь города, освобожденного Советской Армией. Он и потряс до основания наш ветхий домик.

Подбежали соседи, вынули меня из окна.

К утру следующего дня нога разболелась так, что я еле передвигалась. Дабы не опоздать в театр, я вышла из дому за два часа. До сих пор не могу понять, как это произошло, но только на репетицию я опоздала. И когда Николай Павлович спросил: «Ну-с, а какова будет сегодня концепция вашего опоздания?» — я честно ответила: «Я упала со второго этажа».

Реакция товарищей была соответствующей; режиссер отказался репетировать со мной. А я вскоре потеряла сознание от травмы ноги — началось заражение крови.

Тут пора рассказать и о случае, том самом — единственном, когда я опередила события.

Мои первые шаги на сцене пришлись на 1941 год. Театр имени Ленсовета, куда я попала после училища, был эвакуирован в город Бийск, на Алтае. Там я получила свою первую роль — девочки-партизанки. Центральным в этой небольшой роли был эпизод, когда юная героиня вскакивает на бруствер окопа и произносит страстные, патриотические слова. Выстрел, и она падает, сраженная.

На репетициях все проходило гладко, режиссер Илья Юльевич Шлепянов хвалил меня, я находилась в блаженном состоянии.

Наступил день премьеры. Я так волновалась, словно спектакль только на мне и держался. Зал был полон, в основном военными. Приближался мой эпизод.

Не слыша собственного голоса, я патетически выпалила монолог. Но что это? Почему такая пауза? В страхе, что выстрела, от которого я должна красиво, непременно красиво, упасть, так и не последует, я во все свои легкие гаркнула: «Пу-у!» — и, раненная, свалилась.

Пришла в себя от гомерического хохота зала. А в антракте разгневанный режиссер кричал, что никто не просил меня до выстрела, который последовал точно в назначенное время, орать это самое проклятое «Пу-у». Что своей интерпретацией сцены с девочкой-партизанкой я убила отличный спектакль.

Долго потом на улицах Бийска тамошние жители приветствовали меня ехидным «Пу-у!».

А я снова и снова задумывалась: почему именно со мной случилось столько нелепостей? Откуда такое обилие всяческих комедийных ситуаций?

Мне кажется, все проистекало от моего деятельного нетерпения к жизни. От стремления больше увидеть, и попробовать, и, как бы тут выразиться, наверстать, что ли, упущенное. Наконец, от неуемного желания все уметь, все постичь. Именно постичь.

Литературная запись
Н. БАБИНА.

Фото Р. Лихач.

ЭХОЛОТ ИЩЕТ РЫБУ

Река скована льдом. А куда делась рыба? Где она зимует? Где вести лов?

Речь идет не о подледном промысле спортсменов-одиночек, которые долбят себе лунку и отдыхают, глядя на дымящуюся полынью да на десяток замерзших ершей. Речь идет о промышленном, государственном лове рыбы, который обычно резко падает на реках и водохранилищах с ледоставом.

Сотрудники ПИНРО — Полярного института рыбного хозяйства и океанографии — предложили использовать эхолоты для поисков рыбы подо льдом. Они выезжали в район Волгоградского водохранилища и с помощью гидроакустических поисковых приборов, установленных на льду, сделали около ста наблюдений на глубине от 4 до 40 метров.

Оказалось, что эхолот может регистрировать не только большие скопления рыбы, но и мелкие стайки и даже отдельных щук, лещей, окуней.

УДОБРЕНИЯ ИЗ МОРСКОЙ ВОДЫ

Американские ученые пришли к заключению, что морская вода может служить прекрасным средством удобрения для многих растений. Опыты показали, что растения, орошенные морской водой, развиваются гораздо лучше, чем их собратья, политые обычной, пресной водой. Так, например, пшеница, ячмень, картофель, подсолнечник, выращенные в различных по климату районах мира, очень легко переносят засуху, если их предварительно орошать морской водой.

ЧЕРЕПАХА С ПЛАСТИНКОЙ

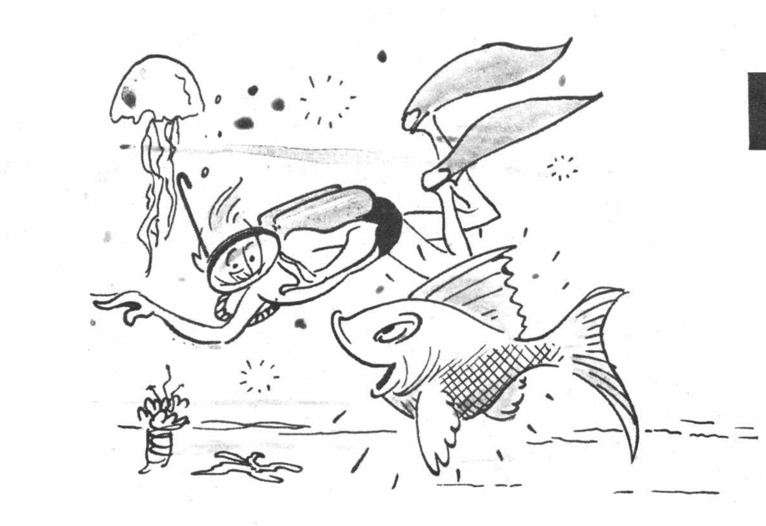
Южнокорейские рыбаки рассказывают, что они поймали черепаху, к спине которой прикреплена пластинка с такой надписью: «Черепаха эта выпущена на свободу монахами Конгчена в 14 году правления династии Мин». Как известно, эта династия владела Китаем с 1368 по 1644 год. Значит, черепахе сейчас около 600 лет. Рыбаки подарили свободу этому животному.

Ю. АСТАФЬЕВ

Фото автора.

РИФ ЗОЛ Е

Над водой плывет туман, цепляясь за серые, угрюмые скалы. Кричат потревоженные чайки. Моросит мелкий дождик. Обычная летняя погода в этих краях. Но море спокойно, и нам удалось наконец-то высадиться на рифе. Мы должны обследовать подводный мир в этом месте Японского моря. Я, как всегда, беру с собой подводный фотоаппарат с импульсной фотовспышкой, мой спутник — сетку для сбора различных животных и водорослей.

Цепляясь за острые выступы скалы, спускаемся вниз и с шумом обрушиваемся в воду. И тотчас же под нами — глубокая синева, и в эту синеву отвесной стеной уходят скалы. Тишина, только журчит, убегая вверх серебристым облаком, воздух из аквалангов. Стараемся держаться ближе к скалам. На их поверхности видны трепанги. Под водой трепанги похожи на гигантских гусениц и, несмотря на свой непривлекательный вид, довольно красочны: светло-коричневые, усыпанные мелкими синими пятнышками.

Неподвижно застыли морские звезды; здесь и обычные — темно-синие с алыми узорами и редко встречающиеся в других, обследованных уже нами местах. Это самые крупные звезды Японского моря, размах лучей их достигает порой 70—80 сантиметров. Причудливо изогнув длинные лучи, они чем-то напоминают осьминогов.

А вот и постоянные обитатели этих вод — темные ерши. Недалеко от меня на каменном выступе расположилась целая группа ершей. Я навожу на них фотоаппарат и словно оказываюсь в плохом фотоателье: эта милая семейка застывает неподвижно, вытягивает плавники по швам и смотрит прямо в объектив, рыбы даже не реагируют на яркую вспышку лампы.

Алыми амфорами сидят на скалах асцидии. Эти животные ведут неподвижный образ жизни, прикрепившись к твердой опоре. Через сифон в верхней части туловища они засасывают воду, а с ней и пищу — мельчайших животных и водоросли.

Приятная неожиданность: впервые мы видим обширные заросли белоснежных актиний. Чудесные животные похожи на крупные хризантемы. Настоящий подводный сад. И на фоне этих зарослей — голубые ерши. Может быть, это другой вид или темные ерши с глубиной приобретают иную окраску?

Целая стая василькового цвета рыб неподвижно повисла в толще воды. Рыбы неторопливо расступаются, пропуская нас, и снова смыкаются за нашей спиной.

Внезапно впереди замечаем желтое пятно, и вот, как кусочек солнца, перед нами большая рыба. Это золотой ерш. Рыба подплывает к нам вплотную. Кажется, неслышимый клич несется под водой. На этот клич из подводных ущелий и гротов плывут, спешат золотые ерши. Их вокруг нас уже десятки, а рыбы все плывут и плывут... Стоит сделать резкое движение, как ерши мгновенно исчезают в каменном лабиринте, но вскоре появляются вновь. Сверкающей свитой сопровождают они нас. Наиболее смелые забегают вперед и плывут на расстоянии вытянутой руки. Мне приходилось и раньше встречать золотых ершей, но то были одиночные рыбы. Здесь же их неисчислимое множество. Как жаль, что мне не удастся передать всю картину,— ведь свет импульсной лампы достает под водой едва на полтора-два метра. Бросаю взгляд на манометр. Как быстро падает давление в баллонах! Да и не удивительно — ведь глубина около 30 метров. А нам надо еще опуститься к подножию утеса. Снова вниз. Ерши остаются где-то наверху. Вот и подножие. Глубина — 45 метров. В зеленом сумраке хаотическое нагромождение угловатых каменных глыб, дальше тянется отмель. Холодно. На отмели ничто не шелохнется, и от этого она кажется безжизненной. По часам засекаю время: на этой глубине мы можем находиться только около 15 минут, иначе потребуется выдерживать сложный режим подъема, чтобы избежать опасности кессонной болезни. Товарищ собирает в сетку раковины моллюсков, губки, водоросли. Все это необходимо зоологам для определения состава фауны на разных глубинах. Работа окончена — скорей вверх!

Ерши словно ждут нас. И опять вокруг рыбий хоровод. Интересно! Оказывается, не одни ерши на этой глубине желтые: вот желтая многолучевая звезда, похожая на детский рисунок солнца. На поверхности скал растут оранжевые губки. Одни из них ветвистые, как оленьи рога, другие вытянулись вверх причудливыми наростами, острыми пиками, образуют миниатюрные кратеры. Совсем как лунная поверхность через большой телескоп. Но любоваться этим подводным миром нам уже нельзя: запас воздуха на исходе.

Продолжаем подъем. На глубине 20 метров, словно боясь переступить невидимую границу, остановились золотые ерши. Сгрудились в большую стаю и, чтобы удобней было наблюдать за нами, легли на бок, смотрят вверх одним глазом.

Светлеет вода, и снова появились голубые ерши, а еще немного вверх — и голубых сменяют темные. Похоже, что разные рыбы живут на разных этажах.

Мир замечательных рыб покорил нас. Как только успокаивалось море, мы устремлялись к рифу Золотых ершей — так мы его назвали. И всегда нас встречали здесь массы рыб. Правда, однажды было исключение: рыбы исчезли, а около рифа медленно плавала четырехметровая серо-голубая акула — странница из далеких южных морей. Но акула вскоре покинула эти места, и обитатели рифа вновь появились из своих убежищ.

РИТМ ПОБЕЖДАЕТ

Сердце человека обычно делает 70 ударов в минуту. Если внимание человека сконцентрировать на находящемся рядом будильнике, который делает 100 ударов в минуту, то приблизительно через полчаса пульс человека совпадет с ходом будильника. Точно так же сердечная деятельность человека замедляется до 55 ударов в минуту, если тот же будильник перевести на медленный ход. Это явление получило название «магнитного» эффекта; с его помощью можно заставить заснуть страдающего бессонницей человека или, наоборот, привести его в состояние нервного возбуждения.

Интересные эксперименты были проведены учеными в Западной Германии над некоторыми представителями семейства пернатых. Рядом с клеткой южноазиатского дрозда — шама, которые, как известно, слывут превосходными певцами, поставили будильник. Певец тотчас же запел в ритм часам. Когда ход будильника замедлили, мелодии дрозда стали более задумчивыми и печальными.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ УЛЕЙ

Что происходит внутри улья? Как создаются чудесные архитектурные строения — соты? Как живет и развивается многочисленное пчелиное семейство?

На эти вопросы можно ответить с помощью лабораторного наблюдательного улья конструкции И. С. Лыткина.

Стенки улья из стекла, их можно разбирать. Рамки-соты при помощи несложного механизма можно поворачивать.

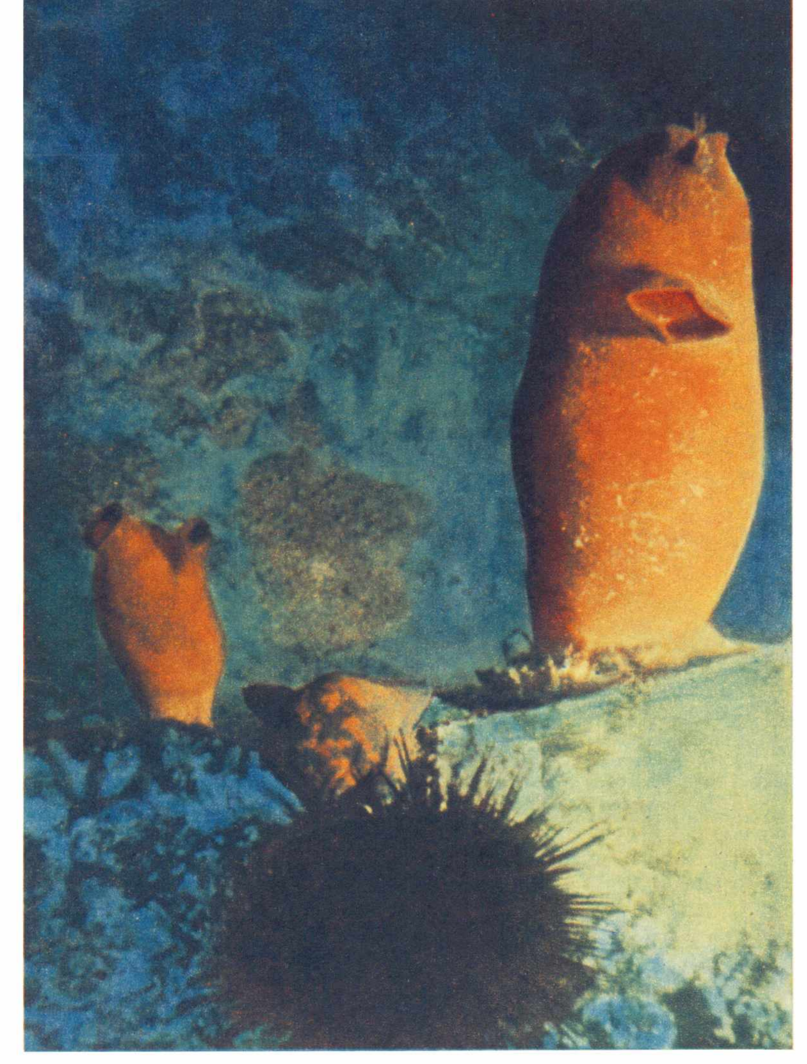
Наблюдение за пчелиной семьей ведется со многих точек — сверху, сбоку. Причем, подопытных это не беспокоит.

ИСКУССТВЕННЫЕ АРТЕРИИ

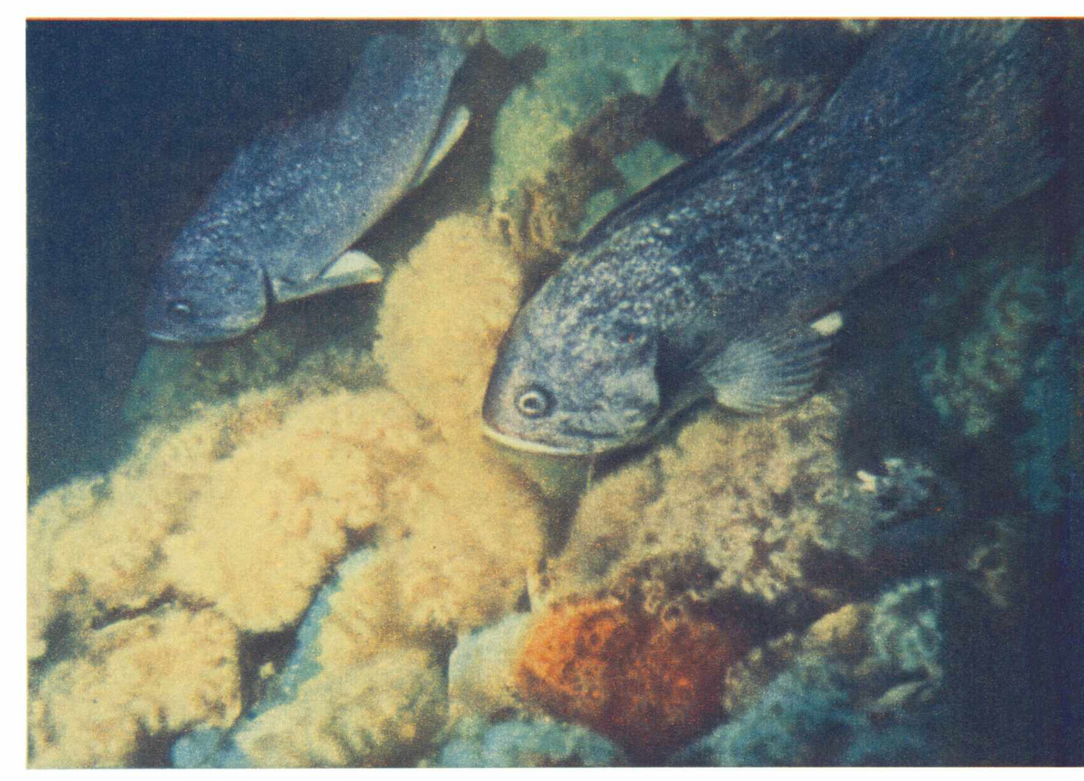
Новый вид искусственных артерий производят сейчас в Пражском институте клинической и экспериментальной хирургии. Артерии состоят из сети искусственных волокон, поры которых наполнены коллагеном, специальным кровоостанавливающим материалом. Коллаген мешает крови просочиться через ткань артерии. Затем он постепенно поглощается и заменяется естественной тканью.

НЕЙЛОН И СОЛНЦЕ

В Египте много солнечных дней. Почему бы солнечные лучи не заставить работать на пользу химии? В отделе органической химии национального Научно-исследовательского центра ОАР разработана опытная установка для получения нейлона из нефти с помощью солнечной энергии. Она будет вскоре сооружена в Асуане и будет первой в мире промышленной установкой, использующей солнечные лучи для производства нейлона.

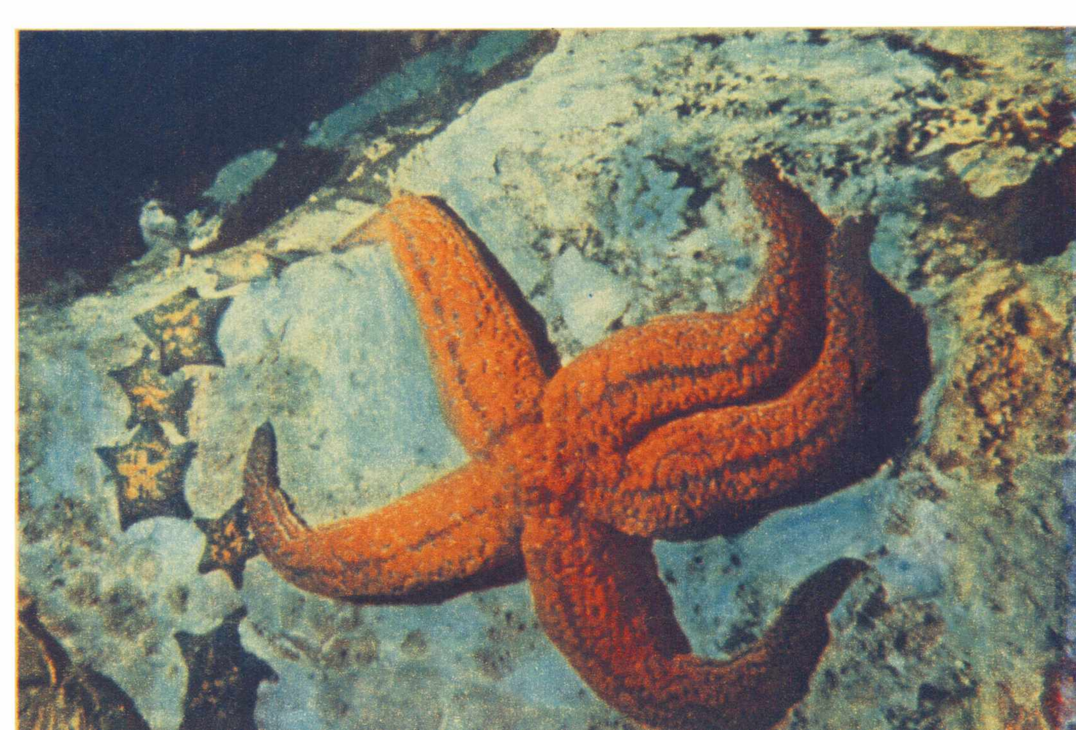

ОТЫХ
РШЕЙ

Храбрые

Много мальчишек и девчонок научились ничего не бояться у двух серых зайчат из этого веселого представления. Много потому, что спектакль «Волшебная калоша» прошел на сцене Центрального театра кукол больше тысячи раз. Премьера его была давно — в 1936 году. Сейчас заслуженный артист РСФСР С. Самодур заново поставил пьесу Г. Матвеева.

Перед началом спектакля художественный руководитель Образцов рассказал ребятам, что у автора в пьесе Гоша убивал зайчат — самых главных героев. Но ребятам, наверное, неприятно было бы смотреть такой грустный спектакль. Тогда они посоветовались, и теперь все кончается хорошо.

...Представление началось. На сцену вышел охотник Гоша. Этот Гоша очень рассеянный, все забывает, теряет. И калошу свою в лесу посеял. «Не видел ли ее кто-нибудь?» «Нет»,— ответили ребята, сидящие в зале, и все ему посочувствовали.

Расстроенный Гоша ушел искать пропажу. А на сцену выскочили серые пушистые зайцы с длинными ушами. Вдруг смотрят: старый еж тащит на спине большую черную калошу. А за ним идет ежиха и ворчит, что у них квартиры нет, а еж глупостями занимается.

— Зайчики, хотите кусочек этой калоши,— говорит еж,— она ведь волшебная! Вы сразу же станете самыми сильными, непобедимыми зверями! А нам свой дом отдайте.

Согласились глупые зайчата. Они и вправду решили, что станут самыми сильными.

Отправились храбрецы к лисе. Та обрадовалась. Рот разевает, слюнки текут от удовольствия — так ей хочется поскорее пообедать... А зайцы и не трусят ничуть — сами на лису наступают, кричат, за хвост таскают. Лиса даже растерялась от такого нахальства, не на шутку испугалась и удрала. Потом, окрыленные своим успехом, зайчата заступились за мышь и наказали медведя — выпороли его палкой. Ему, может, и не очень больно было, зато стыдно!

Оказывается, чтобы быть сильными и смелыми, просто надо никого не бояться.

Когда наконец появился Гоша, ребята показали ему, где лежит его калоша. Он очень обрадовался, и занавес опустился.

Все актеры вышли на сцену, и на руках они несли кукол: зайчат, филина, медведя, лису, рысь... Теперь стало видно, что это куклы. Когда же они играли, куклы казались настоящими зверюшками, у каждого свой нрав и характер. Лиса рыжая, прямо огненная, хвост пушистый, глаза закатывает, говорит ласково, тоненько, сразу видно: притворяется. У ежиков морды длинные, глаза завидущие, всем-то они недовольны. А медведь огромный, неповоротливый, грубиян и нахал, только о себе и думает, слабых и маленьких обижает.

Все ребята долго хлопали артистам, художнику И. Рублеву и режиссеру С. Самодуру.

И не только ребят, но и взрослых покорил этот милый, простодушный спектакль, подетски прямолинейный и обаятельный. С первой же минуты мы любили, сердились и радовались за своих сказочных героев, ибо в этом чудесном театре талант человека оживил куклу, вдохнув в нее настоящее искусство.

Т. ТРОИЦКАЯ

Зайчата

Фото Дм. Бальтерманца.

Сцены из спектакля «Волшебная калоша». Охотник — Р. Ляпидевский.

Лилитеский гелой

М. ВИЛЕНСКИЙ

Фельетон

Поначалу стихи мне даже понравились.

От любовниц прочь
Мы уходим в ночь.
От жен тем более
Уходим без боли мы.

Искусством искусанный
На муз вече
Лечу вечером.

Пером и тушью
Вспорем миру душу,
В квартирах нам душно,

В стенах квартиры
Стенокардия.

Инна Архиповна, литсотрудница, вопросительно глядела на меня.

— А что,— сказал я.— По-моему, недурственные стишки. Современная манера. Рифмы-то — находка на находке.

— Взгляните на подпись,— сухо ответила Инна Архиповна.

Под стихами значилось: «Вова Гуськов, 5 лет, детсад «Кузнечик», средняя группа».

— Явная опечатка,— сказал я.

— Что опечатка: стихи или подпись?

— Подпись, конечно, — сказал я.— Стихи сделаны рукой седовласого бунтаря.

— Не желаете ли познакомиться с мятежным старцем? — спросила Инна Архиповна.— Он как раз здесь в коридоре со своей мамашей. Пришли сводить со мной счеты. Я отвергла эти стихи. Разрешите переадресовать автора к вам?

В комнату вплыла туша в габардиновом пальто и теплом оренбургском платке. В мясистой лапе своей она сжимала ручонку стихотворца Гуськова.

— Пошто ребенка мучаете? — спросила габардиновая гора, опускаясь на стул. Гуськов самостоятельно вскарабкался на диван и удобно расположился там, болтая ботиками.— Пошто стишки в набор не сдаете?

— Вовочка, скажи мне, дружочек, это правда твое?..— спросил я, донельзя удивленный, и показал ему листик со стихами.

— Ага,— сказал малютка.

— Но... послушай, милый мальчик, неужто ты действительно встаешь по ночам и уходишь от... хм... э-э...

— Дулак ты, дядя, а еще ледактол. Я сплю в кловатке, а уходит в ночь мой лилитеский гелой.

— Кто?! — вскричал я, не веря ушам своим.

— Лирический герой,— суровым басом пояснила мамаша.

— Ага, ну да, припоминаю, была такая дискуссия,— засуетился я.— Автор, дескать,— это одно, а авторское «я»— это совсем не его «я», а лирического героя. Но мне все же думается, что автор в известной степени должен опираться на свой жизненный опыт, на собственные личные переживания, иначе как же... Вот, скажем, художник Гоген уехал на остров Таити и там создал свои знаменитые картины. Так вот он...

— Художник? — оживился Вова Гуськов.— А лошадку он может нарисовать?

— И лошадку и всяких теть мог нарисовать. Так вот он действительно бежал от семьи, от устоявшегося быта, чтобы сказать новое слово в искусстве. Но откуда, малютка, в твою-то головку залетели эти мысли об уходе в ночь и почему тебе, карапузик, так страстно захотелось вспороть миру душу?

— Это не я хотю,— сказал Вовочка.— Это мой лилитеский гелой хотел.

— Скажите, мамаша, и давно это с ним?

— Да вот как студентам комнату сдали. Студенты, известное дело, читают стихи молодых поэтов, ну, ребенок и наслушался. Печатать будете или нет, говорите прямо?

Я набрался мужества и решительно прошептал:

— Не будем. Вы уж извините, конечно...

Габардиновая тетя подхватила искусанного искусством младенца на руки и, мстительно ухмыляясь, покинула кабинет.

Через полчаса, когда я вышел из подъезда редакции, обдумывая, пойти ли мне налево в павильон «Соки-воды» или же повернуть направо к дому, раздался нарастающий свист. Прежде чем я успел отреагировать, страшный удар обрушился на мой лоб. Если я до этого и располагал кое-каким запасом искр божьих, то все они высыпались из моих глаз в один момент. Придя в себя, я огляделся и заметил В. Гуськова, улепетывавшего с рогаткой в руках. Пятью газельими прыжками я догнал проказника.

— Дяденька, я больше не буду! — молотя воздух ножонками, возопил В. Гуськов.

— Не будешь стрелять из рогатки или не будешь сочинять стихи?

— Стлелять не буду.

— А кто в меня запустил из рогатки? Ты или твой лирический герой?

Одаренный ребенок задумался, потом хитро взглянул на меня и сказал:

— Лилитеский.

— Жаль,— сказал я.— Очень жаль, потому что лирического героя нельзя отшлепать.

Вовочка залился злорадным смехом. На это шалунишка, видно, и рассчитывал.

Вот почему отныне, прежде чем выйти из редакции, я высовываюсь из окна и пристально изучаю подступы к подъезду: не притаился ли где в засаде обиженный гений-малолетка.

Особую бдительность стал я проявлять после скандала, учиненного мальчиком Леней Г. в редакционных коридорах журнала «Крокодил». Девятиклассник Леня Г. опубликовал в молодежном журнале стихи, где были такие строки:

Уходим в ночь от жен и денег
На полнолуние полотен.

«Крокодил» не стал вникать, кто именно темной ночью променял жену на полнолуние — сам Леня или его лирический герой,— и пожурил юного стихотворца за претенциозность. Тогда Леня пожаловал в «Крокодил» выяснять отношения. В качестве главного аргумента он выставил приятеля с хорошо поставленным хуком справа. Приятель петушком-петушком подскочил к крокодильскому дяде и ломающимся голосом сказал:

— А вот мы тебе, то есть вам, набьем морду.

— А вот и не набьете,— сказал видавший виды сатирик.

После чего мальчики ушли в день. Ушли на полнолуние тетрадей — уроки делать.

И очень правильно поступили.

Дыхание прошлого

С огромным интересом раскрываешь каждую новую книгу воспоминаний непосредственных участников революции, вчитываешься в простые, но волнующие рассказы о событиях и людях и как бы заново переживаешь свою боевую юность.

Недавно Воениздатом выпущен сборник очерков и воспоминаний о женщинах — участницах Октябрьской революции и гражданской войны.

Примечателен сборник уже тем, что среди его составителей и авторов — представители старейшей ленинской гвардии: член партии с 1899 года Глафира Ивановна Окулова-Теодорович, с 1903 года — Прасковья Ивановна Вишнякова, с 1905 года — Аделаида Осиповна Прохорова, с 1911 года — Мария Вениаминовна Брусиловская, с 1914 года — Анна Самойловна Шуцкевер. Рядом с ними выступают и те, кто в бурные революционные годы стал под знамя ленинской партии, те, кто по зову сердца взял оружие и пошел защищать молодую Советскую власть от белогвардейцев и иностранных интервентов.

В книге даются живые портреты мужественных и героических женщин, сообщаются малоизвестные факты.

Нельзя читать без волнения страницы о Розалии Самойловне Землячке, Ларисе Рейснер, Александре Коллонтай, Евгении Бош. Красота и обаяние этих революционерок, разносторонняя образованность и искрящийся ум в сочетании с мужеством и бесстрашием большевистских пропагандистов и воинов поставили их в ряд замечательных женщин, составляющих гордость нашего народа.

Волнующи и правдивы рассказы о бухарской женщине Розахон Назыровой и славной дочери таджикского народа Кундуз-ой Хаджиназаровой, ставших бойцами Красной Армии.

Хорошо сделали составители, приложив в конце сборника выписку из приказов Реввоенсовета республики о женщинах, удостоенных высшей боевой награды того времени — ордена Красного Знамени.

Составители и авторы получают много писем с благодарностью за интересную, правдивую и волнующую книгу.

Пишет старейший член партии, верный друг и соратник железного Феликса С. В. Дзержинская: «Правда, ставшая легендой» — это книга о великом революционном порыве и подвигах широких масс народа. В ней рассказано о судьбах дочерей народа, женщин с фабрик и заводов, крестьянок и профессиональных революционерок. В этих правдивых, прекрасных воспоминаниях мы видим всех этих женщин в неразрывном единстве с их подругами, с бойцами, их товарищами — с коллективом, где каждый за всех и все за одного. Это воспоминания женщин, достойных великого уважения. Их имена должны стать достоянием широких масс и должны быть повседневным доходчивым примером».

К. Ф. ТЕЛЕГИН,
член КПСС с февраля 1919 года, генерал-лейтенант запаса

ЗОРГЕ

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

Рисунок Г. Калиновского.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

4

— Разрешите, товарищ корпусной комиссар?

Берзин поднялся ему навстречу:

— Здравствуй. Знакомься: мой сын Андрей.

За столом, сбоку, сидел мальчик лет одиннадцати и листал толстую книгу. Старик мог и не объяснять: крепкий, крутолобый, с большими серо-голубыми глазами, он был копией отца. Сейчас он смотрел на вошедшего сердито, исподлобья: понимал, что придется уходить.

— Вот так...— вздохнул Берзин.— Не отец к сыну приходит, а сын к отцу...

Зорге умел разговаривать с самыми различными людьми и на многих языках. Но он не умел говорить с детьми. Сейчас почему-то остро подумал: «У меня тоже уже мог бы быть такой большой сын...»

— Кем ты хочешь быть, мальчик?

Берзин-младший, как о давно решенном, спокойно ответил:

— Разведчиком.

— О нет! — остановил его Рихард.— Это совсем не такое веселое занятие, Андрей. Будь лучше летчиком. Или моряком.

— Я буду разведчиком.

— Правильно,— неожиданно для Рихарда одобрил Старик.— Если к тому времени, когда Андрейка станет большим, еще будут нужны разведчики,— пусть будет разведчиком. Стране требуются не только моряки, летчики и пожарные... И больше всего нам нужен мир. А его оберегают не только дипломаты и солдаты.

Он скупо и ласково провел ладонью по волосам сына.

— Иди, ослик. Можешь взять книгу. Нам нужно поработать.

Андрей послушно встал и направился к дверям.

— Скажи маме, чтобы не ждала, ужин разогрею сам.

Мальчик вышел.

— Как бы я хотел, чтобы не понадобилось Андрейке быть разведчиком!..— сказал Павел Иванович.— Несбыточно.

— А я женился,— не удержался Рихард.

Берзин протянул ему руку и крепко пожал:

— Поздравляю. Екатерина Александровна Максимова из Нижне-Кисловского переулка? К сожалению, мы вынуждены все знать. Достойная женщина.— И повторил:— Поздравляю.— Потом сделал пометки в блокноте.— О ней позаботимся.

— Лишнее это. Вы не подумайте...

— Я и не думаю,— остановил Рихарда Старик.— Я думаю о другом: не очень-то счастливы наши жены. Ладно. В субботу мы выезжаем на дачу. Возьмешь Катю с собой. Сразимся в городки. Любишь городки? Знатная игра! — Он с удовольствием, с хрустом потянулся.— А теперь давай о деле. До твоего отъезда в Берлин осталось не так много времени.

И Павел Иванович стал расспрашивать, как идет подготовка к отъезду. Зорге до мельчайших деталей должен знать политическое и экономическое положение в стране, чтобы ничто не могло застать его врасплох.

«Конечно, невозможно предусмотреть все ситуации, в которых может оказаться разведчик,— говорил своим ученикам Берзин.— Жизнь подчас выкидывает такие фортели, какие и не приснятся, и полагаться нужно прежде всего на свой ум, на свою находчивость и выдержку. Разведчик, подобно математику, должен блестяще знать теорию, и тогда он с успехом решит любые практические задачи».

И сейчас, как профессор студента, он придирчиво экзаменовал Рихарда. Зорге выдерживал экзамен на «пять». И все же одно дело — беседа здесь, и совсем другое — работа **там**. Павел Иванович откинулся на спинке кресла.

— А теперь представь: пригласили тебя к крупному нацистскому бонзе. Входишь ты в кабинет... Ну?

Рихард отошел к дверям. Круто, по-военному повернулся и вздернул вверх правую руку, одновременно прищелкнув каблуками.

— Хайль Гитлер!

Потом быстро, прихрамывая, подошел к Берзину, склонился над ним и вперил взгляд в его ухо.

— Герр генерал! — рявкнул он.— Я вынужден усомниться в вашем арийском происхождении. Ваши уши совсем не такой формы, как у Рамзеса Второго!

— При чем тут Рамзес Второй?

— Как, герр генерал? Вы не знаете основ учения о расе господ? Мы, арийцы,— прямые наследники древних египтян, это бесспорно доказано изучением форм ушей мумии великого фараона!

Старик расхохотался.

— Нечего сказать, вошел в роль! — Он пощипал свои уши, продолжая смеяться. Потом посерьезнел: — Все это хорошо. Но только в театре. Несколько наших ребят провалились потому, что решили, что они актеры. А жизнь не подмостки. И разведчик не актер. Твоя новая роль должна стать твоим вторым существом. И только тут,— он постучал себя по груди,— скрытый ото всех, ты останешься самим собой. Я слышал про один случай — это было еще во время войны,— очень опытный и башковитый разведчик попался только потому, что у него радостно засверкали глаза, когда ему внезапно сообщили о крупной победе войск его страны. Впрочем, ты, кажется, в этих советах не нуждаешься.

Старик встал из-за стола, подошел к распластавшейся по всей стене политической карте мира. Отступил от карты на несколько шагов.

— Как ты думаешь, Рихард, фашизм в Германии — это серьезно и надолго?

— Думаю, серьезно и надолго.

Берзин вернулся к столу.

— Однако многие считают: Мальбрук в поход собрался.

Рихард пожал плечами.

— Может быть, я ошибаюсь... Но фашизм и Гитлер возникли не сами по себе.

Павел Иванович оценивающе посмотрел на него.

— Однако в Германии имеются мощные антифашистские силы. Вот донесение: коммунистическая «Роте фане», выходящая подпольно, пользуется колоссальным успехом. Тираж ее первого номера достиг небывалой цифры — триста тысяч экземпляров. А у крупнейшей легальной буржуазной газеты «Берлинер тагеблатт» — только двести тысяч. Не забывай, что на выборах в рейхстаг в ноябре прошлого года компартия получила без малого шесть миллионов голосов.

— Но нацистская партия весной того же, прошлого года — больше тринадцати миллионов,— возразил Рихард.— И дело совсем не в голосах.

— А в чем же?

— В том, что германский рабочий класс, как и прежде, расколот. Ведь до чего дошли руководители профсоюзов: просят у Гитлера свидания, чтобы обсудить, как им лучше сотрудничать с фашистами! — Зорге начал злиться: неужели Старик не понимает этого?

— Значит, все дело в продажных лиде-

Продолжение. См. «Огонек» № 9.

рах профсоюзов и социал-демократии? — не унимался Берзин.

— Не только. Хотя они и раскололи рабочий класс. Главное в том, что значительная часть трудящихся, крестьянство, мелкая буржуазия попались на удочку нацистской пропаганды,— стараясь говорить спокойно, стал объяснять Рихард.— Гитлеровцы умело пользуются оружием социальной и национальной демагогии. Людям труда они сулят более высокие заработки и участие в прибылях предприятий. Безработным — работу. Лавочникам и ремесленникам — снижение налогов. Крестьянам — увеличение наделов земли и списание всех налогов. К тому же эти посулы приправлены национализмом, пышнословием о превосходстве арийской расы и великом предназначении Германии.

— Значит, демагогия и идеология, растлевающая умы?

— Да. Плюс сила: отмобилизованные и до зубов вооруженные «шутцштаффельн» — охранные отряды СС, отряды «штурмабтейлунген» — штурмовиков, полиции, вспомогательной полиции. И, конечно же, финансовая и политическая помощь Гитлеру со стороны промышленников.

— Ага! Ну, ну, продолжай! — одобрительно кивнул Берзин.

Зорге наконец-то понял: Старик не спорит с ним, а снова, в который уже раз, экзаменует его. Павел Иванович сам прекрасно понимает, что фашизм — страшная и долговременная опасность. Но он хочет знать, насколько глубоко понимают это и его ученики.

— Я, кажется, все сказал.

— Нет, ты только подошел к самому главному.

Берзин достал из сейфа объемистую папку, вынул из нее несколько листков, лежавших с самого верха.

Рихард определил: бланки шифровок.

— Вот сообщения из Германии. На вилле кёльнского банкира Шредера в канун прихода фашистов к власти состоялись тайные переговоры верхушки гитлеровской партии с Круппом, Тиссеном, главой концерна «И. Г. Фарбениндустри» Бошем и другими крупнейшими фабрикантами.— Берзин пробежал глазами листок.— Гитлер заверил промышленников, что если одержит победу на выборах 5 марта, то «это будут последние выборы в Германии на десять, а может быть, и на сто лет». В ответ господа империалисты ответили, что они полностью доверяют Гитлеру и безоговорочно изъявляют готовность «к радостному сотрудничеству с национал-социалистами». Вот какая сила на стороне Гитлера, Рихард. Но и не эта сила главная.

Берзин отложил листки, подошел к карте, поднял руку и потянул по карте невидимые линии от США, от Англии к центру Европы, к Германии.

— Германская экономика вспоена, вскормлена на американском и английском капитале. Казалось бы, парадокс: правящие круги Соединенных Штатов и Великобритании содействуют восстановлению тяжелой и прежде всего военной промышленности своего недавнего противника. Но парадокса никакого нет: они рассчитывают использовать Германию как силу, которая способна будет разгромить Советский Союз и восстановить господство капитала на всем земном шаре. И теперь Германия по основным экономическим показателям опередила и Англию и Францию и вновь становится на путь милитаризма и реванша. Опять же пользуясь поддержкой из-за океана. Нам известно, что Генри Форд очень дружественно относится к Гитлеру. Он заявил в узком кругу, что ему нравится нацистская партия, которая «так энергично расправляется с евреями и историей». Гитлера поддерживает мировой капитализм, и это самое главное.

Берзин вернулся к столу.

— Поэтому нужно приготовиться к длительной и упорной борьбе. Что касается нас, то мы должны вести разведку непрерывно и активно. Мы должны своевременно иметь достоверные сведения.

Он посмотрел на Зорге, подумал, что, может быть, и не стоит говорить ему то, что Рихард знает сам, но все же сказал:

— Не гонись за быстрыми результатами. И сообщай не то, что, по твоему мнению, желательно услышать начальству в центре, а лишь то, в чем убежден сам. У нас на вооружении не кинжалы и яды, не выстрелы в темноте и не удары в спину. Мы идейные бойцы против фашизма, и помогают нам верные друзья нашей страны...

Рихард слушал его внимательно. Потом сказал:

— Да, это так. Но иногда я ловлю себя на мысли, что я шпион. И мне хочется вымыться под горячим душем.

— Нет, к тебе никак не относится тот смысл, который вкладывается в обычное понятие «шпион». Шпионы выискивают слабые места в политике, экономике и военном деле чужих государств, чтобы направить против них удар. Наша же задача — стараться предотвратить войну.

Старик снова подошел к карте.

— А конкретно тебе предстоит в Токио разобраться в следующем. Первое: политика Японии в отношении СССР. Собирается ли Япония нападать на нашу страну? Второе. Сближение Японии с Германией неиз-

бежно. Это также угрожает безопасности СССР. Как будут развиваться японо-германские отношения? Третье: японская политика в отношении Китая. Четвертое. Япония может напасть на нас при поддержке США и Англии. Тебе предстоит выяснить, как будут развиваться отношения Японии и с этими странами... Теперь ты понимаешь, как важна и ответственна твоя миссия.

Он рассказал о задуманной операции и спросил:

— Как ты смотришь, чтобы поехать под своим настоящим именем? В Германии тебя многие знают и помнят как Зорге. Нет никакого смысла выдавать себя за кого-то еще.

Рихард задумался. Потом сказал:

— Да, так, пожалуй, будет лучше и безопаснее.

Они обсудили все детали операции.

Разговор был окончен. Рихард поднялся. Встал и Берзин, протянул ему руку.

— Я не хотел тебя огорчать, но ты должен знать,— сказал он.— Вчера в Берлине гитлеровцами схвачен Тельман.

— Эрнст! — вырвалось у Рихарда.

— Да. Его выследили на нелегальной квартире.

«Эрнст, Эрнст...» Они знали друг друга много лет, еще с того подполья. Они были товарищами. «Как же так?..»

— Будь в Германии особенно осторожен. Эту поездку нельзя сравнить ни с чем, что ты делал до этого,— сказал Павел Иванович.— И все же Берлин — лишь цветочки по сравнению с теми ягодками, которые ожидают тебя в Токио. Запомни, на первом месте у тебя всегда должна быть Родина, а уж потом — твои чувства.

Тогда Рихард еще не мог понять, что означает это суровое напутствие Старика.

5

Экспресс пришел на Шлейзешербанхофф — Силезский вокзал — ранним утром.

Рихард перекинул макинтош через плечо, взял чемодан, саквояж и спустился на перрон. Знакомый вокзал был, как и прежде, безукоризненно аккуратен и вычищен до блеска. Паровоз, еще тяжко отдувавшийся после дальней дороги, повесил под стеклянными сводами сизые облака. И на перроне было обычное оживление: сновали носильщики в форменных фуражках и с бляхами, встречающие целовали приехавших и дарили им букеты. Отдельные голоса тонули в общем гомоне. Необычными были только огромные полотнища, свешивающиеся по фасаду вокзала,— красные, с черной свастикой в белом круге. И обилие в толпе коричневых и черных мундиров. Но больше всего бросались в глаза значки. У женщин они кокетливо красовались на шляпках и свисали с воротничков, у мужчин были ввинчены в петлицы или приколоты к кепкам. Разные, большие и маленькие, но непременно с фашистским пауком. И еще: многие, приветствуя друг друга, картинно вздергивали вверх ладони. «Маскарад,— с облегчением подумал Рихард.— Когда маскарад, это не так уж и страшно. А может быть, издалека все преувеличивают, сгущают?..»

Выйдя из вокзала, он по привычке направился к платформе «штадтбана» — городской наземной железной дороги,— но, вспомнив, остановил себя: «Теперь ты не скромный партийный пропагандист, а преуспевающий буржуазный журналист. И ездить тебе надлежит только в автомобиле». Он усмехнулся и пошел к стоянке такси.

Шофер старого, видавшего виды «даймлера» распахнул дверцу.

— Куда?

Лицо шофера было располосовано шрамом, и смотрел он на пассажира в дорогом костюме и с кожаными чемоданами недобро.

«Наверное, из наших»,— подумал Рихард, но бросил холодно:

— Унтер-ден-Линден, отель «Адлон».

Шофер включил счетчик. «Адлон» был одним из самых шикарных отелей на самой шикарной улице Берлина.

Не успела машина тронуться с места, как перед капотом выросла фигура человека в коричневой рубахе, в коричневой фуражке. Он был затянут в портупею. На пряжке ремня красовалась все та же свастика.

— Стой! — крикнул он и, подбежав к дверце, рванул ее на себя.

«Что такое? Выследили?» — только и успел подумать Рихард.

— Вытряхивайся! — Человек в коричневой рубахе потянул его за плечо.— Ну!

— В чем дело? — пытаясь оттянуть время, спросил Рихард.

— Живо! Машина нужна мне!

— Вытряхивайтесь,— спокойно посоветовал таксист.— С штурмовиками лучше не связываться. Хотя не платят они ни пфеннига.

«Только-то и всего! — рассмеялся про себя Рихард.— А я уж подумал... Нервы».

В «Адлоне» Рихард назвал портье свою фамилию.

— Герр доктор Зорге? Номер вам заказан,— любезно ответил тот и с извиняющейся улыбкой протянул бланк.— Заполните, пожалуйста. Новые порядки.

«Фамилия. Имя. Откуда. Куда. Зачем...» Рихард заполнял листок, а портье — грузный и лысый говорливый старик — жаловался:

— Не та клиентура пошла, ох-хо-хо, не та! Не вас, конечно, имею в виду, доктор Зорге. Вы, сразу видно, человек солидный, у меня глаз наметанный. А остальные — шушера, мелкота, вчера зеленщиками да мясниками были, а теперь нацепили на себя черепа и кости... А ведь еще недавно у нас только коронованные да титулованные особы останавливались. Ох-хо-хо!..

Рихард взял со стойки газеты — нацистский «Ангрифф», «Берлинер тагеблатт», «Дейче цейтунг» — и холодно заметил:

— Советую не обсуждать лиц, призванных нацией. Завтракаю я всегда в номере, в девять ноль-ноль. Газеты также подавать в номер.

Он взял у остолбеневшего портье ключ и вслед за боем, тащившим его вещи, направился к лифту.

В номере он распаковал чемодан. Настежь распахнул окно. Солнечный, прохладный и душистый воздух вливался в комнату. Сладковато пахла молодая листва лип и каштанов.

«Теперь принять душ. Побриться. И ждать...»

В ванной он достал бритвенный прибор и даже вздрогнул. Надо же! В английском футляре рядом со станочком той же фирмы «Жиллет» лежала пачка московских лезвий. Все было предусмотрено до последней нитки, до ярлыка на одежде и клочка бумаги в карманах. А тут на тебе: московские лезвия!.. Он вспомнил классический пример, когда отличный разведчик попался только потому, что не смог автоматически, не глядя, распечатать пачку сигарет. И улыбнулся. Катя... Бритвенный прибор собирала Катя. Откуда ей знать о всех этих сложных правилах конспирации? Когда теперь он снова увидит ее?..

Рихард с особым удовольствием побрился московским лезвием, потом собрал всю пачку, порвал этикетки, поломал лезвия и выбросил их в мусоропровод.

Зазвонил телефон. Он снял трубку. Кокетливый и молодой женский голос спросил:

— Клаус? Это я, Инге.

— Вы, детка, ошиблись.

— Не может быть! — Голос стал капризным.— Клаус так клялся! Еще вчера в полночь!

Женщина всхлипнула.

— Может быть, я смогу его заменить?— игриво, в тон сказал Рихард.

— Это надо обсудить. Я еще позвоню вам.

Рихард прислушался к частым гудкам. Медленно повесил трубку. «Значит, встреча состоится завтра, в двенадцать дня, в баре «Пивная пена» на Гедеманштрассе...» Адрес, пароль и отзыв были оговорены еще в Москве. Завтра в полдень... Как же ему убить целых полтора дня?

Он снова проверил все вещи: не дай бог, Катя сунула какой-нибудь амулет! — тщательно оделся и вышел на улицу.

Унтер-ден-Линден — «Улица под липами» — лежала в обе стороны от отеля. Она действительно была в четыре ряда обсажена пышными липами и каштанами, широкая, величественная, прямая, как стрела. Вдоль ее проезжей части, по которой в этот ранний час проносились лишь редкие сверкающие автомобили, была проложена дорожка для верховой езды. На тротуары глядели зеркальные толстые стекла дворцов, дорогих магазинов и кафе, строгих министерских и посольских зданий. На перекрестках чинно стояли полицейские. У пешеходных дорожек с высоких штанг глядели на четыре стороны циферблаты часов. Красивая и чопорная Унтер-ден-Линден вызывала у Рихарда враждебное чувство. Его тянуло с этой улицы на северо-запад, в рабочий район Веддинг, где так часто доводилось бывать ему прежде и где было у него столько друзей... Теперь именно поэтому он и не должен туда идти.

Неторопливо, словно бы принимая утренний моцион, он шел по улице, глядя только перед собой. Но цепко подмечал все новое. Вот промчались автомобили со свастиками, нарисованными прямо на капотах. Маскарад! В кузовах машин лежали почему-то сваленные как попало книги. Освобождают помещение библиотеки под казарму?.. Потом, громыхая сапогами, прошел отряд юнцов в коричневых рубахах. Они были без оружия, только с резиновыми дубинками у пояса. И лишь у их предводителя, отсчитывавшего «Айнс, цвай, драй!..», болтался на поясе пистолет. «Не так уж и страшны»,— снова подумал Рихард. На стенах густо налеплены объявления и приказы — все под эмблемой орла и свастики. Рихард мельком пробежал их. «Я, Гитлер, назначаю начальником специального внешнеполитического отдела национал-социалистской партии Альфреда Розенберга». «Я, Гитлер, распускаю: рабочий союз физкультурников, рабочий союз туристов, рабочий союз хорового пения, рабочий шахматный союз, союз жертв империалистической войны и труда, союз друзей СССР. Все имущество этих марксистских организаций конфискуется». «Я, Гитлер...» Вот как использует рейхсканцлер свои чрезвычайные полномочия!

Да, как он и рассчитывал, на мартовских выборах он одержал полную победу: террором и подлогами набрал семнадцать миллионов голосов. Правда, и компартия собрала почти пять миллионов. Но потом гитлеровцы арестовали депутатов-коммунистов, а их мандаты аннулировали, и 24 марта рейхстаг принял закон о наделении Адольфа Гитлера чрезвычайными полномочиями... С тех пор, за эти два месяца, он разгромил и ползавшую перед ним на коленях СДПГ и «желавшие сотрудничать» реформистские профсоюзы. А теперь, значит, взялся и за остальные массовые организации трудящихся...

Рихард остановился у кинотеатра «Уфа-Палас». Над входом развевались все те же огромные фашистские флаги, но рекламы обещали легкий, адюльтерный фильм «Маленькая обманщица». Утренние сеансы уже начались. Толстые мамаши вели в кинотеатр своих отпрысков, у кассы толпились улизнувшие с работы мелкие служащие. В холле почему-то оказалось много все тех же коричневорубашечников-штурмовиков.

Публика заполнила огромный зал фешенебельного «Паласа» почти до отказа. Свет погас. На экране замелькали кадры «Фильм-Вохе» — кинохроники национал-социалистов: открытие рейхстага, «день национального труда», марширующие колонны гитлеровцев. Выступает Гинденбург. Выступает Геббельс. Выступает Гитлер. В ответ раздаются крики: «Хайль! Хайль!»

Рихард оглянулся по сторонам. Оказывается, кричали не только с экрана. Стоило человеку с короткими усами и спадающей на лоб прядью волос появиться на полотне, как из рядов несся рев:

— Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!

Но вот начался фильм. Как Рихард и ожидал, пошловатый, бездумный, с милыми песенками — обычный старый немец-

кий фильм. Вдруг в рядах затопали ногами, засвистели. Фильм оборвался на половине кадра. Вспыхнул свет. Рихард увидел, что в проходы высыпали штурмовики.

— Очередная облава,— сказал сосед по креслу и привычно полез за документом в карман.— Коммунистов ищут, наверное...

На сцене перед экраном появился человек в коричневой форме.

— Сеанс прекращается! — объявил он.— Этот фильм безнравствен! Не расходитесь! Сейчас вы увидите замечательную новую картину — «Черные рубашки», фильм об истории фашизма!

Он сбежал со сцены, а на его место поднялся целый оркестр. Но эти парни были одеты не в коричневые, а в черные мундиры с нашивками «череп и кости» на рукавах. «Шутцштаффельн, нацистская гвардия,— догадался Рихард.— Оказывается, они не только убивают, но и играют».

Над оркестром, подобно хоругвям, колыхались черные бархатные штандарты со свастикой. Ударил барабан, запели фанфары. Оркестр грянул песню о Хорсте Весселе. Зал подхватил. Толстые немки поднимали вверх своих детей.

«Что это? Что с тобой, Германия!» Рихард чувствовал, что его начинает мутить. Он хотел было выйти из зала. Но в проходах стояли штурмовики. Могут задержать. Он остался.

Наконец опять пустили фильм — сентиментальная история о крестьянской семье, которую фашисты вытаскивают из нищеты и помогают ей избежать козней коммунистов. В последних кадрах снова маршировали колонны нацистов, и зал содрогался от восторгов.

Рихард вышел на улицу. Болела голова. «Что стало с Германией?» Он понимал: конечно, это не те немцы, среди которых он столько лет работал. Это те самые, на кого делал ставку Гитлер, когда рвался к власти... А вдруг и те, его немцы поддались нацистскому дурману? Он должен обязательно и немедленно получить ответ на этот вопрос. Это для него жизненно важно!

И уже пройдя Унтер-ден-Линден, миновав Дворцовую площадь и мост через канал Берлин — Шпандау, он понял, что ноги сами ведут его в Веддинг, район рабочих — машиностроителей, металлургов, электриков. Тех, на кого во все самые тяжкие времена делали ставку они, коммунисты. И, поняв это, он не повернул назад. Он обязан знать!

Он шел, не убыстряя шаг, по отражениям в витринах проверяя, не прицепился ли за ним «хвост».

В этот час город трудился. Прохожих было мало, и за ним никто не наблюдал.

Слева осталась мрачная тюрьма Моабит. Сколько сейчас там, в ее стенах, его товарищей-коммунистов? Может быть, там и Эрнст? Крепись! Мы продолжаем наше дело! Мы не отступим! Ты говорил: «Да, мы кое-чему научились и ничего не забудем». Не забудем, Эрнст!..

Аристократические улицы остались позади. Потянулись угрюмые и мрачные рабочие кварталы. Дома здесь были серые и однообразные, как казармы. Деревья — чахлые и почти безлистые. И люди, попадавшиеся навстречу, особенно дети, были изможденными, бледными и оборванными. Вот где в полную меру давали себя знать затянувшийся кризис, безработица, голод... Неужели и здесь могли поверить в Гитлера?

Веддинг. Цитадель берлинского рабочего класса. За ним идут другие рабочие районы...

Рихард уже пересек Неттельбекплатц и приближался к Панкштрассе, когда до слуха его донесся нарастающий гул машин и возбужденные голоса. Еще мгновение — и на площадь выскочили грузовые автомобили с обитыми железом кузовами. Из них высыпали штурмовики. Часть их цепью растянулась вдоль площади, другие бросились к серым безмолвным домам. Рихард оказался вне оцепления. Он не уходил. Он хотел увидеть, что будет дальше. Он даже подошел поближе к человеку, командовавшему операцией. Этот человек был пожилой и в штатском.

— Шнелль! Шнелль! — кричал он, поторапливая штурмовиков.— Не дать им уйти, мерзавцам!

В глубине домов послышались крики, звон стекла. Щелкнули выстрелы. И вот уже Рихард увидел, как штурмовики волокут кого-то, на ходу пиная его ногами. Потом второго, третьего.

— Не ушли! — довольно улыбнулся мужчина в штатском. — От нас не уйдешь!

Штурмовики и арестованные приближались к машинам. И вдруг в первом человеке, не желая в то поверить, Рихард узнал давнишнего друга, коммуниста. «Карл!» Он до крови закусил губы, чтобы удержать крик.

Двое штурмовиков волокли Карла, заломив ему руки за спину, а третий бил резиновой палкой по его окровавленной голове.

Когда они поравнялись с мужчиной в штатском, Карл вскинул голову и полоснул ненавидящим взглядом по его лицу. Вдруг его глаза задержались на лице Рихарда. Что-то дрогнуло в глазах Карла, судорога свела его губы. Но он совладал с собой, и теперь столько было презрения, ненависти и боли в его взгляде, что Рихард отвернулся. «Вот он, крест разведчика. Не риск, не смертельная опасность... Ты должен стать врагом для друзей по духу, по борьбе и другом для ненавистных врагов. Солдат идет в бой локоть о локоть с товарищами. А тебе все сражения проходить одному, самому прокладывая себе путь. И, может, даже после твоей смерти уготовано тебе презрение друзей и сожаление врагов. Что ж, ты сам выбирал этот крест...»

Он брел назад. Ноги подкашивались от усталости. Все больше народу на улицах. Обгоняя его, мчались машины. И он снова обратил внимание, что они доверху гружены книгами. На книгах восседали и горланили юноши в студенческих шапочках, многие в очках.

Одна машина, заглохнув, притормозила у тротуара.

— Куда везете книги? — спросил Рихард.

Студент из кузова, презрительно сплюнув, ответил:

— Разве не слышали? Сегодня вечером перед зданием Государственной оперы будут сожжены на костре двадцать тысяч книг, которые не соответствуют германскому духу. Эту операцию проводим мы, студенты берлинского университета. Вот это будет аутодафе!

И он снова смачно сплюнул.

«Я должен видеть и это,— подумал Рихард.— Я должен...»

К вечеру он пришел на площадь Оперы. Со всех окрестных улиц сюда стекались люди: разодетые дамы и чопорные господа, клерки, служанки, дворники, торговцы. Не было только рабочих.

В центре площади громоздился целый холм из книг. Широким кругом площадь оцепили все те же люди в коричневых рубашках.

«Действительно аутодафе, страшный суд инквизиции! И это — в двадцатом веке!» Рихард стал оглядываться, пытаясь увидеть хоть одно лицо, на котором было бы написано омерзение или гнев. Нет, все эти физиономии, мужские и женские, жестокие и миловидные, отражали только одно чувство — обнаженный, животный интерес к тому, что должно было произойти.

И началось. Оркестр грянул «Германия превыше всего!». Облитый бензином, полыхнул холм из книг, синие языки взвились в небо. Вальпургиева ночь, шабаш ведьм!

Только сейчас Рихард заметил, что около костра сооружены подмостки. Вот на них взбежал белобрысый студент со связкой книг. С такими связками он прежде бегал в университет на лекции. Сейчас он воздел книги над головой и писклявым дискантом закричал:

— Против классовой борьбы и материализма! За единство народа и идеалистическое мировоззрение! Я предаю пламени произведения Маркса и Ленина!

И бросил связку в костер.

Его сменил на подмостках другой — детина с повязкой вспомогательной полиции, но тоже в студенческой шапочке.

— Против упадка морали! За нравственность, семью и государство! Я предаю огню произведения Генриха Манна!

Поднялся третий.

— Против литературного предательства солдат мировой войны! За воспитание народа в духе доблести! Я предаю пламени произведения Эриха-Марии Ремарка!..

Они все шли, поднимались, толкая друг друга, торопясь, стараясь кричать как можно громче и торжественнее, и бросали в костер связка за связкой книги Барбюса и Синклера, Стефана Цвейга и Фейхтвангера, томики стихов Гейне...

«В истории народов все это уже было,— подумал Рихард.— Султан Омар сжег знаменитую Александрийскую библиотеку. Сжигал книги папа Григорий XI. Инквизитор Генрих Шеневальд сжигал живьем людей в Тюрингии, в Зангергаузене и Винкеле... Но ведь сейчас двадцатый век! И ведь Германия — страна Гете и Гейне, Бетховена и Моцарта, Эйнштейна и Гумбольдта, Маркса и Энгельса!.. Мор, коричневая чума напала на твой ум, Германия! Но тем более мы не можем, я лично не могу допустить, чтобы эта чума поразила весь мир!»

А белобрысые юнцы все продирались и продирались на подмостки, и полыхал злобными языками костер.

Пламя билось, трещало, выстреливало. К ногам Рихарда, стоявшего в первом ряду, упала тлеющая книга. Он поднял ее, наугад раскрыл, прочитал:

Весны синеют очи
И прячутся в траву,—
То нежные фиалки,
Что я для милой рву.
Я их срывал в раздумье,
И все, что думал я...

Он почувствовал на себе пристальный взгляд. На него в упор, настороженно смотрел штурмовик из оцепления. Наверно, уловил в выражении лица чувства, с которыми читал стихотворение Рихард.

Рихард усилием воли презрительно усмехнулся и, размахнувшись, под взглядом штурмовика бросил томик Гейне в костер.

Он возвращался в гостиницу. По улицам текло факельное шествие. Гитлеровские молодчики горланили все того же «Хорста Весселя», кричали: «Германия, пробудись!» — или, дурачась, спрашивали: «Где коммуна?» И хором отвечали: «В подвале! Ха-ха-ха!»

И вдруг над улицей, над трепещущими факелами, откуда-то сверху, с крыш, зазвучали дружные голоса:

— Фашизм — долой! Гитлера — на виселицу!

Колонны факельщиков смешались. Загрохотали сапоги по лестничным маршам, полоснули выстрелы наугад. А с разных сторон все неслось:

— Фашизм — долой! Гитлера — на виселицу!

В номере отеля окно все так же было распахнуто настежь, но воздух пах гарью. Рихард включил свет. Подоконник был покрыт слоем пепла.

Он принял душ. Но долго не мог заснуть. Неужели прошел всего только один его берлинский день? Ему казалось, что этот кошмар продолжается уже целую вечность.

Он забылся под утро тяжелым, беспокойным сном. Засыпая, в который раз вспомнил слова Эрнста Тельмана: «Ничего не забудем!»

Продолжение следует.

ЧЕТЫРЕ ИЗ ЧЕТЫРЕХ

...На Малом поле московского стадиона «Динамо» шел матч по русскому хоккею. Белый пар стоял над трибунами — тысячи зрителей, забыв о крепком морозе, волновались, аплодировали мастерству Михаила Якушина, Василия Трофимова, Сергея Соловьева, быстрым атакам, напряжению стремительной борьбы.

Кончился матч, и на поле отгородили дощатыми щитами небольшую площадку. Объявили по радио:

— Сейчас состоится показательная встреча по хоккею с шайбой!

Случилось это два десятилетия назад. Был в зените наш русский лихой и мужественный хоккей, зарождался, делал первые у нас шаги хоккей канадский, как тогда его называли.

Сейчас в финском городе Тампере проходит чемпионат мира по хоккею с шайбой. Наши спортсмены отстаивают свое высокое звание сильнейших.

Хоккей с мячом, этот футбол на льду, по-прежнему остается русским хоккеем. Если не по названию, так по неоспоримому праву. Четыре первенства мира прошли, и во всех четырех были первыми наши ребята!

Снайперское попадание. На этом снимке вы видите победителей, чемпионов мира.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото А. Бочинина.

НЕСТАРЕЮЩИЕ РОЛИ, НЕСТАРЕЮЩИЕ ПЬЕСЫ, НЕСТАРЕЮЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ!.. Чтобы убедиться в том, что они есть, достаточно взглянуть на одну из самых популярных актрис — Любовь Петровну Орлову, когда она играет Лиззи Мак-Кей в одноименной пьесе Сартра. Драматург, приезжавший из Франции в Советскую Россию, был восхищен ею.

«Лиззи Мак-Кей» на сцене Театра имени Моссовета празднует своеобразный юбилей: пятисотое представление.

Фото В. Петрусовой.

МАРИ-ОКТЯБРЬ — ее все видели в кино, мужественную француженку, героиню Сопротивления...

В Ленинградском академическом театре драмы имени Пушкина с успехом идет в постановке М. Гершта спектакль «Встреча», где Мари-Октябрь — умная, грациозная и женственная в исполнении Н. Ургант — привлекает все сердца.

На фото: Н. Ургант — Мари и В. Честноков — Рено Пикар.

Фото Д. Мовшина.

Милена МАЙОРОВА

Особый вид млекопитающих

Во время своих биологических исследований я обнаружила в науке о млекопитающих весьма ощутимый пробел. Ни в одной научной работе нет никаких упоминаний об особой и тем не менее очень распространенной разновидности млекопитающих — о мужьях.

Поэтому я решила восполнить пробел хотя бы этой небольшой научной статьей. В работе над ней я пользовалась различными источниками — от библии до теории Дарвина. Но больше всего мне помогли собственные наблюдения и опыт моих знакомых, ибо каждая из нас уже по нескольку лет держит дома по одному экземпляру мужа.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МУЖА

Млекопитающее муж происходит от влюбленного мужчины. Влюбленность является лишь временным, переходным состоянием и утрачивается при превращении мужчины в мужа. Симптомы влюбленности: мужчина преподносит цветы и духи, отпускает долгие нежные взгляды и, наконец, проявляет повышенную сентиментальность. Все это в целом аналогично весенним любовным песням дроздов. Но основным признаком влюбленности является стремление мужчины стать мужем. В день, когда он им становится, он заворачивается в черный кокон, научно именуемый свадебным костюмом, и выдавливает из себя неясный, дрожащий звук, напоминающий слово «да». После этого дня наступает период, когда муж хотя и покупает порой цветы, но приносит их уже в кармане или портфеле. Это можно объяснить остаточными явлениями возбужденной мозговой деятельности в связи с миновавшим периодом влюбленности. Со временем мозговые центры успокаиваются, и тогда превращение влюбленного мужчины в мужа можно считать полностью завершенным. Вместо цветов и духов он приносит домой в лучшем случае гуталин и пиво.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ

Утром, едва встав, он удивляется, почему ему подают такой горячий чай. Это свидетельствует о его слабом знании элементарных законов физики, поскольку он, по-видимому, и не догадывается, что эта жидкость кипит при температуре 100° независимо от того, торопится кто-то на работу или нет. Потом он бранится по поводу отсутствия чистого носового платка. В эти моменты он ядовит, и задевать его не рекомендуется. Затем он отправляется на работу. И хотя мужья уже сотни лет уходят по утрам на работу, они считают это героизмом и требуют, чтобы жена оказывала им за это всяческое уважение.

Из сказанного выше видно, что этот вид млекопитающих не обладает достаточно развитой наблюдательностью, иначе муж заметил бы, что работает не только он, но и жена.

Дома большую часть времени он смотрит телевизор или читает газеты, а также спит, закрыв лицо газетой. Поведение резко меняется при встрече с другими представителями того же рода млекопитающих. Все вместе мужья отправляются, научно выражаясь, «выпить по маленькой». Тогда муж становится веселым и даже буйным.

Иногда можно заметить, что муж смотрит на нас долгим, задумчивым взглядом. Экспериментальным путем нам удалось установить, о чем он размышляет в эти минуты. Он думает, насколько ему было лучше, когда он еще не был женат, и насколько его мамочка умела готовить лучше нас. Таким образом, очевидно, что круг умственной деятельности мужа весьма ограничен.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МУЖА БОЛЕЗНЯМ

Судя по длительным наблюдениям, таковое отсутствует. Хотя это млекопитающее кичится своим крепким телосложением, наблюдения показывают, что обычный насморк удручает его настолько, что оно начинает интересоваться условиями работы крематория. Более стойкий экземпляр не сразу начинает думать о смерти, однако в любом случае он тотчас же укладывается в постель, издавая протяжные стоны.

Хуже всего этот вид млекопитающих реагирует на зубную боль. Сравнительно вялый экземпляр упрашивает доктора сделать ему анестезию всей верхней половины тела. Более энергичный субъект способен укусить врача последними здоровыми зубами.

ПРИНОСИТ ЛИ МУЖ КАКУЮ-НИБУДЬ ПОЛЬЗУ?

Укрощенный, заботливо и терпеливо воспитанный муж иногда дома приносит пользу. Мы можем использовать его для мытья посуды, для открывания консервных банок, а иногда даже удается заставить его вытереть пыль там, куда мы не дотянемся. Частично он оправдывает себя при покупках, однако максимум трех-четырех вещей, так как запомнить большее количество он не в состоянии.

Однако муж строптивого характера отказывается выполнять и эти несложные функции, потому что ему, мол, достоинство не позволяет. Подобный вид мужа вообще бесполезен и нерентабелен.

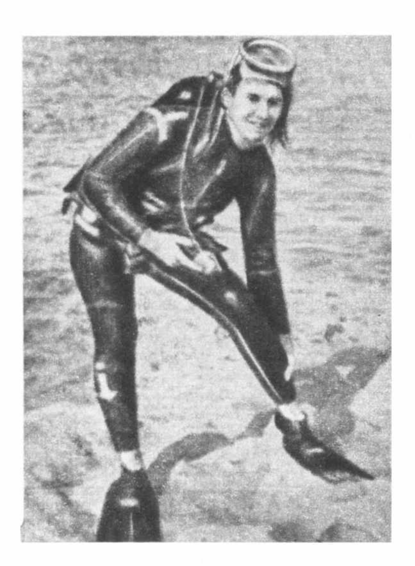
ПОЧЕМУ ЖЕ, СОБСТВЕННО ГОВОРЯ, МЫ ДЕРЖИМ МУЖА В ДОМЕ?

Из приведенного выше становится ясно, что мы держим в доме мужа отнюдь не из-за его полезности, ибо таковая минимальна, и не для развлечения, поскольку как источник веселья муж уступает самой сонливой канарейке.

Почему же мы стремимся заполучить в хозяйство хотя бы один экземпляр мужа? Это легко объяснимо: потому что мы его любим.

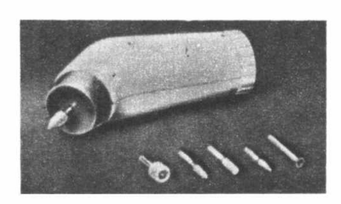
Перевела с чешского И. ГАВРИЛОВА.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

РЕКОРДСМЕНКА

Одетая в легкий водолазный костюм, австралийка Кети Траут недавно спустилась под воду на глубину 106 метров. Кети превысила на 23 метра предыдущий рекорд своей соотечественницы. Погружение длилось десять минут.

МАНИКЮРНАЯ ТЕХНИКА

Один из заводов электротехнических приборов в ГДР наладил производство портативных машинок для обработки и полировки ногтей.

ТРУБОЧИСТКА

Профессия трубочиста считается сугубо мужской. Но Ева Зубреник нарушила эту традицию, решив стать первой трубочисткой Вены. На снимке вы видите Еву Зубреник в одежде трубочиста.

ТАКСИ ДЛЯ ЖЕНЩИН

Итальянка Вита Матанга из Палермо — первая женщина в Сицилии, получившая права шофера такси. Однако Вита возит в своей машине только женщин. «Не хватало, чтобы я еще перевозила мужчин!» — заявила она.

ЖЕНСКИЙ БАНК

В Джакарте открыт банк, в котором все служащие — от директора до рассыльного — женщины.

СТАРТУЕТ ПРАБАБУШКА

Прабабушек, которые принимали бы участие в спортивных состязаниях, можно, вероятно, пересчитать по пальцам. На снимке одна из них — восьмидесятилетняя Л. Шёнгерр, жительница ГДР. В январе этого года она стартовала на соревнованиях пловцов в Берлине.

СВАДЬБА ПОД ВОДОЙ

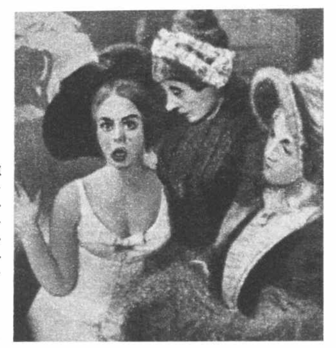
Американский моряк Ральф Клотц решил быть верным до конца водной стихии. Он, его невеста Эстелла Майл, свидетели, служащий муниципалитета и его помощник — все в водолазных шлемах — спустились в бассейн на четырехметровую глубину, где и произошла церемония бракосочетания.

МАРИНА И СЛОН

У каждой девочки свои игрушки. У кого — куклы, а у кого — живой слон. Четырехлетняя Марина, дочь артиста из Лондонского цирка, любит поиграть со слоном. А для слона это не игра, а работа. И во всякой работе помощь всегда кстати...

КОРОЛЕВА СВЕТА

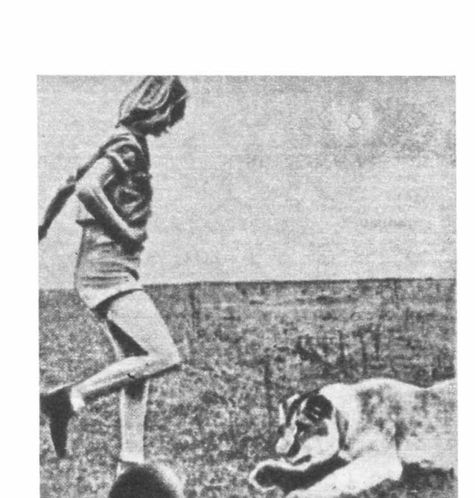
Ежегодно в середине зимы в Скандинавии торжественно отмечается праздник света. Избирается королева света — символ возвращающегося солнца. Королева увенчивается короной со свечами.

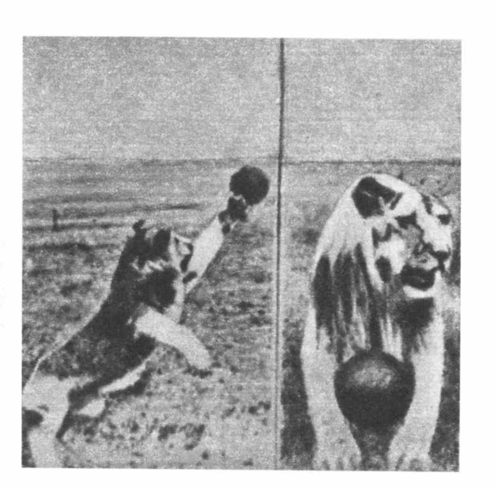
НЕ ОТВЕРТЕЛСЯ

Английский театр «Мэрмейд» поставил «Женитьбу» Н. В. Гоголя. Печать отмечает, что в целом постановка удалась. Однако в английском варианте «Женитьбы» изменен финал комедии: Подколесина, который выпрыгивает в окошко, ловят в саду и приводят назад. Агафья Тихоновна добивается своего: выходит за Подколесина замуж.

ЛЕВ-ФУТБОЛИСТ

В Кении идут съемки фильма «Рождена на свободе», в котором рассказывается о судьбе львицы Эльзы. Артистка, участвующая в кинокартине, очень подружилась с несколькими львятами. Наиболее резвым среди них оказался молодой Бой, который даже играет со своей партнершей в футбол.

ТВОРЧЕСКИЙ ОГОНЁК КЛУБ

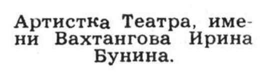
В этот раз гостями нашего клуба «На огонек» были летчик Г. А. Речкалов, артисты Вахтанговского театра и рекордсмен мира Юрий Власов.

Дважды Герой Советского Союза, генерал-майор Григорий Андреевич Речкалов рассказал о том, как воевал в Отечественную войну. Мужественный летчик участвовал в 122 боях, сбил 64 вражеских самолета. Речкалов вспоминал о своих однополчанах, о боевом крещении в первый день войны.

Народный артист СССР Н. О. Гриценко и заслуженный артист республики Н. Н. Бубнов показали отрывок из спектакля «Живой труп».

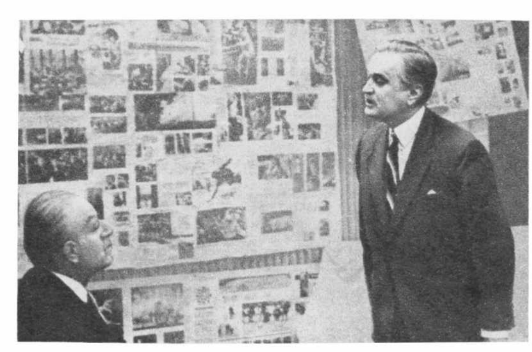
Артистка Театра имени Вахтангова Ирина Бунина, исполнительница главной роли в фильме «Верьте мне, люди!», рассказала о съемках.

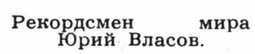
Юрий Власов — замечательный рассказчик. Много любопытного услышали присутствующие о советских и зарубежных штангистах, с которыми ему пришлось встретиться на международной арене, о его предшественниках — чемпионах мира — тяжелоатлетах. Увлекательный рассказ Юрия Власова очень понравился всем, кто принимал участие в этом заседании клуба «На огонек».

Артистка Театра имени Вахтангова Ирина Бунина.

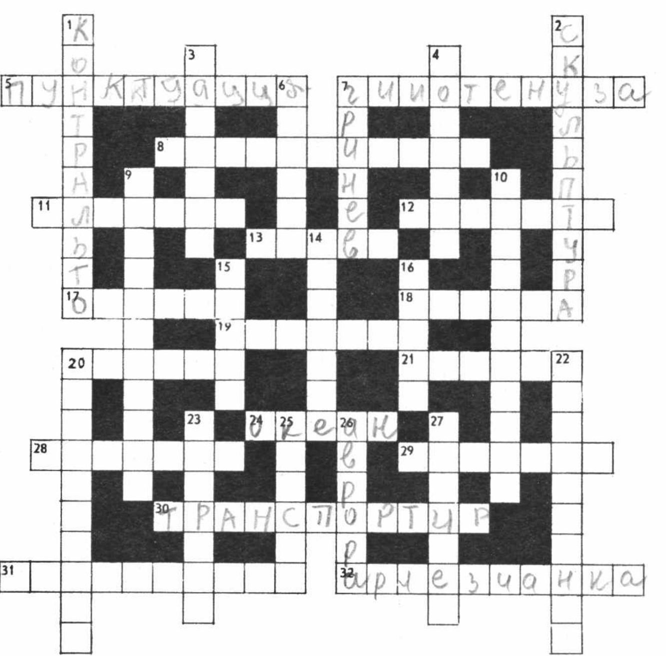

Дважды Герой Советского Союза генерал-майор Г. А. Речкалов.

Заслуженный артист РСФСР Н. Н. Бубнов и народный артист СССР Н. О. Гриценко.

Рекордсмен мира Юрий Власов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Расстановка знаков препинания. 7. Одна из сторон прямоугольного треугольника. 8. Актриса Малого театра. 11. Ледник. 12. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 13. Сетчатая ткань. 17. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 18. Старинный экипаж. 19. Краткое изложение научной работы. 20. Ловушка для мелких зверей. 21. Заячья капуста. 24. Водное пространство. 28. Духовой инструмент. 29. Река, впадающая в Псковское озеро. 30. Чертежный прибор. 31. Фотографическое изображение. 32. Драма А. Доде.

По вертикали:

1. Женский голос. 2. Вид изобразительного искусства. 3. Советский хирург, академик. 4. Пакет. 6. Остров в Карибском море. 7. Персонаж из «Капитанской дочки» Пушкина. 9. Центр автономной области. 10. Объяснение, толкование текста. 14. Совокупность местных говоров. 15. Ящерица. 16. Электронная лампа. 20. Горы в Румынии. 22. Порт в Атлантическом океане. 23. Роман Ф. В. Гладкова. 25. Типографский шрифт. 26. Исторический крейсер. 27. Ближайшая к Земле точка лунной орбиты.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

3. Реостат. 4. Филатов. 6. Чернавода. 11. Шмага. 12. Архар. 15. Мверу. 17. Иволга. 18. Акация. 19. Фураж. 20. Солод. 21. Шарнир. 23. Азимут. 24. «Степь». 25. Арзни. 27. Грамм. 28. Структура. 31. Крапива. 32. Житомир.

По вертикали:

1. Поплин. 2. Штатив. 4. Фреза. 5. Выдра. 7. Артек. 8. Парафраза. 9. Ахмадабад. 10. Февраль. 11. Шаланда. 13. Реализм. 14. Трибуна. 15. Миасс. 16. Уголь. 22. Леток. 26. Исток. 27. Горка. 29. Урарту. 30. Триумф.

— Передайте мужу, что я пошла на вечер.
Рисунок А. Грунина.

...Он проглотил шарик!
Рисунок И. Сычева.

— Зачем ты подарил этой блондинке букет?
— Ты же сама сказала, что Восьмого марта женщинам нужно дарить цветы!
Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

На первой странице обложки: Одна из сильнейших гимнасток мира, Лариса Латынина, на тренировке. Внимательно следит за каждым движением матери маленькая Танечка.
Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Мария Михайлова и Валентина Кожевникова живут и трудятся в далеком колхозе «Победа», Хатангского района, Таймырского национального округа. Мария заведует библиотекой красного чума, она депутат районного Совета; комсомолка Валентина работает в колхозе.
Фото В. Константинова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. МИХАЙЛИНА.**

Такой уж это день — Восьмое марта.

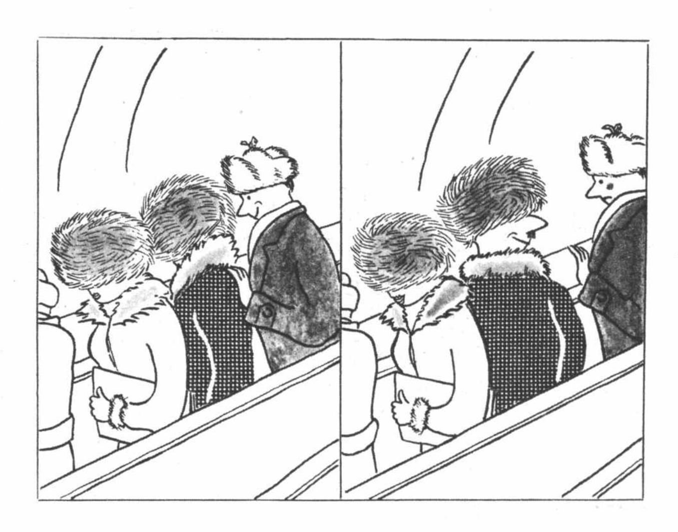

— Я готов простоять вечность...

Рисунок А. Грунина

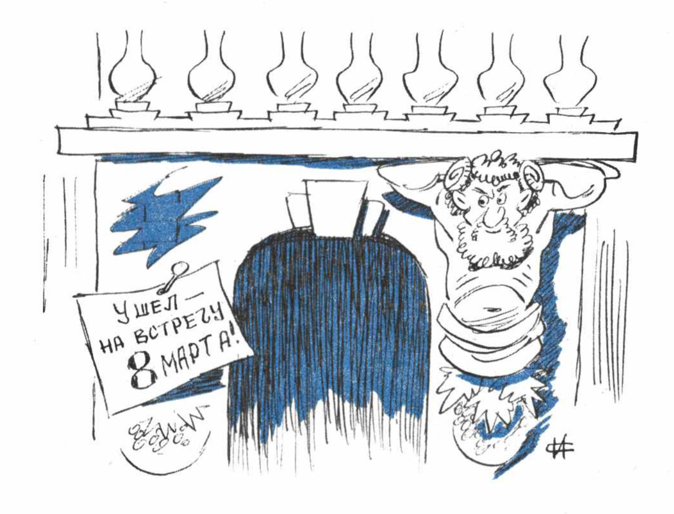
Восьмое марта — женский день.

Жертва моды.

— Здравствуй, Катя!
— Я не Катя, я Георгий.

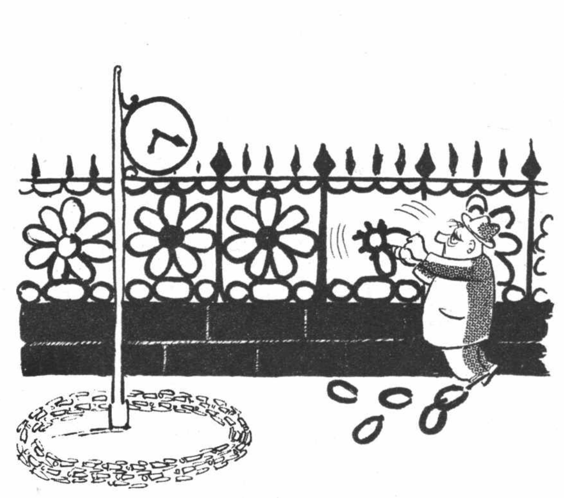
Рисунок Н. Елинсона.

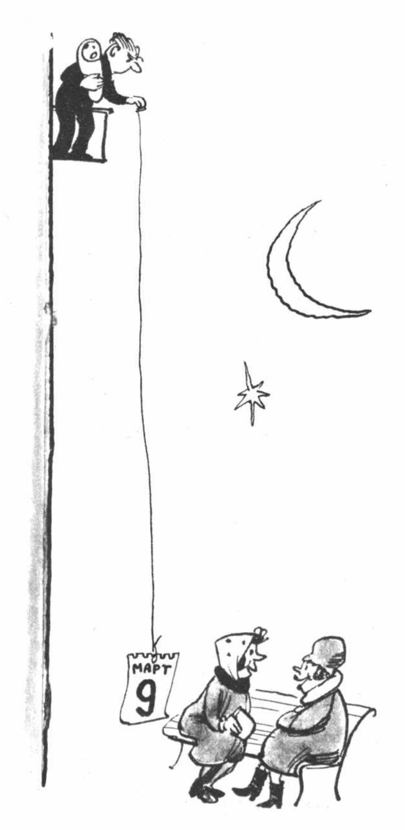
Рисунки И. Сычева.

— К чему же этот узелок завязала жена?..

— Любит... не любит...

Рисунки А. Грунина.

Без слов.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусства — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67. Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01941. Подписано к печати 3/III 1965 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 2 000 000. Изд. № 218. Заказ № 526.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп. Индекс 70663